

РИЧАРД БАХМАН

БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

Эта книга из выпускаемой серии «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА». В нее вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой самых популярных кино- и видеофильмов.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом.

Использование данного знака без согласования с издательством преследуется по закону.

Перепечатка входящих в данную книгу произведений, полная или частичная, запрещена.

Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с разрешения издателя.

Прочитав данную книгу Вы незамедлительно должны удалить ее с жесткого диска Вашего электронного устройства.

При желании приобрести книгу - обращайтесь напрямую в издательство или книжные магазины секонд-хенда.

ISBN 9984-502-03-01

© В. Зорин, оформление, 1993 г.

© В. Суриков, знак серии, 1993 г.

© 1982, by Richard Bachman («The Running Man»)

© 1993, by Robert Tine («The Bodyguard»)

РИЧАРД БАХМАН

**БЕГУЩИЙ
ЧЕЛОВЕК**

«ЛИЕСМА СИСТЕМС»

РИГА

1993

БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

RICHARD BACHMAN
«THE RUNNING MAN»

Перевод с английского.

Отсчет пошел: 100

Она украдкой взглянула на градусник. В ясном свете дня за окнами возвышались небоскребы Кооп-сити, как старые наблюдательные вышки каторжной тюрьмы. Внизу на веревке под вентиляционной трубой хлопала поношенная одежда. Крысы и жирные уличные коты, повизгивая, рылись в кучах мусора.

Она обернулась и посмотрела на мужа. Он сидел на стуле, оцепенело уставившись на экран "Свободного вещания". Это продолжалось уже несколько недель и было на него совсем не похоже. Он всегда ненавидел это занятие. Естественно, в каждой усовершенствованной квартире по закону был установлен экран "Свободного вещания", но выключить его не считалось нарушением закона. Проект Обязательного закона о пособиях не прошел: не хватило всего шести голосов до необходимых двух третей. Так что они обычно не смотрели этот канал. Но с тех пор, как заболела Кэти, муж заинтересовался передачами, где можно заработать большие деньги. Это все ужасно пугало ее.

Сейчас был получасовой перерыв в играх, и диктор сообщал последние новости. Сквозь его монотонный голос слышалось хриплое дыхание простуженной Кэти.

- Ну как? — спросил Ричардс.
- Нормально.
- Не ври.
- Тридцать девять и пять.

Он с силой ударил кулаком по столу. Пластмассовая миска подпрыгнула и, перевернувшись в воздухе, соскользнула на пол.

— Не переживай так. Мы найдем врача. Послушай... — она болтала без умолку, чтобы отвлечь его, но он уже повернулся обратно к экрану. Перерыв закончился, игра продолжалась. На этот раз ничего серьезного — обыкновенная дешевая затея под названием “Ручная мельница”. В игру принимались люди с патологиями сердца, печени и легких, иногда — шутки ради — калеки. Умудряясь не упасть от напряжения, крутя с дикой скоростью ручную мельницу и поддерживая бесконечные диалоги с ведущим, участник за одну минуту мог получить десять долларов. Каждые две минуты ведущий задавал дополнительный вопрос по теме, выбранной участником, ответ, который оценивался в пятьдесят долларов.

Сегодняшний мученик с бешеным пульсом был фанатом американской истории. Если же участник игры под безумный аккомпанемент своего сердца задыхался, но все же не мог найти ответа, пятьдесят долларов вычитывались из уже набранных очков, а обороты мельницы увеличивались.

— Мы продержимся, Бен. Мы сможем. Я... я буду...

— Что ты будешь? Суета здесь не поможет. Ей нужен настоящий специалист. Хватит приглашать медсестер и помощниц акушеров. У них грязные руки и от них разит виски за милю. Нужно самое современное оборудование. Я позабочусь об этом.

Он пересек комнату, не отрывая взгляда от экрана, ввинченного в обшарпанную стену над раковиной. Сняв с крюка дешевую грубую куртку, он раздраженно накинул ее на плечи.

— Нет, я не допущу этого... Ты собираешься?

— А почему бы нет? В худшем случае ты получишь

немного денег на содержание семьи, лишившейся кормильца. Этого тебе хватит на лечение дочери.

Она никогда не была красавицей, а за годы вынужденной безработицы мужа высохла и сильно постарела, но в этот момент ее лицо приобрело царское выражение.

— Я не возьму этих кровавых денег. Я навешаю лапши на уши государственному агенту и отправлю его отсюда, не взяв ни цента. Мне не нужна компенсация взамен мужа.

Он повернулся к ней, жестокий и неумолимый, пытаясь сдержать в себе нечто, разрывавшее его на части, это невидимое нечто, на которое Система и делала ставку. В этом мире он был доисторическим животным, атавизмом, что представляло определенную опасность.

Он кивнул в сторону спальни.

— А как тебе нравится перспектива похоронить ее в нищенской безымянной могиле?

Волна безумной тоски накатилась на нее. Глаза исчезли в густой сетке морщин, и она разрыдалась.

— Бен, они ждут именно таких, как мы. Они ждут нашей смерти...

— Может, меня еще и не возьмут, — сказал он, открывая дверь. — Может быть, во мне нет того, что им надо.

— Если ты пойдешь туда, они убьют тебя и покажут мне твою смерть. Ты хочешь, чтобы я смотрела на все это рядом с больной дочерью?

Из-за слез ее речь была несвязной.

— Я хочу, чтобы наша дочь осталась жива, — он попытался закрыть за собой дверь, но жена заслонила выход.

— Тогда поцелуй меня на прощанье.

Он нагнулся к ней. В конце коридора скрипнула дверь и высунулась голова миссис Дженнер. Они уловили дразнящий сытный запах жареной говядины с капустой. У миссис Дженнер дела шли хорошо. Своим наметанным глазом она помогала в местном универмаге распознавать покупателей с фальшивыми карточками.

— Ты ведь возьмешь деньги? Прошу тебя не делай глупостей.

— Возьму, и ты это знаешь, — прошептала она.

Он как-то неловко обнял ее и, быстро отвернувшись, сбежал вниз по причудливо изогнутой, неосвещенной лестнице.

А она осталась стоять в пустом дверном проеме, сотрясаясь в беззвучных рыданиях, пока не услышала далеко внизу звук захлопнувшейся двери. Сжимая градусник, она подняла фартук к глазам.

Рядом внезапно возникла миссис Дженнер и потянула ее за фартук.

— Дорогуша, — прошептала она над ухом, — есть дешевый пенициллин с черного рынка, я могу достать... когда тебе принесут деньги...

— Убирайся! — закричала она.

Миссис Дженнер отшатнулась, ее верхняя губа поползла вверх, открывая почерневшие зубы.

— Просто хотела тебе помочь, — пробормотала она, исчезая за своей дверью.

В наступившей тишине снова стали слышны стоны Кэти. Тонкие фанерные стены не могли их заглушить. В квартире миссис Дженнер загудел и разразился аплодисментами экран "Свободного вещания". Только что очередной участник "Ручной мельницы" не ответил на дополнительный вопрос, и с ним тут же приключился инфаркт. Под бурные овации зрителей его вынесли на пластовых носилках.

Миссис Дженнер нацарапала имя Шейлы Ричардс в своей записной книжке.

— Ну, что ж, миссис Пахучка, поживем — увидим, — проговорила она в пустоту, и ее губа снова злобно вздрогнула. Яростно захлопнув блокнот, она устроилась перед экраном — начиналась новая игра.

Отсчет: 099

Моросящий дождь превратился в ливень, когда Бен вышел на улицу. Большой термометр на углу напротив с надписью «Курите сигареты "Доукс"» показывал +10° С.

(Погодка как раз, что надо, чтобы обкуриться до нуля). А в квартире, должно быть, всего +12°. А Кэти простужена.

Через улицу, покрытую растрескавшимся асфальтом, проскочила жирная крыса. Напротив на прогнивших осях стоял почерневший скелет “Хамбера” модели 2013 года, вернее то, что от него осталось. Снято было все вплоть до бампера, но полиция поленилась убрать останки с дороги. Теперь полицейские редко появлялись в районе к югу от Канала. Кооп-сити был расположен в кишасе крысами “муравейнике”. Мрачные заброшенные магазины, пустые автостоянки, бетонированные детские площадки и городские центры. Законом и властью здесь были банды рокеров, и все рассказы о бесстрашных полицейских отрядах Южных районов были просто брехней. По пустынным, сумрачным улицам ходили пешком, лишь имея при себе газовый баллончик, а еще к услугам горожан был скоростной автобус.

Ричардс шел быстро, ни о чем не думая и не оборачиваясь, вдыхая плотный, насыщенный запахом серы воздух. Мимо промчались четыре мотоцикла, кто-то кинул кусок асфальта в его сторону. Ричардс легко увернулся, но тут же попал под струю выхлопных газов двух скоростных автобусов. Он не остановил их, ведь еженедельное пособие по безработице в размере двадцати старых долларов было на исходе. Денег не хватило бы даже на жетон. И быть может, почувствовав его бедственное положение, шайки мотоциклистов не досаждали ему.

Небоскребы с усовершенствованными квартирами, заборы с железными цепями, заброшенные стоянки, облюбованные ободранными бомжами. Расплывающиеся под дождем пошлые надписи на асфальте. Выбитые окна, крысы, разорванные мешки с мусором, зловоние и грязь повсюду. “Солнце светит ярко, но не для тебя”, “Травка погубит всех”, “Гитлер был крут”, “Хотите жить дольше — двигайтесь больше!”, “Мэри и Сид”, “Томми, это — подсадка” — везде, куда ни глянь, на всех серых стенах и заборах надписи, сделанные трясушей рукой укуренной молодежи.

Лампы и уличные фонари были давно разбиты, и здесь

никто их чинить не собирался; все электрики были на ново-кредитном обеспечении. Все они тянутся в Новые районы. Жить в Новых районах — это круто. А здесь все по-прежнему тихо, гулкие шаги Ричардса и тугие порывы ветра от скоростных автобусов давили на подкорку. Серая тишина дня нарушалась лишь шуршанием крыс, котов и каких-то тусклых людей, копошащихся в мусорных кучах. Запах разложения очередного “героического” 2025 года.

Кабели канала “Свободного вещания” надежно упрятаны глубоко под землю, и не было ни одного идиота-революционера, который попытался бы повредить их. Экран “Свободного вещания” — мечта и смысл всей этой грязной жизни.

Доза дешевого кокаина низкого качества — двенадцать старых долларов, флакон “Калифорнийской карусели” (сильнодействующая смесь кокаина, героина и ЛСД) — двадцать долларов. А “Свободное вещание” снесет крышу любому бесплатно. На другой стороне Канала двадцать четыре часа в сутки работает Машина Желаний, но оплата в новых долларах, а они есть только у людей с постоянным доходом. А ведь существует четыре миллиона безработных в Кооп-сити, к югу от Канала.

Ричардс прошел три мили, по дороге стали чаще встречаться винные и табачные лавки и бары. Затем начались публичные дома, стриптиз-бары и порно шопы. (!!!24 извращения — посчитайте их сами!!!). На каждом углу — банды зализанных молодчиков на мотоциклах, подонков из тараканьих щелей. «Богатые курят сигареты “Докус”». Вот уже показались небоскребы, уходящие верхушками в густые облака смога. В самом высоком здании — в сто этажей — разместились Федерация Игр и конторы канала “Свободного вещания”. Не отрывая от него взгляда, он прошел еще милью. Теперь по сторонам улицы уже располагались кинотеатры и табачные лавки без решеток на окнах, зато около каждой стоял наемный блюстителъ порядка с электрошоковым аппаратом на кожаном ремне. Полиция на каждом перекрестке. Общественный Парк Фонтанов — вход семьдесят пять центов. Хорошо одетые мамы со своими детишками, резвивши-

мися на гравитационных каруселях за железным ограждением. Двое полицейских на посту у входа в парк. И в центре — слабый намек на фонтан.

Он перешел на другую сторону Канала.

Чем ближе подходил он к зданию Федерации Игр, тем огромное оно становилось и тем недружелюбнее выглядели вытянутые окна офисов и белые отшлифованные плиты стен. Отовсюду чувствовался напряженный взгляд полицейских, готовых отмототить дубинкой любого, кто похож на праздного шатающегося. В Новом районе у человека в отвисших брюках, с плохой стрижкой и ввалившимися глазами могла быть только одна цель — принять участие в Играх.

Отборочные тесты начинались в полдень. Бен Ричардс встал в очередь, ее хвост оказался в тени от здания Федерации Игр, хотя до самого здания было целых девять кварталов. Очередь вилась бесконечной лентой и терялась где-то далеко впереди. За ним сразу пристроились еще несколько человек. Полицейские наблюдали за людьми в очереди, держа руку на электрошоковом аппарате, и, гнусно улыбаясь, переговаривались между собой:

— Глянь-ка, Френк, на этого недоноска. По-моему, полный хилак!

— А тот-то парень меня спросил, где здесь туалет, представляешь?

— Эти сукины дети не способны даже...

— ... матерей родных продадут за ...

— От него воняет, как будто он не мылся недель так...

С опущенными головами они тихо переминались с ноги на ногу под дождем. Через некоторое время очередь начала двигаться.

Отсчет: 098

В начале пятого Бен наконец подошел к главной стойке и был направлен к столу номер девять. Сидевшая за ним женщина выглядела усталой и недружелюбной. Посмотрев сквозь него, она вяло сказала:

— Имя и фамилия.

— Ричардс Бенджамен Стюарт.

Пальцы пробежали по клавишам компьютера: *плим-плим-плим*.

— Возраст, рост, вес.

— 28, 185, 75.

Плим-плим-плим.

— Когда проводился тест интеллектуального уровня и результат.

— 126. В возрасте четырнадцати лет.

Плим-плим-плим.

Огромный холл перекликался и разливался гулким эхом. Задавались вопросы, давались ответы. Капли пота падали на пол. Некоторых сразу выкидывали на улицу. Нервные голоса протестовали. Несколько вскриков разорвалось под потолком и умолкло. Вопросы, бесконечные вопросы.

— Последнее место учебы?

— Торговый техникум.

— Закончили?

— Нет.

— Сколько лет учились? В каком возрасте отчислились?

— Два года. В шестнадцать лет.

— Причина отчисления?

— Я женился.

Плим-плим-плим.

— Имя и возраст супруги.

— Шейла Кэтрин Ричардс, двадцать шесть лет.

— Имена и возраст детей, если они есть.

— Кэтрин Сара Ричардс, восемнадцать месяцев.

Плим-плим-плим.

— Последний вопрос: обманывать нет смысла — все обнаружат при медицинской проверке и все равно выгонят — использовали ли вы когда-либо героин или галлюциногенный психостимулятор, называемый “Калифорнийская карусель”?

— Нет.

Плим.

Пластиковая карточка выскочила из шелки и оказалась в руках Ричардса.

— Не потеряй ее, здоровяк, а то придется отстаивать еще одну очередь через неделю.

Теперь она уже разглядела его лицо, злые глаза, похудевшую фигуру. Ничего, вроде не урод и чуть воспитаннее других.

Она вдруг забрала карточку и отломила верхний правый уголок, что придало ей странный вид.

— Это еще зачем?

— Не обращай внимания. Может, тебе кто-нибудь потом это объяснит.

Она указала на длинный коридор за его спиной, где виднелись ряды лифтов. Около них десятки мужчин останавливались, показывали только что полученные карточки и шли дальше. Ричардс увидел, как какого-то накачанного наркотиками человека выставили на улицу. Человек заплакал, но не пытался сопротивляться.

— Мир жесток, парень, — сказала без капли сочувствия женщина за столом. — Иди.

И он пошел. За спиной снова послышалось шелканье клавиш. *Плим-плим-плим.*

Отсчет: 097

Пройдя до конца холла, он почувствовал, как тяжелая рука опустилась на его плечо.

— Карточку, приятель.

Ричардс вытащил карточку, и полицейский расслабился, но прищурился разочарованно и сразу стал похож на китайца.

— Нравится нашего брата выставлять за дверь? — спросил Ричардс. — Сразу такой важный становишься, да?

— Хочешь в участок угодить, мерзавец?

Ричардс молча проследовал мимо, но полицейский не шелохнулся. Пройдя несколько шагов, Ричардс обернулся:

— Эй, полицейская свинья!

Тот свирепо посмотрел в его сторону.

— У тебя есть семья, дети? Ведь завтра на моем месте можешь оказаться ты.

— Проходи, не задерживайся! — рявкнул вконец разъяренный охранник. С улыбкой на губах Ричардс подошел к группе человек из двадцати, ожидавших у лифта. Очередной блюститель порядка скептически покосился на его карточку:

— Вроде крепкий орешек?

— Не пытайся раскусить, зубы ломаешь! — улыбнулся в ответ Ричардс.

Полицейский вернул ему карточку.

— погоди, сынок, посмотрю я, как ты будешь языком болтать с продырявленной головой.

— Точно так же, как и ты без пушки на боку и со спущенными штанами, — все еще улыбаясь, парировал Ричардс. — Хочешь попробовать?

На мгновение показалось, что охранник бросится на него, но он только прошипел сквозь зубы:

— Они тебе устроят... Ты еще поползаешь перед ними на коленях, перед тем как сдохнуть.

Тут он отвлекся на подошедших троих парней и потребовал у них карточки.

Человек, стоящий спиной к Бену, обернулся. У него было нервное, напряженное лицо в каре из кучерявых волос.

— Слушай, не раздражай их, приятель. Очень скоро тебя будет ненавидеть любой из них.

— Не может быть, — лукаво глядя на человека, заметил Ричардс.

Тот отвернулся.

Внезапно открылись двери лифта. Там стоял полицейский — негр с огромным животом, закрывая собой панель кнопок. У дальней стены лифта в маленькой пуленепробиваемой кабинке сидел еще один охранник. Он с интересом листал порнографический журнал, держа между колен большое ружье на предохранителе. Патроны лежали ровным рядом прямо перед ним.

— Проходите вглубь, — с тоской в голосе прокричал толстяк, — вглубь, подальше к стене лифта.

Люди слились в сплошную молчаливую массу так плотно, что глубоко вздохнуть было нереально. Единая, мрачно настроенная плоть сжимала Ричардса с обеих сторон. Они остановились на третьем этаже, и Ричардс, будучи на голову выше всех рядом стоящих, оглядел зал ожидания, бесконечные ряды кресел и автомат по продаже сигарет в углу. Над всем этим громоздился огромный экран “Свободного вещания”.

— Выходите! Все выходите! Предъявляйте карточки!

Они проходили в зал по очереди, на мгновение поворачивая голову и протягивая карточку к бесстрастному глазку камеры, вмонтированной в стену. Трое полицейских стояли поодаль и наблюдали за прибывшими. Время от времени раздавался сигнал, и обладателей некоторых карточек выуживали из очереди и выводили за дверь. Ричардсу махнули рукой, мол, все в порядке, проходи, когда он достал свое удостоверение личности. Он подошел к автомату с сигаретами, купил пачку “Блэмс” и устроился в кресле подальше от экрана, насколько это было возможно. Первая затяжка вызвала у него мучительный кашель — он не курил уже почти полгода.

Отсчет: 096

На медосмотр начали вызывать по алфавиту, около двадцати человек поднялись и исчезли за дверью, расположенной за экраном. Табличка на двери гласила “Вход”. Большая стрелка под надписью указывала на дверную ручку. Низкий уровень грамотности претендентов на участие в Играх был известен повсеместно. Очередная буква звучала раз в пятнадцать минут, и Ричардс пожалел, что не взял с собой книгу, чтобы убить оставшиеся три с половиной часа. Но все шло своим чередом, да и к книгам здесь относились подозрительно, особенно в руках у парня из южного квартала. Порнуха была безопаснее.

В шесть часов вечера Бен внимательно прослушал новости (продолжается война в Эквадоре, в Индии вспыхнуло восстание людоедов, команда Детройта выиграла вечерний матч у команды Хардинга со счетом 6:2). Затем в половине седьмого в эфир вышла дорогостоящая Игра "Веселые стрелки", и Ричардс поспешно отошел к окну. Теперь, когда он все для себя решил, сами Игры стали ему противны. Остальные в зале пялились на экран с болезненным любопытством — ведь, быть может, на следующей неделе их постигнет та же участь.

На улице медленно темнело. Закатное солнце растекалось кровавыми струйками по горизонту. Прожекторы поездов надземки, проходивших на уровне третьего этажа, выпускали ослепительные лучи света в серый воздух. По тротуарам внизу проходили толпы мужчин и женщин — в основном компьютерщики или служащие Системы — в поисках развлечений. На углу улицы какой-то сутенёр наблюдал за своим товаром. Мимо проплыл грузный мужчина, держа под руки двух девиц, одетых в меховые жакеты.

Ричардс почувствовал комок в горле, ему ужасно захотелось домой к Шейле и Кэти, но он проглотил его вместе с желанием позвонить немедленно: контакты с близкими были временно (временно?) прекращены. Можно было, конечно, просто развернуться и уйти и больше никогда сюда не возвращаться. Несколько человек уже воспользовались этой возможностью, пройдя с мрачной ухмылкой через весь зал и скрывшись за дверью с табличкой "Выход на улицу". Вернуться с пустыми руками в квартиру, где, постанывая, горит в лихорадке больная дочка? Нет, это невозможно!

Постояв еще немного у окна, Ричардс сел перед экраном. Начинаясь новая садистская выдумка под названием "Вырой себе могилу".

Человек, сидевший рядом с ним, нетерпеливо щелкнул пальцами:

— Говорят, процентов тридцать претендентов отмечают только на медосмотре. Это правда?

— Я не знаю,— сказал Ричардс.

— Боже мой, у меня же бронхит,— пробормотал парень,— может на “Ручную мельницу” подойду?

Ричардс не нашел, что ответить. Работа дыхательной системы этого человека напоминала буксующий грузовик на очень крутом подъеме.

— У меня ведь семья...— хрипя произнес тот же голос.

Притворившись, что он полностью поглощен игрой, Ричардс отвернулся к экрану. Человек рядом долго молчал, а когда началось следующее шоу, вопрос о медосмотре был задан другому соседу.

За окнами было уже совсем темно. Шум дождя изредка прорывался, обтекая остальные звуки большого города. Затянувшийся вечер, казалось, никогда не кончится.

Отсчет: 095

Где-то в половине десятого безликий голос изрек букву “Р”, и несколько человек прошли под стрелку на двери в комнату для медосмотра. Первоначальное волнение уже давно улетучилось, и остальные алчно смаковали захватывающие моменты новой Игры уже без капли страха перед неизвестностью. Кое-где раздавалось мерное похрапывание тех, у кого нервная система уже отказывалась реагировать на происходящее. Человек с бронхитом ушел на осмотр еще час назад на букву “Л”. Мимоходом подумав о его дальнейшей судьбе, Ричардс вошел в вытянутую комнату с кафельным полом и лампами дневного света на стенах.

Утомленные врачи стояли по бокам с различными медицинскими инструментами; мозг любого вошедшего четко выдавал ассоциацию — сборный конвейер.

“Может быть, кто-нибудь из вас осмотрел бы мою малышку?” — подумал Ричардс с горечью.

После демонстрации своих карточек еще одной камере вновь прибывшие по команде остановились перед кафельной стеной с несчетным количеством крючков. Врач в белоснежном халате с блокнотом в руке подошел к ним:

— Раздевайтесь догола,— бросил он.— Одежду повесьте на крючок. Запомните свой номер, назовите его дежурному в конце комнаты. О ценностях не беспокойтесь, здесь они никому не нужны!

“Ценности... В самую точку”,— подумал Ричардс, расстегивая рубашку. Его личные ценности включали в себя пустой кошелек с фотографией Шейлы и Кэти, квитанцию, шестимесячной давности на починку обуви, брелок с единственным ключом от входной двери, детский носочек, оказавшийся в кармане под воздействием никому не ведомой силы и начатая пачка сигарет “Блэмс”.

На Бене как результат настойчивой заботы Шейлы были заштопанные вдоль и поперек кальсоны, но на многих рядом стоящих мужчинах были только брюки. Через пару минут они уже переминались с ноги на ногу на холодном полу; предметы мужского достоинства забыто висели между ног, как осенние листья. В руке у каждого все та же карточка. Легкий, с грустью вдыхаемый запах спиртного заструился между телами.

— Постройтесь в ряд. Карточка должна быть на виду. Соблюдайте все правила,— вещал доктор с блокнотом.

Очередь начала медленно продвигаться. Ричардс заметил рядом с каждым представителем медицины представителя закона. Он уставился в пол и терпеливо ждал, когда наступит его очередь.

— Карточку!

Записав его номер, первый врач заставил его открыть рот и надавил шпателем на язык. Следующий вонзил в зрачки тоненький лучик света, а затем осмотрел ушные раковины. После этого Ричардс вздрогнул от прикосновения холодного кружочка стетоскопа к груди. Немного покашляв по просьбе врача, он обернулся и увидел, как к выходу волокли человека. Он упирался и кричал, что ему нужны деньги, что они не имеют права, он призовет на помощь своего адвоката... Угрозы смолкли, и врач передвинул стетоскоп на спину.

— Глубокий вдох... задержите дыхание,— холодный кружок пополз вверх.— Выдохните и... идите.

Ухмыляющийся молодой медик измерил ему давление, затем Бен попал в руки к лысому, с крупными

мешущими врача. Тот засунул потную ладонь между мошонкой и ногой, заставив Ричардса при этом кашлять.

Измерили температуру, взяли анализ слюны. Вот уже полпути пройдено. Вот уже два или три человека закончили осмотр, и дежурный с лицом, изрытым оспой, принес их одежду в пластмассовых корзинках. Еще шестерых вывели из очереди и указали им на дверь.

— Нагнитесь и раздвиньте ягодицы.

Ричардс нагнулся. Палец в резиновой перчатке вошел в задний проход, покрутился там и отступил.

— Идите!

Он зашел в кабинку с занавесками, похожую на древние кабинки для голосования — одиннадцать лет назад такие кабинки были вытеснены полной компьютеризацией всех голосований — и помочился в голубую баночку. Врач взял ее и поставил на пластинку с проводами.

“Чайку решил попить”, — съязвил про себя Ричардс.

Следующим этапом на стене появился плакат с буквами.

— Читайте!

— Е, А, Л... Д, М, Ф... С, П, М, З... К, Л, А...

— Достаточно, проходите дальше.

Еще одна загадочная кабинка. Одев наушники, Ричардс должен был нажимать белую кнопку при любом звуке и красную — при его отсутствии. Звук сначала был высокий, как свисток, потом дошел до нормальной тональности. Ричардс тыкал в кнопки, пока его не остановили.

Его взвесили, измерили размер бицепсов. Врач, жуя резинку и что-то напевая себе под нос, надел на терпеливого пациента свинцовый фартук и сделал флюорографию.

Изначальная группа, где оказался Ричардс, состояла из тридцати человек, но всего лишь двенадцать прошли медосмотр успешно и теперь, одевшись, ждали лифта. Один из тех, кого выставили из очереди, даже попытался наброситься на врача, забравшего его, но полицейские не поленились пустить в ход свои электрические дубинки. Несчастный имел уникальную возможность испытать на себе все прелести скотобойни.

Ричардс в это время стоял около низкого столика и

вспоминал, какими из названных пятидесяти болезней он переболел. Большинство вопросов касалось болезней дыхательных путей. Упомянув о гриппе в семье, Ричардс почувствовал колющий взгляд врача.

— Жена?

— Нет, дочь.

— Сколько лет?

— Полтора года.

— Вы делали профилактическую прививку? Не лгите! — неожиданно закричал врач, видимо, подозревая, что пациенты все время скрывают что-то.

— Прививка была сделана в июле 2023 года. Повторная проверка — в сентябре 2023 года. В районной клинике.

— Идите.

Вспыхнувшее в Бене желание перегнуться через стол и свернуть этому козлу шею не нашло выхода. Он медленно отошел от стола.

Последним этапом оказалась женщина-врач с короткой стрижкой и одним наушником, которая спросила, нет ли у него гомосексуальных наклонностей.

— Нет.

— Были ли вы арестованы за какое-либо уголовное преступление?

— Нет.

— Страдаете ли вы какими-нибудь “фобиями”? Я имею в виду...

— Нет.

— Дослушайте определение, — нотка раздражения вспыхнула и погасла. — Я имею в ...

— Страдаю ли я некими непонятными страхами, как, например, боязнь замкнутого пространства и высоту? Нет, не страдаю.

Она сжала губы в тонкую полоску, сдержав какое-то колкое замечание.

— Используете ли сейчас или пользовались ранее галлюциногенами или другими сильными наркотическими веществами?

— Нет.

— Имеете ли родственников, арестованных за преступления против правительства или против Системы?

— Нет.

— Подпишите присягу на верность и выпускную доверенность, мистер...э-э... Ричардс.

Он нацарапал две подписи.

— Покажите карточку дежурному и скажите ему номер...

Он отошел от нее на середине предложения и поманил пальцем дежурного с уродливо торчащими передними зубами.

— Номер двадцать шесть, зайчик.

Ричардсу принесли его вещи, он медленно оделся и пошел к лифту. Задний проход горел и слипался от мази, которой пользовался врач.

Когда все собрались, двери лифта открылись. Пуленепробиваемая коморка на этот раз пустовала, а полицейский был худощавым с большим жировиком возле носа.

— Пожалуйста, проходите вглубь,— пропел он. Пока двери закрывались, Ричардс заметил, как группа под буквой "С" входила в комнату с противоположной стороны. Доктор с блокнотом приблизился к ним. Двери захлопнулись, оборвав картинку.

Поднявшись на четвертый этаж, они оказались в огромном помещении, напоминавшем казарму. Ряды коек из железа и брезента простирались во все стороны, казалось, до бесконечности.

Двое охранников вызывали их по одному из лифта и давали номера коек. Ричардс получил произведение мебельного искусства под номером 940. Сверху лежала коричневая простынка, прикрывая неприлично плоскую подушку. Скинув обувь, Бен улегся на койку, даже не возмущившись, что ее длины не хватает и ноги свисают с нее сантиметров на десять.

Закинув руки за голову, он уставился в потолок.

На следующее утро, ровно в шесть часов, Ричардс проснулся от истерического громкого звонка. Первые несколько секунд спросонья он был как в тумане, удивляясь, когда же Шейла успела купить будильник. Но тут память вернулась к нему, и он резко сел на койке.

Группами по пятьдесят человек с неизменной картошкой в руке, они прошли в большую ванную комнату. Ричардс зашел в кабинку, где на полочке под зеркалом лежали зубные щетки, завернутые в целлофан, электробритва, мыло и начатый тюбик пасты. Тут же находился душ и туалет. Табличка на зеркале гласила: *“Относитесь бережно к общественной собственности”*. Под ней кто-то нацарапал ответ: *“Я отношусь бережно только к собственной заднице”*. Стопка полотенец лежала на крышке унитаза. Приняв душ, Ричардс побрился и почистил зубы.

Их всех опять собрали вместе и отвели в столовую. Там Ричардс получил коробочку кукурузных хлопьев, миску маслянистой жареной картошки, тарелку омлета с куском тоста, напоминающего обломок мрамора. За этим последовала кружка мутного кофе, кувшинчик молока, пакетики с солью и сахаром и кусок бумажки со шлепком маргарина.

Он проглотил весь завтрак в один присест, как, впрочем, и остальные. Первая приличная кормежка за немыслимо долгий период времени. Если забыть, конечно, о скользких кусках дешевой пиццы и протеиновых таблетках. Но и этот завтрак был подозрительно пресный и водянистый. Можно было подумать, что, оставив лишь чистые нитраты, повар выпарил из продуктов весь настоящий вкус и аромат.

А что едят сегодня ОНИ? Консервы из морской капусты? Искусственное сухое молоко? Чувство полной беспомощности и безысходности вдруг переполнило его. Когда же, наконец, он сможет передать им хоть немного денег? Сегодня? Завтра? Через неделю?

А если все это — просто уловка, обман, влекущий

мираж? И нет на самом деле лучезарной радуги, ведущей к несметным богатствам.

Озабоченный такими мыслями, Ричардс застыл над пустой тарелкой, пока семичасовой звонок не привел его в чувство. И снова — ожидание лифта в молчаливой, уже не верящей в счастье толпе.

Отсчет: 093

На пятом этаже лифт остановился, и вся группа, в которой оказался Ричардс, гуртом ввалилась в большую комнату без мебели, где в стенах было множество отверстий, напоминающих почтовые ящики. После проверки карточек, двери лифта захлопнулись, и худощавый, лысоватый мужчина подошел к ним. На нем был спецхалат с эмблемой Федерации Игр — силуэт человеческой головы на фоне факела.

— Раздевайтесь, выньте все ценные вещи из карманов и засуньте свою одежду в любое окошко печи, — сказал он. Потом продолжил с великодушной улыбкой. — Вам выдадут форму компании. Форма останется в вашем распоряжении независимо от конечных результатов тестирования.

Послышались недовольные возгласы, но все подчинились.

— Побыстрей, пожалуйста, — и как в детском саду воспитатель сообщает детям о конце игрового времени, он два раза хлопнул в ладоши. — У нас много дел впереди.

— Ты тоже будущий участник Игр? — поинтересовался Ричардс.

Удивленное выражение лица худощавого вызвало несколько смешков из задних рядов.

— Ладно, забудем, — проговорил Ричардс, вылезая из штанов.

Он вынул свои бесценные “ценности” и швырнул вещи в окошко. Где-то глубоко внизу жадно вспыхнуло пламя. Дверь на другом конце комнаты открылась (всег-

да и везде существовала дверь напротив — они ходили как по огромному, расходящемуся во все стороны лабиринту, Американскому Лабиринту), и помощники втащили корзинки на колесиках, забитые одеждой с пометками размеров — “маленький”, “средний”, “большой” и “очень большой”. Ричардс выбрал самый большой размер из-за длины, предполагая, что комбинезон будет все же сидеть немного мешковато. Но он оказался как на заказ. Ткань была мягкая, блестящая, напоминала шелк, но намного прочнее. Всего одна молния застегивалась посередине, от талии к шее. Форма была темно-синего цвета с эмблемой на правом нагрудном кармане. Как только вся группа оделась, Ричардс почувствовал себя полностью обезличенным.

— Сюда, пожалуйста, — худощавый человек провел их в следующую комнату ожидания. Здесь тоже светился и балаболил вездесущий экран.

— Вас будут вызывать по десять человек.

Под экраном была еще одна дверь, украшенная уже знакомой табличкой со стрелкой. Все рассеялись. Некоторое время спустя Ричардс подошел к окну — они были уже довольно высоко, а дождь все еще шел. Улицы были скользкие, мокрые, черные. “Интересно, что сейчас делает Шейла”, — мелькнуло в голове.

Отсчет: 092

Первую десятку запустили по одному в начале одиннадцатого. Помещение состояло из десяти трехсторонних кабинок, но уже более вместительных, чем в прошлый раз. Стенки были звуконепроницаемые, из прочного материала. Свет над головой не бил в лицо, из невидимых колонок лилась музыка. Легкий ковер покрывал пол, и Ричардс был приятно удивлен, не ощутив под ногами привычный цемент.

Худощавый человек что-то сказал ему.

— Что? — переспросил Ричардс.

— Кабина номер шесть, — медленно и вятно повторил сопровождающий.

Он вошел в кабинку под номером шесть. Там стоял стол, над ним на уровне глаз были вмонтированы большие часы. На столе лежал отточенный карандаш и стопка нелинованной бумаги. “А бумага-то дешевая”, — отметил про себя Ричардс.

Рядом оказалась яркая, высокая блондинка в коротких люминесцентных штанишках, плотно обтягивающих ее женские прелести. Напряженная грудь зазывающе трепетала сквозь тонкий шелк легкой блузки.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она, протягивая руку. — Меня зовут Ринда Ворд, я ваш инструктор по тестированию.

Ричардс пожал ее руку в некотором замешательстве.

— Бенджамен Ричардс.

— Могу я называть вас просто Бен?

Соблазнительная, но безразличная улыбка озарила ее лицо. Заведомо известная волна желания поднялась в нем при взгляде на эту хорошо укомплектованную, напичканную витаминами самочку. Это разозлило его. Интересно, будет ли она так же откровенно демонстрировать себя, например, перед нищими в очереди за обрезками на скотобойне?

— Конечно, — сказал Бен, — а бубенцы, что надо!

— Спасибо, — ответила она без тени смущения.

Он уже сидел за столом, глядя на нее снизу вверх, что еще больше раздражало его.

— Этот тест направлен на выяснение вашего умственного потенциала, точно так же, как вчерашняя проверка выявляла физические возможности организма. Тест займет довольно много времени, а в три часа вас ждет ленч, если все пройдет успешно, — улыбка мелькнула и исчезла.

— Первая часть — лингвинистическая. У вас есть ровно час с того момента, как вы получите буклет в руки. Вам разрешается задавать вопросы, я буду отвечать на них по мере возможности, но точных ответов на поставленные в тесте вопросы я давать не имею права. Понятно?

— Да.

Она протянула ему брошюрку. На обложке красным была нарисована ладонь и ниже — надпись: *“Стоп! Не открывать первую страницу до получения разрешения от инструктора!”*

— Круто, — заметил Ричардс.

— Что, простите? — ее хорошо подрисованные бровки взмыли вверх.

— Ничего.

— Бланк для ответов находится в буклете. Ответ пометайте четко, при необходимости поменять ответ, сотрите предыдущий полностью и аккуратно. Если вы не знаете ответа на вопрос, не пытайтесь отмечать наугад. Понятно?

— Да.

— Откройте первую страницу и начинайте. Через час тоже по моей команде остановитесь и положите карандаш. Начинайте!

Ричардс сидел не шевелясь, медленно осматривая ее с головы до ног. Через пару секунд она покраснела.

— Ваше время идет, Бен, поэтому вам бы лучше...

— Ну, почему же, — пожал он плечами, — все думают о простых парнях из южной части города, как о каких-то даунах или олигофренах? Почему вы заведомо обращаетесь с нами, как с сексуально озабоченными или неспособными к элементарной умственной работе.

Теперь она казалась окончательно сбитой с толку.

— Я никогда...

— Да, именно так, — усмехнувшись, он взял карандаш. — Вы очень недалекие.

И пока она тщетно пыталась найти подходящие слова для ответа или хотя бы причину его нападок, он углубился в тест. Да, ей нелегко было его понять.

Первая часть начиналась с задания, где надо было отметить нужные слова, пропущенные в предложении.

1. Первая _____ — еще не весна.

- а) мысль
- б) кружка
- в) ласточка
- г) опасность
- д) другое

Он быстро заполнял листок ответов, редко останавливаясь, чтобы обдумать вариант дважды. Следующие задания на различные синонимы, антонимы и грамматические предложения были выполнены так же успешно. Закончив первую часть, Ричардс посмотрел на часы — оставалось еще пятнадцать минут. По правилам тест должен был находиться у него до истечения часа, поэтому он откинулся на стуле и нежно оглядывал ее обнаженную фигуру. Молчание затягивалось и становилось все более напряженным и удручающим. Она явно страдала от отсутствия какой-нибудь накидки или плаща, и этот факт веселил его. По истечении установленного времени Ричардс получил вторую часть теста. На первой странице был нарисован карбюратор, ниже написано:

Это — деталь _____

- а) газонокосилки
- б) экрана "Свободного вещания"
- в) электропилы
- г) автомобиля
- д) другое

Третья часть — математическая — принесла больше хлопот. Ему всегда с трудом давались цифры. Ричардсу показалось, что стрелка на часах движется быстрее, чем обычно, и тонкая струйка пота побежала у него по спине. А в последние несколько минут воздух в комнате раскалился до предела. Времени все же не хватило на последний вопрос. Ринда улыбнулась с плохо скрываемым триумфом, забирая буклет и карандаш.

— Вот тут-то мы и оплошали, да, Бен?

— Но и этого будет достаточно, — улыбнулся он в ответ. Он перегнулся через стол и легко провел рукой по ее талии. — Сходи в душ, малышка. Ты неплохо поработала.

Она покраснела от ярости.

— Я же могу тебя дисквалифицировать.

— Да ладно! Тебя просто уволят, и все.

— Иди отсюда! — ее голос дрогнул, слезы сверкнули в уголках глаз.

Вдруг Бен почувствовал к ней что-то похожее на симпатию, но тут же заглушил это чувство.

— Желаю тебе приятно провести сегодняшний вечер. Сходи в ресторан, закажи ужин из шести блюд, реши, с кем ты будешь спать на этой неделе и вспомни о моей дочке, которая умирает от ангины в промерзшей, грязной квартире на том берегу Канала.

Он ушел. Она, побледнев как смерть, продолжала ошалело смотреть ему вслед.

Их группу из десяти человек сократили до шести, и они перебрались в следующую комнату. Часы показывали половину второго.

Отсчет: 091

В следующей маленькой кабинке сидел врач-психотерапевт в очках с толстыми линзами. Улыбался он мерзко и самодовольно, что сразу напомнило Ричардсу одного придурка, которого он знал еще в детстве. Этот парнишка всегда был “шестеркой” у старших учеников и любил заглядывать девочкам под юбки, похотливо потирая перед этим потные ладони. Лицо Ричардса расплылось в ухмылке.

— Что-то приятное вспомнили? — мерзкая улыбка стала еще тоньше. Врач выбрал первый лист с расплывшимся на нем большим чернильным пятном.

— Да. Вы мне напомнили старого знакомого.

— Ах так... И кого же?

— Да неважно.

— Хорошо. Что изображено на этой странице?

К правой руке Ричардса был подсоединен тонометр, а к его лбу прилепили несколько металлических пластинок с электродами. Провода шли от рук и головы к прибору, стоявшему за спиной врача. Тонкая игла вычерчивала линию пульса.

— Две негритянки. Целуются, — ответил Ричардс, взглянув на лист.

Следующее чернильное пятно оказалось перед глазами.

— А здесь?

— Спортивная машина. Похожа на “Ягуар”.

— Вы увлекаетесь автомобилями?

Ричардс пожал плечами:

— У меня в детстве была коллекция игрушечных автомобилей разных марок.

Врач что-то еще отметил на листочке и вытянул еще один лист.

— Больная женщина лежит на боку. На ее лице тени, как от тюремной решетки.

— И последнее...

Ричардс вдруг громко рассмеялся:

— Похоже на кучу дерьма.

Он представил себе, как врач в своем белом халате лезет под открытые трибуны, чтобы подглядывать девочкам под юбки, и засмеялся пуще прежнего. А врач сидел и мерзко улыбался, что придавало картине реальность и, следовательно, веселило еще больше. Но смех стал гаснуть, Ричардс фыркнул еще раз напоследок и затих.

— Я думаю, вы не захотите мне рассказать...

— Нет, не захочу,— ответил он.

— Тогда продолжим. Словесные ассоциации.

Он не потрудился объяснить, что это означает. Ричардс приблизительно понял, что потребуется задействовать только подсознание. И все должно идти в быстром темпе, что в принципе займет немного времени.

— Готовы?

— Да.

Врач достал из внутреннего кармана секундомер, щелкнул авторучкой и взглянул на список слов, лежавший перед ним.

— Врач.

— Негр.

— Пенис.

— Анус.

— Красное.

— Черное.

- Серебро.
- Кинжал.
- Ружье.
- Убийство.
- Выигрыш.
- Деньги.
- Секс.
- Анализы.
- Забастовка.
- Увольнение.

Список продолжался; было названо уже более пятидесяти слов, когда врач остановил секундомер и уронил ручку.

— Хорошо, — сложив руки на столе, он серьезно взглянул на Ричардса. — У меня последний вопрос, Бен. Даже меня можно обмануть, но техника, которая к тебе подключена, сразу обнаружит любое отклонение от нормы. Были ли какие-то особые суицидальные причины для вступления в ряды претендентов?

— Нет.

— Что же явилось причиной?

— У меня больна дочь. Ей нужен врач. Хорошее лечение. Больничные условия.

Шарик ручки со скрипом прокатился по бумаге.

— Что-нибудь еще?

Ричардс чуть было не сказал “нет” (и вообще это не их дело), но тут решил выложить все до конца и начистоту. Может оттого, что этот психотерапевт напоминал того, давно забытого маленького ублюдка. А может, только оттого, что это надо было сказать, раз и навсегда. Собрать воедино и придать конкретную форму мыслям, когда человек заставляет свой разум подыскивать нужные слова для выражения еще не совсем осознанных эмоций.

— Я уже давно без работы. Я хочу снова работать, даже просто мальчиком для порки в какой-нибудь тупой Игрс. Я хочу работать и кормить семью. У меня есть человеческое достоинство и гордость. А у вас есть гордость, доктор?

— Когда конец близок, никакой гордости не остается, —

сказал врач, снова щелкнув ручкой.— Если вам нечего добавить, мистер Ричардс...

И он поднялся с кресла.

Переход к официальному обращению означал, что беседа окончена, и совершенно неважно, последуют ли какие-либо добавления или нет.

— Нет.

— Дверь находится в конце коридора направо. Желаю удачи.

— Ну, конечно.

Отсчет: 090

Теперь их осталось всего четверо. Комната ожидания была намного меньше, ведь от изначального числа претендентов отсеяли шестьдесят процентов. Психологические тесты закончились в половине пятого, и дежурный внес поднос с безвкусными бутербродами. Ричардс взял два бутерброда и сел в углу, меланхолично пережевывая их и слушая парня по имени Ретенманд. Тот развлекал сидящих рядом неиссякаемым запасом пошлых житейских историй.

Когда все собрались вместе, их отвезли на шестой этаж. Их апартаменты состояли из большой общей комнаты, уборной и неизбежной спальни с уже знакомыми рядами коек. Им сообщили, что к семи часам вечера в столовой на этом же этаже будет готов горячий ужин.

Посидев несколько минут, Ричардс поднялся и пошел к полицейскому, стоявшему у входа.

— Эй, приятель, где здесь телефон?

Он не предполагал, что им будет разрешено звонить,

но полицейский просто ткнул пальцем в соседнюю дверь. Ричардс отворил ее и заглянул внутрь. Естественно, как он и ожидал, здесь был платный телефон.

Он медленно повернулся к охраннику.

— Послушай, одолжи мне пятьдесят центов, я потом...

— Отвали, дружище.

Ричардс сдержал свои эмоции.

— Я хочу позвонить жене. У нас дочка тяжело больна. Поставь себя на мое место, Бога ради.

Охранник рассмеялся ему в лицо резким, гадким смехом:

— Все вы одинаковы со своими проблемами и выдумками, и в будни, и в праздники.

— Ну, ты и подонок,— произнес Ричардс, и что-то, сверкнувшее в его глазах и исходившее из ширины его плеч вдруг заставило полицейского отпрянуть к стене.— Ты что, никогда не был на мели? Когда приходится просить денег, даже если это придает привкус дерьма всему твоему существованию?

Неожиданно полицейский сунул руку в правый карман и вытащил горсть пластиковых жетонов. Два из них упали на ладонь Бену и, засунув остальные жетоны обратно в карман, охранник схватил Ричардса за грудки и притянул к себе:

— Если ты пришлешь ко мне еще какого-нибудь ублюдка, только потому, что Чарли Грэди сегодня в хорошем настроении, я тебе, сукину сыну, мозги выпущу, понял?

— Спасибо,— ровным голосом ответил Ричардс,— за жетоны.

Чарли Грэди рассмеялся и разжал руки. Ричардс вышел в коридор, поднял трубку и опустил жетоны в щель. Они провалились с глухим стуком, и в первый момент ответом была тишина. *Господи, неужели все напрасно?* Затем раздался гудок. Медленно, аккуратно Бен набирал номер телефона в холле на пятом этаже, надеясь, что миссис Дженнер не окажется поблизости. Ведь эта дрянь, как только узнает его голос, сразу выпалит, что мол, не туда попали, и деньги будут потрачены зря.

После шести мучительно долгих гудков послышался незнакомый голос:

— Алло?

— Мне надо поговорить с Шейлой Ричардс из пятой квартиры.

— Кажется, она ушла, — сказал голос уже более вкрадчиво. — Она ведь постоянно болтается по кварталу, а у них ребенок тяжело болен. Да и мужик у них какой-то беспомощный...

— Просто постучите в дверь, — неповинующимися губами проговорил Ричардс.

— Подождите секундочку.

Трубка на том конце провода ударилась о стену, человек с незнакомым голосом просто выпустил ее из рук, и она повисла раскачиваясь. Далеко, как во сне, был слышан стук в дверь и крики:

— К телефону! Вас к телефону, миссис Ричардс!

Через полминуты незнакомый голос снова произнес:

— Нет ее дома. Я слышал, ребенок стонет, а она не отзывается. Я же говорю, ей дома не сидится, когда есть на что польститься, — вслед за этим раздалось хихиканье.

Желание перенестись по проводам и возникнуть на том конце из трубки, как джин из бутылки, наполнило каждую клетку мозга Ричардса. А потом удушить обладателя этого мерзкого голоса, пока у него не выскочат глазные яблоки и не покатятся по полу.

— Передай ей следующее, — сказал Ричардс, — запиши на стене, если больше негде.

— У меня даже карандаша нет. Все, я вешаю трубку.

— Подожди! — закричал Ричардс в панике.

— Это... как его..., — неохотно сказал голос, — вот она вроде поднимается по лестнице.

Ричардс прислонился к стене, холодные струйки пота катились по спине. Тут же в ухо ударил голос Шейлы, удивленный и немного напуганный:

— Алло?

— Шейла, — он закрыл глаза, радуясь, что стена не давала ему упасть.

— Бен, Бен, это ты? Как у тебя дела? Все в порядке?

— Да, нормально. Кэти — как она?

— Все также. Температура не очень высокая, но она так хрипит. Мне кажется, у нее в легких вода. Вдруг у нее воспаление легких?

— Все будет хорошо. Все будет хорошо!

— Я... — пауза, долгая тягучая пауза. — Мне очень жаль ее оставлять одну, но я вынуждена. Извини, я провернула сегодня два дельца, зато достала ей лекарство в аптеке. Хорошее лекарство, — нотка усердия прозвучала в ее голосе.

— Это все дерьмо. Послушай — хватит! Пожалуйста. Я думаю, что прошел. Скорей всего. Они не могут больше отсеивать, потому что передач довольно много. Им нужно много пушечного мяса. А деньги они дают вперед, я так думаю. Миссис Апшо...

— Ей ужасно не идет черный цвет... — абсолютно без выражения встала Шейла.

— Это неважно. Сиди с Кэти, не надо больше никаких "делишек".

— Хорошо, я буду сидеть дома, — но он не слишком поверил ее голосу.

— Заведомо знаешь, что это не так, Шейла?

— Я люблю тебя, Бен.

— И я люб...

— Разговор окончен, — вмешался голос телефонистки. — Если хотите продолжить, опустите жетон в двадцать пять центов.

— Подождите секундочку, — заорал Ричардс, — дай договорить, стерва. Ты...

Разговор прервался, долгий протяжный гудок был ответом на все мольбы.

Он швырнул трубку. Отлетев на длину серебристого провода, она дернулась, ударилась о стену и повисла, медленно покачиваясь, как некая змея-мутант, которая, укусив один раз, умерла. "Ну, что ж, кое-кто за это ответит, — думал Ричардс, медленно шагая обратно в комнату, — кто-то ведь должен ответить".

Их разместили на шестом этаже, и они пребывали там в полном неведении до десяти часов следующего утра. Ричардс был уже на грани срыва, в ярости думая о полном крушении всех планов, когда молодой и немного придурковатый парнишка в обтягивающей форме Федерации Игр позвал их, и они зашли в лифт. Из трехсот человек, отобранных прошлой ночью, тихо исчезли еще шестьдесят. В их число попал и парнишка с неиссякаемым запасом пошлых шуток.

Группы по пятьдесят человек разошлись по маленьким аудиториям на седьмом этаже. Комнаты были шикарно обставлены в бордовых тонах. В дубовые ручки кресел вмонтированы пепельницы. Ричардс тут же выудил из кармана помятую пачку "Блэмс". Но пепел он страховал на пол.

Перед креслами было что-то вроде подмостков с кафедрой в центре. На ней стоял графин с водой.

В десять минут одиннадцатого придурковатый парень взошел на кафедру и изрек:

— Познакомьтесь, пожалуйста, Артур Бернс, помощник директора программы Игр.

— Это еще что за птица?— прозвучал недовольный голос за спиной у Ричардса.

За кафедрой уже стоял представительный мужчина, его тонзура была обрамлена седыми волосами. Он кивал головой как бы в ответ на слышимые только ему одному аплодисменты. Потом он улыбнулся всем широкой искрящейся улыбкой, что сделало его сразу похожим на стареющего Купидона в деловом костюме.

— Поздравляю,— сказал он,— все прошло успешно.

Общий вздох облегчения пронесся по аудитории, раздался смех и звуки дружеских похлопываний по спинам. Многие сразу закурили.

— И что же?— опять раздался недовольный голос.

— В ближайшие несколько минут вам выдадут задания по телепрограммам Игр и номера комнат на восьмом этаже. Режиссеры, ответственные непосредственно за ва-

шу программу, объяснят каждому, что конкретно от вас требуется. Но пока я хочу еще раз поздравить вас и сказать, что все вы — мужественные, находчивые ребята. Вы отказались от пособия по безработице, чтобы иметь возможность проявить себя здесь. А лично от себя добавлю, что именно в вас я вижу героев нашего времени.

— Вранье, — вставил свое замечание недовольный голос.

— И я от лица всей Системы желаю вам удачи и оптимальной скорости, — Артур Бернс визгливо хихикнул и потер руки. — Я чувствую, что вам не терпится получить задание, поэтому избавлю вас от своей болтовни.

Распахнулись двери, и сотрудники Федерации Игр в красной униформе вошли в аудиторию и начали называть имена по списку. Они принялись раздавать всем белые конверты, и скоро весь пол был усыпан ими как конфетти. В конвертах лежали пластиковые карточки с заданием; получившие их обменивались впечатлениями с новыми знакомыми. Со всех сторон раздавались возгласы: кто-то был в восторге, кто-то, наоборот, взбешен или расстроен. Артур Бернс наблюдал за всем этим со своего пьедестала, благожелательно улыбаясь.

— Мне досталось самое ужасное: “Сколько градусов ты можешь вытерпеть?” Черт побери, я ненавижу жару...

— Эта передача выходит сразу после мультиков, она невыносима...

— “Ручная мельница”... Я не знал, что у меня сердце...

— Я, конечно, надеялся сюда попасть, но никогда бы не подумал...

— Эй, Джейк, ты видел когда-нибудь “Гонки с крокодилом”? Мне кажется, это...

— ... такого я не предполагал...

— ... я думаю, что этого не выдержу...

— ... черт бы их побрал...

— “Наперегонки с пулеметной очередью”, это же...

— Бенджамен Ричардс! Бен Ричардс!

— Здесь.

Ему протянули белый конверт, он разорвал его. Дро-

жащие пальцы не позволили сразу достать маленькую пластиковую карточку.

Он выудил ее, взглянул и... ничего не понял. Задания на ней не было, лишь стояло: "Лифт №6".

Засунув карточку в нагрудный карман, он молча вышел из комнаты. Первые пять лифтов были забиты народом, развозя будущих участников различных игр вверх и вниз. У закрытых дверей лифта №6 уже стояли четыре человека. Ричардс узнал в одном из них обладателя недовольного голоса.

— В чем дело? — спросил Ричардс. — Нас выгоняют, что ли?

Человеку с недовольным голосом было лет двадцать пять, внешность — довольно приятная. Одна рука у него была высохшая, вероятно, из-за полиомиелита, эпидемия которого разразилась в 2005 году.

— Ну нет, так нам не повезет, — ответил он с угрюмой ухмылкой. — Я думаю, нам доверили очень ответственное задание с большими деньгами. Такое, где тебе не просто выбьют глаз или оторвут руку, и ты окажешься в госпитале. Это шоу, где тебя просто убивают. Очень популярная передача, приятель.

Вскоре к ним присоединился шестой человек — симпатичный парнишка, который удивленно моргал, озираясь вокруг.

В одиннадцать часов, когда все остальные разъехались по своим местам, двери лифта №6 распахнулись. В маленькой кабине снова сидел полицейский.

— Видишь? — мрачно спросил новый знакомый Ричардса. — Мы теперь враги народа, опасны для общества. Они нас сотрут с лица земли. Он соорудил рожу злобного бандита и выпустил полную обойму из воображаемого автомата в пуленепробиваемую будку. Охранник одеревенело смотрел на него.

Маленькая комната на девятом этаже оказалась очень уютной, располагающей к откровенной беседе. Ричардс устроился там в полном одиночестве.

Когда двери лифта открылись, трое полицейских провели их по коридору, застеленному мягким ковром. "Коллегами" Ричардса оказались человек с недовольным голосом и парень, который все время моргал.

Администраторша, отдаленно напоминавшая Ричардсу одну из былых секс-звезд (как их там — Лиз Келли или Грейс Тейлор), которых он видел по ТВ еще мальчишкой, улыбнулась им, когда они вошли в вестибюль. Она сидела за стойкой, как бы в алькове, окруженная таким количеством растений в горшочках, что могла сойти за диковинного зверька в джунглях Эквадора.

— Мистер Янский,— проговорила она с ослепительной улыбкой,— вы можете войти.

Парнишка, который все время моргал, вошел во внутренние комнаты. Ричардс и мужчина с недовольным голосом, которого звали Джимми Лафлин, перебрасывались редкими фразами. Оказалось, что Лафлин жил всего в трех кварталах от него, на улице Док. Он работал по совместительству механиком в "Дженерал Атомикс", пока год назад его не выгнали за то, что он принял участие в забастовке против утечки радиации.

— Видишь, я все-таки жив,— сказал он.— А по мнению этих придурков, это самое главное. Я, конечно, не могу иметь детей. Но это неважно. Просто маленький риск, которому ты подвергаешься за царскую сумму в семь Новых "зеленых" в день.

Когда в "Дж. А." ему указали на дверь, высохшая рука еще больше усложнила возможность получения работы. За два года до этого его жена тяжело заболела астмой и теперь была полностью прикована к постели.

— И тогда я решил пойти в "золотодобытчики", — сказал Лафлин с горькой усмешкой. — Может, мне удастся прикончить парочку этих дубоголовых идиотов, прежде чем ребята Маккоуна доберутся до меня.

— Ты и вправду думаешь, что это будет ...

— “Бегущий человек”? Черт меня подери, конечно! Дай-ка мне эту вялую сигарету, парень.

Ричардс протянул ему сигарету.

Дверь открылась, и парнишка, который все время моргал, вышел под руку с хорошенькой девицей в наряде типа “Господи, прости”. Парень нервно улыбнулся им, проходя мимо.

— Мистер Лафлин? Войдите, пожалуйста.

Теперь Ричардс остался один, если не считать администраторши, которая снова исчезла в своем тропическом оазисе.

Он поднялся и подошел к автомату, выдававшему сигареты. Он подумал, что Лафлин, видимо, был прав. На автомате была реклама сигарет “Дукс”. Наверное, они пользовались большим спросом. Но он взял пачку “Блэмс”, сел и закурил.

Лафлин появился примерно через двадцать минут, держа под руку жгучую блондинку.

— Моя подружка со стоянки, — сказал он Ричардсу, указывая на нее. Она заученно показала ямочки на щеках. На лице Лафлина отразилась мука.

— По крайней мере этот подонок мозги не пудрит, — сказал он Ричардсу. — До встречи.

Он вышел. Администраторша высунулась из норки.

— Мистер Ричардс, будьте так любезны, прошу вас войти.

Он вошел.

Отсчет: 087

Комната неожиданно оказалась настолько большой, что в ней можно было играть в регби. Одно окно — во всю стену — выходило на районы, где жили высококвалифицированные рабочие и служащие, на склады и нефтяные цистерны и на озеро Хардинг. И небо, и вода были перламутрово-серого цвета: дождь до сих пор продолжался.

Большой танкер, выпуская клубы дыма, медленно полз по поверхности озера.

За столом сидел человек среднего роста, его кожа была настолько темной, что пару секунд Ричардс не мог поверить своим глазам. Казалось, человек попал сюда прямо из шоу негритянских менестрелей.

— Мистер Ричардс, — он поднялся и протянул через стол руку, и когда Ричардс не отреагировал на этот жест, видимо, был совсем не удивлен. Он убрал руку и снова сел за стол.

Ричардс уселся в кресло рядом со столом и вмял свой окурок в пепельницу с большой эмблемой Игр посередине.

— Меня зовут Дэн Киллиан, мистер Ричардс. Теперь вы, наверное, уже догадались, почему вы находитесь именно здесь? Наши сведения плюс итоги ваших тестов дают возможность сделать вывод, что вы — неглупый человек.

Ричардс сложил руки и ждал, что последует за этим.

— Вас выбрали участником игры “Бегущий человек”, мистер Ричардс. Это наше самое серьезное и популярное шоу, а также самое прибыльное и опасное — для участников. Вот здесь у меня на столе — соглашение. Я не сомневаюсь, что вы его подпишите, но прежде я хотел бы объяснить вам, почему вам отдали предпочтение перед многими другими, а также с чем конкретно вам придется столкнуться.

Киллиан вытащил большую папку и положил ее на гладкую поверхность стола. Ричардс заметил свое имя, напечатанное на обложке. Киллиан распахнул папку.

— “Бенджамен Ричардс. Возраст — 28 лет, дата рождения — 8 августа 1997 года, место рождения — город Хардинг. Обучался в техникуме в Саут-сити с сентября 2011 года по декабрь 2013 года. Дважды объявлялся выговор за неподчинение администрации”. По-моему, вы ударили заместителя директора по ноге, когда он стоял к вам спиной, не так ли?

— Вранье, — ответил Ричардс, — я дал ему по заднице.

Киллиан кивнул.

— Как скажете, мистер Ричардс. Вы женились на Шейле Ричардс, урожденной Гордон в возрасте шестнадцати лет. Старомодный союз на всю жизнь. С рождения мятежник, не так ли? Отказ от вступления в профсоюз по причине неподписания вами “Присяги на верность” и “Тезиса по Контролю за заработной платой”. Вы, кажется, назвали губернатора округа мистера Джонсбури “сукиным сыном, который пудрит мозги”?

— Да,— ответил Ричардс.

— Много пометок в отчетах о вашей работе. Вас увольняли... так, где же это?.. всего шесть раз за оскорбление начальства, грубую критику администрации и неподчинение.

Ричардс пожал плечами.

— Короче говоря, вас можно рассматривать как социально опасный и антиавторитарный элемент. У вас оказалось достаточно ума, чтобы не попасть за решетку или не обострить конфликт с правительством. На вас ничего не висит. Наш психотерапевт сообщил, что в различных чернильных пятнах вы узрели лесбиянок, экскременты и автомобиль, загрязняющий воздух. Также он отмечает высокую, необъяснимую степень веселости...

— Он напомнил мне парнишку из моего детства. Ему нравилось прятаться под открытыми трибунами и смотреть девчонкам под юбки. Я имею в виду того парнишку. А что вашему доктору нравится, я не знаю.

— Понятно,— Киллиан вскользя улыбнулся, блеснув зубами, и вновь вернулся к своей папке.— Во время словесной ассоциации у вас было несколько довольно жестоких ответов.

— А я, по-моему, и попал в довольно жестокий бизнес.

— Несомненно, но тем не менее мы — я говорю сейчас не только от лица всей Федерации Игр, я говорю в национальном масштабе — рассматриваем такие ответы с особым беспокойством.

— Боитесь, что вам в автомобиль кто-нибудь подсунет взрывчатку?— спросил с улыбкой Ричардс.

Киллиан в задумчивости посплюнул палец и перевернул страницу.

— На наше счастье у вас есть заложница, мистер Ричардс. Это ваша дочь Кэтрин полутора лет. Это было ошибкой — он холодно улыбнулся.

— Все было запланировано, — с раздражением ответил Ричардс. — Тогда я работал на “Дженерал Атомикс”, но, несмотря на это, не вся моя сперма оказалась стерильной. Господь милостив! Хотя, глядя на то, что происходит сегодня, мы, видимо, зря это сделали.

— Тем не менее вы здесь, — все с той же холодной улыбкой сказал Киллиан. — И в следующий вторник вы будете участвовать в “Бегущем человеке”. Вы видели это шоу?

— Да.

— Тогда вы знаете, что эта игра — самая популярная и значительная из всех, которые смотрит публика по программе “Свободного вещания”. В ней много возможностей для конкретного участия зрителей. Я являюсь исполнительным директором этой программы.

— Это просто замечательно, — отреагировал Ричардс.

— “Бегущий человек” — один из самых надежных способов избавиться от таких потенциальных бунтарей, как, например, вы, мистер Ричардс. Эта передача выходит уже шесть лет. На данный момент нет ни одного игрока, оставшегося в живых. И как бы жестоко это ни звучало, я не допускаю такой возможности и в дальнейшем.

— Не говорите “гоп”... — безразличным тоном сказал Ричардс.

— Но, позвольте, я могу так говорить, — Киллиан казался удивленным, — вы забыли о том, что вы — арханизм, мистер Ричардс. Люди не будут сидеть в барах и отелях, не будут собираться на холоде перед витринами магазинов телерадиоаппаратуры, чтобы в конце концов дать вам уйти. Да нет же, Боже мой! Они мечтают о том, чтобы вас стерли с лица земли, и они помогут этому при малейшей возможности. И чем больше крови, тем лучше. А потом есть Маккоун, с которым нужно состязаться. Эван Маккоун и Охотники.

— Звучит, как команда бритоголовых нацистов.

— Маккоун никогда не проигрывает.

Ричардс издал невнятный звук.

— Трансляция вашей игры начнется во вторник вечером. Дальнейшие передачи будут записываться на пленку и показываться по программе “Свободного вещания”. Мы обычно прерываем текущие программы, когда какой-нибудь особо выдающийся игрок достигает своего, так сказать, персонального Ватерлоо.

— Правила игры очень просты. Вы, вернее, ваша “группа выживания”, выигрываете сто Новых долларов за каждый час, который вы продержались на свободе. Мы выделяем вам четыре тысячи восемьсот долларов на текущие расходы, рассчитывая, что в первые сорок восемь часов вы сможете уйти от преследования Охотников. Если и это вам не удастся, деньги возвращаются к нам. У вас будет двенадцать часов в запасе, пока мы выпустим Охотников. Если вы продержитесь тридцать дней, вы выиграете Большой Приз — один миллиард Новых долларов.

Ричардс откинулся на стуле и засмеялся.

— Да-да, мое мнение такое же,— сказал Киллиан с веселой улыбкой.— Есть еще вопросы?

— Только один,— Ричардс придвинулся к столу. Юмористическое выражение полностью исчезло, лицо стало жестким.— Вы лично не хотели бы попасть туда, быть в бегах, как мы?

Киллиан засмеялся. Он схватился за живот, и гулкий глубокий смех прокатился по всей комнате.

— О, мистер Ричардс, извините меня,— новый взрыв смеха прервал его речь. В конце концов, вытирая слезы с глаз огромным белым платком, Киллиан взял себя в руки.

— У вас потрясающее чувство юмора, мистер Ричардс. Вы ...— он еле сдержал новый взрыв смеха,— вы очень развеселили меня.

— Видимо, да.

— Есть еще вопросы.

— Нет.

— Очень хорошо. Перед началом трансляции будет проведено общее собрание. Если в вашем удивительном

мозгу появится какой-либо вопрос, запомните его до собрания. И учитывая, что вы можете уже никогда не увидеть своей жены... — Киллиан нажал кнопку на столе.

— Избавьте меня от такой дешевки, — сказал Ричардс. — Я женат.

Киллиан удивленно поднял брови.

— Вы уверены? Такая преданность заслуживает уважения, но с пятницы до вторника довольно много времени. А принимая во внимание тот факт, что вы уже никогда вообще...

— Я женат.

— Хорошо, — он кивнул стоявшей в дверном проеме девушке, и она тут же исчезла.

— Ну, что ж, мистер Ричардс, чем же мы можем быть вам полезны? Ваши личные апартаменты на десятом этаже. Заказы еды будут выполняться в пределах разумного.

— Бутылку хорошего виски и телефон, чтобы я мог позвонить своей же...

— О, нет, извините, мистер Ричардс. Виски будут доставлены в номер. Но как только вы подпишите этот договор, — он пододвинул листок вместе с ручкой поближе к Ричардсу, — вы лишаетесь возможности любой связи с внешним миром до вторника. Может, все-таки решите скрасить свое одиночество?

— Нет, — ответил Ричардс и нацарапал свое имя под галочкой, — тогда принесите мне две бутылки виски.

— Конечно, — Киллиан встал, опять протянул руку. Ричардс снова проигнорировал этот жест и вышел из комнаты.

Киллиан смотрел ему вслед холодными, пустыми глазами. Он уже не улыбался.

Отсчет: 086

Как только Ричардс появился в холле, администраторша вылезла из своей плантации и вручила ему конверт. Сверху на нем было написано следующее:

Мистер Ричардс!

Я подозревал, что во время нашей беседы Вы не упомянете тот факт, что Вы очень нуждаетесь в деньгах в данное время. Не так ли?

Несмотря на противоречивые слухи, Федерация Игр не дает авансов. Не считайте себя участником Игр в том блестящем смысле, который заключен в этом слове. Вы — не звезда экрана, а рабочая единица, которой очень хорошо платят за выполнение опасной работы.

Тем не менее не существует правила, запрещающего выдавать участникам личные авансы и увеличивать их. В конверте Вы найдете 10% от Вашей начальной зарплаты — но не в Новых долларах, а в сертификатах Федерации Игр, выполняющих все функции долларов. Вы, наверное, решите послать эти сертификаты Вашей жене, и она сможет по достоинству оценить их преимущество перед долларами — известный и надежный врач примет их оплату, тогда как какой-либо шарлатан и обманщик откажется от них.

*С уважением,
Ден Киллиан.*

Ричардс открыл конверт и вытащил стопку купонов с эмблемой Игр на каждом. Там было сорок восемь купонов на сумму десять Новых долларов каждый. Почувствовав непонятно почему нахлынувшую волну благодарности к Киллиану, Ричардс приглушил ее в себе. У него не было и доли сомнения, что Киллиан предоставит в его распоряжение 480 долларов из начальной зарплаты, да и потом 480 долларов — довольно низкая цена для страховки в таком большом шоу и для поддержки хорошего настроения клиента по сравнению с зарплатой самого Киллиана.

— Черт побери, — сказал он.

Администраторша срезу же вылезла из-за кустов:

— Вы что-то сказали, мистер Ричардс?

— Нет. Как пройти к лифту?

Номер был роскошным.

Мягкий и очень плотный ковер полностью покрывал пол во всех трех комнатах: гостиной, спальне и ванной. Экран "Свободного вещания" был выключен, долгожданная тишина приятно радовала слух. Вокруг стояли вазы с цветами, а на стене рядом с дверью была кнопка с ненавязчивой надписью "Прислуга". "Да, обслуживание будет быстрым и на высоком уровне", — цинично подумал Ричардс. За дверью на посту стояли двое полицейских, чтобы предотвратить возможность его шатания по коридорам и этажам.

Он нажал кнопку с надписью "Прислуга", и дверь открылась.

— Да, мистер Ричардс? — сказал один из охранников. Ричардсу согрело душу то кислое выражение лица, с которым ему пришлось произнести слово "мистер". — Виски, которое вы заказали, будет...

— Я не про это, — сказал Ричардс. Он показал охраннику стопку купонов, которые ему дал Киллиан. — Мне бы хотелось, чтобы ты отнес это кое-куда.

— Напишите адрес и имя, мистер Ричардс, и конверт доставят непременно.

Ричардс нашел в кармане квитанцию из обувной мастерской и написал свой адрес и имя жены. Отдав все это охраннику, он уже собирался закрыть дверь, как вдруг вспомнил что-то.

— Эй, погоди!

Охранник обернулся, и Ричардс выдернул пачку купонов из его руки. Оторвав от одного сертификата десятую часть стоимостью в один Новый доллар, он спросил:

— Ты знаешь Чарли Грэди, охранника?

— Чарли? — полицейский глянул на него подозрительно. — Да, я знаю Чарли, у него дежурство на шестом этаже.

— Передай ему это. Скажи, что лишние пятьдесят центов — это его процент за одолжение.

Охранник уже собирался уходить, но Ричардс позвал его снова.

— Принеси мне письменные ответы от жены и Чарли.

На лице полицейского явно обозначилось чувство презрения:

— Вы что, не доверяете нам?

— Ну, конечно, вы научили меня доверию. Да и жизнь на южной стороне Канала тоже приучила меня к доверию,— ответил Ричардс с тонкой улыбкой.

— Весело будет понаблюдать, как за тобой будут охотиться,— сказал охранник.— Я до самого конца буду сидеть у экрана, пить пиво и смотреть.

— Ладно, не напрягайся, просто принеси ответы,— сказал Ричардс и мягко закрыл дверь прямо перед его лицом.

Через двадцать минут принесли виски, и Ричардс попросил пару хороших романов, чем несказанно удивил доставщика.

— Романы?

— Да, книги. Которые читают. Ты понимаешь? Там слова. Напечатаны,— Ричардс изобразил как перелистывают страницы.

— Да, сэр,— сказал с сомнением посыльный,— вы хотите заказать что-нибудь на обед?

“В этом дерьме можно захлебнуться”,— подумал Ричардс, и его услужливое воображение предоставило такую картинку: человек, тонущий в яме, заполненной каким-то розовым, мягким дерьмом с запахом духов “Шанель-5”. Но фокус-то в том, что это все равно дерьмо.

— Бифштекс. Зеленый горошек. Пюре.

“А чем сейчас приходится перебиваться Шейле? Таблетка протеина и безвкусный кофейный напиток?”

— Молоко, яблочный пудинг со сливками. Записал?

— Да, сэр. Не желаете ли...?

— Нет,— на секунду теряя рассудок, ответил Ричардс.— Пошел вон!

Есть не хотелось совсем.

С неприятным удивлением Ричардс подумал, что, видимо, посыльный понял его просьбу насчет романов дословно — пользуясь линейкой, как единственным способом отбора. Около трех-четырёх сантиметров толщиной — значит, подходит. Ему принесли три книги, о которых он никогда даже не слышал: два совсем старых романа под названием “Господь был британцем” и “Совсем чужой”, а также огромный том, написанный три года назад “Радость службы”.

Ричардс для начала пролистал именно эту книгу и сморщил нос — сюжет оставлял желать лучшего. Бедный парнишка хорошо и честно работает в компании “Дженерал Атомикс”. Постоянное повышение в должности от простого рабочего до агента по продаже. Ходит в вечернюю школу (интересно, подумал Ричардс, на какие средства? На деньги, выигранные в “Монополию”?) Влюбляется на местной тусовке в прекрасную девушку (видимо, сифилис еще не изуродовал ее лицо). Попадает в технический колледж, его учеба сопровождается немислимыми отличными результатами. За этим следует трехгодичный свадебный контракт, и...

Ричардс отшвырнул книгу к противоположной стене. Произведение “Господь был британцем” понравилось ему немного больше. Он налил себе виски со льдом и погрузился в чтение.

Уже было прочитано около трехсот страниц, когда раздался осторожный стук в дверь. Ричардс вдруг почувствовал, что он вдребезги пьян. Одна бутылка виски была пуста. Держа вторую в руке, он подошел к двери. За ней стоял полицейский.

— Вот ваши ответы, мистер Ричардс, — сказал он и закрыл дверь.

Шейла ничего не написала, но прислала одну из фотографий малютки Кэти. Он посмотрел на нее и почувствовал, как пьяные слезы наворачиваются на глаза. Убрав фотографию в карман, он взглянул на другую бумажку.

Это был чей-то забытый штраф за стоянку, где беглым неряшливым почерком было написано:

— Спасибо ублюдок. Чтоб ты подавился...

Чарли Греди.

Ричардс хихикнул и уронил бумажку на пол.

— Спасибо, Чарли, — сказал он в пустоту гостиной, — именно этого мне так не хватало.

Он снова взглянул на фотографию Кэти, где краснощекая малютка-новорожденная, в возрасте всего четырех дней, утопая в белом платице, сшитом Шейлой, орала во всю глотку. Он снова почувствовал, как слезы подступают к горлу, и постарался думать о записке от “друга Чарли”. Потом он решил проверить, сможет ли осушить вторую бутылку, не успев отключиться полностью.

И почти справился со своей задачей.

Отсчет: 083

Всю субботу Ричардс мучался от жестокого похмелья. Но к вечеру почти все прошло, так что на ужин Ричардс заказал еще две бутылки виски. Успешно выхлебав обе, он проснулся бледным воскресным утром и увидел больших гусениц с выпуклыми злобными глазами, медленно ползущих по дальней стене спальни. Он решил, что не в его интересах полностью выводить себя из формы и прекратил пить.

Алкоголь медленно, но верно выходил из организма, унося все галлюцинации. Его долго рвало, а когда уже ничего не осталось, начался невероятный “сушняк”, который только немного уменьшился часам к шести в воскресенье. На ужин он заказал суп. Без виски. Еще он попросил принести несколько дисков групп нового рока, чтобы прослушать их на системе, встроенной в стену его номера, но быстро утомился от этой музыки.

Он рано лег и плохо спал.

Почти весь понедельник он провел в маленькой застекленной лоджии, куда выходила спальня. Снаружи ясная погода сменялась дождем, и это как-то разнообра-

зило его времяпровождение. Он прочел два романа, опять лег спать рано и спал уже намного лучше. Но ему приснился мерзкий сон: якобы Шейла умерла, и он присутствует на ее похоронах. И кто-то усадил ее в гробу и засунул в рот огромную пачку Новых долларов. Он пытался дотянуться до нее и прекратить такое кошунство, но сзади его схватило множество рук, около десяти охранников держали его и среди них был Чарли Грэди. Он ухмылялся и говорил: "Вот, что случается с теми, кто проигрывает, ублюдок". К его лбу приставили дуло пистолета... Но тут он проснулся.

— Вторник,— сказал он самому себе и выкатился из-под одеяла.

Модные часы от "Дж.А." висели на стене и показывали девять минут восьмого. Трансляция "Бегущего человека" начнется по всему континенту Северной Америки меньше, чем через одиннадцать часов. Горячий комок страха переместился из горла в желудок. А через двадцать три часа начнется Охота.

Он долго стоял в душе под горячими струями воды, потом оделся в форму и заказал на завтрак омлет с ветчиной. Присовокупив к этому блок "Блэмс". Остаток утра и пару часов после полудня он читал в тишине. Было уже почти два часа, когда раздался один громкий официальный удар в дверь. В гостиную вошел Артур Бернс, совершенно нелепо выглядевший в фирменной спортивной майке, а с ним трое полицейских, и у каждого в руке была электрическая дубинка.

— Пора на заключительное собрание, мистер Ричардс,— сказал Бернс,— будьте так добры...

— Да, конечно,— ответил Ричардс. Он пометил место в книге, где остановился, и положил ее на журнальный столик. К своему ужасу он вдруг почувствовал панический страх, но потом обрадовался, не заметив характерной дрожи пальцев.

Одиннадцатый этаж здания Федерации Игр очень отличался от остальных, и Ричардс знал, что выше ему подняться не придется. Явное изменение обстановки по возрастающей, начавшееся в безликом вестибюле, заканчивалось здесь, на одиннадцатом этаже.

Широкие коридоры потрясали своей белизной. Ярко-желтые вагончики на электробатареях фирмы "Дж.А." сновали туда-сюда, развозя толпы работников программы "Свободного вещания" в студии и монтажные.

Их тоже поджидал вагончик, и, выйдя из лифта, они впятером — Ричардс, Бернс и трое полицейских — забрались внутрь. Пока они ехали по коридору, люди вокруг с интересом поворачивались к ним, а кое-кто даже показывал пальцем на Ричардса. Какая-то женщина в желтой форме — штанишки в обтяжку и пара ленточек — подмигнула ему и послала воздушный поцелуй. Ричардс вытянул средний палец в непристойном жесте.

Казалось, они проехали уже несколько миль, через тысячи соединенных между собой коридоров. Ричардс успевал взглянуть в глубину некоторых студий, в одной из них виднелась известная "Ручная мельница". Кто-то из экскурсионной группы, глупо хихикая, пробовал ее крутить.

Наконец они приехали и остановились у двери с надписью: *"Бегущий Человек — посторонним вход строго воспрещен"*. Бернс махнул охраннику рукой, стоявшему в бронированной будке около двери, и посмотрел на Ричардса.

— Вложи свою личную карточку в щель между будкой и дверью, — сказал он.

Ричардс сделал, как ему велели. Карточка исчезла, а на пульте в будке охранника загорелась лампочка. Тот нажал какую-то кнопку, и дверь мягко отворилась. Они залезли обратно в вагончик и въехали в открытую дверь.

— Где моя карточка? — спросил Ричардс.

— Она тебе больше не понадобится.

Они оказались в большом зале со множеством пультов

управления. Там никого не было, кроме одного лысаватого инженера, который сидел перед темным экраном монитора и меланхолично произносил какие-то цифры в микрофон.

Слева за круглым столом расположились Дэн Киллиан и двое незнакомых мужчин. Они держали в руках запотевшие стаканы. Лицо одного из них смутно напоминало Ричардсу о чем-то, для простого техника он слишком интеллигентно.

— Здравствуйте, мистер Ричардс. Привет, Артур. Не хотите ли выпить чего-нибудь прохладительного?

Несмотря на множество кондиционеров, Ричардс вдруг почувствовал жажду. На одиннадцатом этаже было жарковато.

— Я бы **выпил** какой-нибудь фруктовой воды,— ответил Ричардс.

Киллиан встал, подошел к бару-холодильнику и щелкнул крышкой пластиковой бутылочки. Ричардс уселся и, взяв бутылку, кивнул в знак благодарности.

— Мистер Ричардс, этот джентльмен справа от меня — Фред Виктор, режиссер “Бегущего Человека”. А это — я уверен, вы его узнали — Бобби Томпсон.

Ну, конечно же, Томпсон. Ведущий передачи. Он был одет в аккуратный зеленый костюм, а копна волос была настолько серебристо-привлекательной, что наводила на подозрения.

— Ты что волосы красишь?— спросил Ричардс.

Безупречные брови Томпсона удивленно взлетели вверх.

— Простите, не понял...

— Да так, ничего,— ответил Ричардс.

— Вы должны быть снисходительным к мистеру Ричардсу,— сказал с улыбкой Киллиан,— он, кажется, огорчен разными неприятными происшествиями.

— Вполне понятно,— ответил Томпсон, прикуривая сигарету.

Ричардс почувствовал, что теряет связь с реальностью. “При таких-то обстоятельствах...”

— Если вам не сложно, подойдите, пожалуйста, сюда,— сказал Виктор, беря инициативу в свои руки. Он

подвел Ричардса к множеству экранов в другом конце зала. Инженер давно уже закончил начитывать свои цифры и ушел.

Виктор нажал две кнопки. Тут же на экранах появился левый и правый планы студии "Бегущего Человека".

— Мы не снимаем сюжеты заранее, — пояснил Виктор. — Это хуже, чем трансляция. Бобби просто замечательно справляется со своей работой: он ведет передачу и общается со всей аудиторией. Передача начинается в шесть часов вечера, по времени в Хардинге. Бобби будет стоять посередине сцены, вон на том синем помосте. Он объявит выход. На мониторе появится несколько кадров. Вы будете находиться в правой части сцены, вас будут сопровождать двое охранников с винтовками, они выйдут с вами на сцену. Конечно, если вам захочется повеселить нас какими-нибудь неприятными неожиданностями, будет практичнее использовать электрошок, но винтовки — это неплохой театр.

— Конечно, конечно, — сказал Ричардс.

Зрители будут явно настроены против вас и будут свистеть. Нас устраивает такая ситуация. Ведь это — шоу.

— А в меня будут стрелять ненастоящими пулями? Может, засунуть мне под костюм парочку мешочков с кровью, чтобы забрызгать зрителей. Это тоже неплохо для шоу.

— Не отвлекайтесь, пожалуйста, — сказал Виктор. Вы вместе с охранниками выйдете, когда назовут ваше имя. Бобби возьмет у вас интервью. Чувствуйте себя свободным в выражении любых эмоций, побольше экспрессивности. Затем около десяти минут седьмого, перед первой рекламой Системы, вы получите деньги и покинете сцену — без охранников — и удалитесь в левое крыло. Все понятно?

— Да. А что насчет Лафлина?

Виктор зевнул и прикурил еще одну сигарету.

— Его выход после вашего, в 6:15. Мы выпускаем двух участников одновременно, потому что часто один из них совершенно неспособен, э-э... обмануть Охотников.

— А парнишка будет прикрытием?

— Мистер Янский? Да. Но все это вас не касается, мистер Ричардс. Так вот, когда вы покинете сцену, вам дадут видеокамеру, которая весит около трех килограммов и размером где-то с пакетик жареной кукурузы. Впридачу вы получите шестьдесят кассет, длиной около десяти сантиметров каждая. Все снаряжение поместится в кармане плаща и будет почти незаметно. Это — достижение современной техники.

— Отлично.

Виктор поджал губы.

— Как уже Дэн вам сказал, вы являетесь игроком только для зрителей. На самом же деле вы — работник на определенной должности, и вы должны смотреть на себя именно с такой точки зрения. Пленки вы сможете опускать в любой почтовый ящик, их и доставят к нам в студию немедленно, чтобы мы смогли их обработать и выпустить в эфир в тот же вечер. Если вам не удастся отправить две кассеты за день, это серьезно отразится на оплате.

— Но на меня все равно будут продолжать охотиться?

— Да. Так что отсылайте пленки, они не помогут Охотникам определить ваше местонахождение. Охотники действуют независимо от служб телепрограммы.

У Ричардса возникли некоторые сомнения по поводу сказанного, но он промолчал.

— После того, как вам выдадут все необходимое, вас проведут к лифту, который отвезет вас прямо на улицу Рампарт. Как только вы окажетесь там, все в ваших собственных руках, — небольшая пауза. — Вопросы есть?

— Нет.

Тогда мистер Киллиан хотел бы оговорить с вами еще одну важную деталь.

Они прошли обратно к столу, где Киллиан беседовал с Артуром Бернсом. Ричардс попросил еще одну бутылку воды и получил ее.

— Мистер Ричардс, — сказал Киллиан, сверкая зубами, — как вы уже поняли, вы покинете студию без оружия. Но это не значит, что вы не можете достать себе оружие сами, честным или нечестным путем. Совсем нет. Вам —

или вашей команде — будет выплачено по сто долларов за каждого Охотника или представителя закона, которых вам удастся уничтожить...

— Да-да, не объясняйте мне. Это все — шикарное шоу,— добавил Ричардс.

Киллиан довольно улыбнулся.

— Как вы проникательны. Но при этом постарайтесь не задеть других безобидных и невинных наблюдателей. Это не приветствуется.

Ричардс промолчал.

— Еще один аспект программы...

— Да, я знаю, независимые операторы и стукачи.

— Они не стукачи, они — честные граждане Северной Америки,— трудно было определить, была ли нотка обиды в голосе Киллиана истинной или притворной.— В любом случае, номер телефона 800 известен каждому, кто может вас заметить. Информация, которая приведет к уничтожению, стоит тысячу долларов. Независимым операторам мы платим по десять долларов за метр пленки...

— Я поселюсь на Ямайке на кровью заработанные деньги,— вскричал Ричардс, широко раскинув руки.— Буду идеалом для миллионов. Сделайте с меня голографию, чтобы увековечить все детали.

— Довольно,— тихо произнес Киллиан. Бобби Томпсон сидел рядом и приводил в порядок свои ногти. Виктор уже куда-то ушел, и было слышно, как он кричит на кого-то по поводу неправильно повернутой камеры.

Киллиан нажал на кнопку.

— Мисс Джонс? Мы готовы и ждем, дорогуша.— Он поднялся и снова протянул руку.— Теперь в гримсрную, мистер Ричардс. Потом проверим освещение. Вы будете находиться за сценой, и у нас не будет возможности увидеться еще раз перед вашим выходом. Так что...

— Все было просто замечательно,— произнес Ричардс, снова в который раз игнорируя протянутую руку

Мисс Джонс отпустила его в 2:30

Ричардс стоял за сценой рядом с двумя охранниками и слушал, как публика в студии неистово аплодировала Бобби Томпсону. Ричардс нервничал и издевался над собой за это, но дрожь в теле не проходила, и насмешками ее сейчас было не остановить. Часы показывали 6:01.

— Первый сегодняшний участник — ловкий и находчивый мужчина из южных районов нашего города, — вещал Томпсон. На мониторе появилась расплывчатая фотография, сделанная скрытой камерой еще несколько дней назад. На ней Ричардс был в серой поношенной рубашке, а задний план напомнил комнату ожидания на шестом этаже.

Кто-то поработал над этой фотографией, чтобы глаза казались глубже, лоб — немного ниже, а щеки — более впалыми. Нарисованная ухмылка на губах и весь облик Ричардса в целом был ужасен — дитя трущоб, грубый, неинтеллигентный, наделенный примитивными животными инстинктами. Образ, пугающий всех жителей новых районов.

— Это Бенджамен Ричардс, двадцати восьми лет. Запомните это лицо хорошенько. Через полчаса этот человек будет уже в бегах. Подтвержденная информация о нем принесет каждому из вас сто Новых долларов. Информация, которая приведет к его уничтожению даст вам тысячу Новых долларов!

Мысли Ричардса были где-то далеко; он пришел в себя от резанувших слух последних слов Томпсона.

— ... а, это именно та женщина, которой достанется вся денежная сумма, если и когда Ричардса поймают!

Взглянув на экран, Ричардс остолбенел: там была фотография Шейлы, но кисть художника поработала над ней еще усердней, чем над предыдущей. Результат был очень жестоким. Нежное, не очень-то симпатичное лицо было переделано в морду законченной шлюхи. Полные, недовольные губы, глаза, источающие злость и скупость, намек на второй подбородок, что при рассмотрении оказалось обнаженной грудью.

— Подонок,— скрипнул зубами Ричардс и всем телом рванулся вперед. Но сильные руки с двух сторон схватили его и оттащили обратно.

— Расслабься, приятель, это всего лишь фотография. Через пару секунд его наполовину вывели, наполовину вытолкнули на сцену.

Публика отреагировала моментально. Зал наполнился криками типа “Убейте его”, “Вали отсюда, ублюдок!”, “У, подонок!”

Бобби Томпсон поднял руки и притворно добрым голосом закричал:

— Давайте послушаем, что он нам скажет!

Публика постепенно затихла.

С опущенной головой под слепящими лучами прожекторов Ричардс стоял, как бык перед гладиаторами. Он знал, что от него исходит именно та вызывающая ненависть, которую они ожидали увидеть, но ничего не мог с этим поделать.

Он уставился на Томпсона тяжелым, мрачным взглядом:

— Кое-кого подвешат за яйца за такую фотографию моей жены.

— Продолжайте, мистер Ричардс, говорите! — взывал Томпсон, и необходимая нотка презрения послышалась в его голосе. — Никто не тронет вас... пока.

И снова водоворот криков и брани обрушился на Ричардса со стороны публики.

Ричардс вдруг резко обернулся, и аудитория **стихла**, как от пощечины. Женщины таращились на него **полуиспуганным-полупохотливым** взглядом, **мужчины же** ухмылялись, и жажда крови горела у каждого в глазах.

— Вы — подонки! — выкрикнул он. — Если вы горите желанием увидеть чью-то смерть, почему бы вам не перегрызть глотки друг другу?

Последние слова потонули в новом взрыве криков. Какие-то люди, сидевшие в первых рядах (может, им за это даже заплатили), пытались взобраться на сцену. Полиция удержала их, и Ричардс, мучительно сознавая, как он сейчас выглядит, взглянул на них.

— Спасибо, мистер Ричардс, за эти мудрые слова.—

Презрение уже явно ощущалось в голосе ведущего, и толпа, почти утихомирившись, с удовольствием подметила это. — Не хотели бы вы сообщить нашим телезрителям и всем собравшимся здесь, сколько дней вы сможете продержаться в бегах.

— Я хочу сказать им всем, что на той фотографии была не моя жена. Это все дешевая подделка...

Рев публики захлестнул его голос. Крики и ругательства достигли небывалой высоты. Томпсону пришлось прождать почти минуту, чтобы хоть немного успокоить аудиторию, а затем он повторил:

— Как долго вы предполагаете продержаться в бегах, мистер Ричардс?

— Я предполагаю, что протяну все тридцать дней, — спокойно ответил Ричардс. — И я не думаю, что вы найдете кого-то, кто сможет меня прикончить.

И снова брань и непристойности отовсюду. Кулаки поднимались вверх, кто-то швырнул на сцену помидор.

Бобби Томпсон повернулся к публике и закричал:

— С этими последними словами дешевой бравады мистер Ричардс будет уведен со сцены. Охота начинается завтра в полдень. Запомните его лицо! Он может оказаться с вами в скоростном автобусе... в самолете... в кинотеатре... на матче по боксу. Сегодня вечером он находится в Хардинге. Завтра он может быть в Нью-Йорке, Колумбусе, Бостоне... Он может прятаться под ВАШИМИ окнами. Вы сообщите о нем?

— Да-а-а-а! — заорали все. Ричардс вдруг неожиданно для себя показал им оба средних пальца. На этот раз прорыв "добровольцев" к помосту был уже никак не наигранным. Его срочно утащили за сцену в левое крыло, пока публика не разорвала его в клочья прямо перед объективами камер, и этим самым могла бы лишит компанию и всю Систему ожидаемых сочных сообщений и соответственно прибыли.

Киллиан стоял в левом крыле, не находя себе места от удивления и восторга.

— Замечательное представление, мистер Ричардс. Прекрасно! Была бы моя воля, я бы выдал вам приз. А эти выставленные пальцы — просто великолепно!

— Всегда готов! — проговорил Ричардс. Изображение на мониторе перекрыла реклама. — Давайте мне эту проклятую видеокамеру и идите к такой-то матери...

— Ну, второе, в принципе, невыполнимо, — ответил Киллиан, все еще улыбаясь, — а что касается камеры, вот, пожалуйста.

Он взял камеру из рук помощника, который держал ее аккуратно, как ребенка.

— Кассета уже вставлена, все готово к работе. А вот — дополнительные пленки, — он протянул Ричардсу маленькую, но неожиданно тяжелую продолговатую коробку, завернутую в пластик.

Опустив в один карман камеру, а в другой — коробку, Ричардс сказал:

— Все в порядке. Где лифт?

— Не торопитесь, у вас есть еще минутка, вернее целых двенадцать минут. Официально ваши двенадцать часов форы начинаются только в шесть тридцать.

В отдалении опять слышались крики ярости. Оглянувшись, он увидел, что на сцену вывели Лафлина. Душой он был сейчас с ним.

— Вы мне нравитесь, Ричардс, и я думаю, что у вас дела пойдут нормально, — сказал Киллиан. — Ваш в некотором роде грубоватый стиль радует меня безмерно. Я, видите ли, коллекционер. Наскальная живопись и егип-

пестские саркофаги — это сфера моих интересов. Вы являетесь аналогом скорее наскальных рисунков, чем египетских погребальных сооружений, но это неважно. Мне бы хотелось, чтобы вас сохранили — если хотите, поместили в коллекцию — так же, как сохранили наскальные рисунки в Азии.

— Лучше запиши биологические излучения моего мозга, убудок!

— Поэтому я хочу дать вам хороший совет, — продолжал Киллиан, игнорируя слова Ричардса, — у вас, в принципе, нет шансов выжить: их не существует, когда вся нация охотится за одним человеком, и надо учитывать уровень современного оборудования, которым пользуются Охотники, и их подготовку. Но если не высовываться, можно продержаться дольше. Так что вместо любого оружия, надейся на свои собственные ноги и держись поближе к своим собственным людям, — он поднял палец, как бы для того, чтобы подчеркнуть свою мысль. — Не лезь к таким, как в студии, обывателям, они тебя люто ненавидят. Ты для них — символ всех страхов и трагедий нашего расколотого и больного мира. В студии было мало подставных зрителей, Ричардс. *Они искренне ненавидят тебя. Ты почувствовал это?*

— Да, — ответил Ричардс, — почувствовал. Я их тоже ненавижу.

Киллиан улыбнулся.

— И поэтому они готовы тебя убить, — он взял Ричардса за запястье; хватка оказалась на удивление сильной. — Сюда.

За их спиной Бобби Томпсон доводил до ярости Лафлина, приводя в восторг публику.

Они шли в одиночестве по пустому белому коридору, прислушиваясь к звуку собственных шагов. Совсем одни. Впереди вдалеке один-единственный лифт.

— Вот здесь я вас оставляю, — сказал Киллиан. — Это лифт-экспресс. За девять секунд — прямо на улицу.

Он протянул руку в четвертый раз, и Ричардс снова не пожал ее. Но на этот раз он на секунду замешкался.

— А что если я поднимусь наверх? — спросил он, кивну головой на потолок и еще восемнадцать этажей над

ним. — Кого я там смогу убить? Кого мне придется уничтожить, если я заберусь под самую крышу?

Киллиан мрачно рассмеялся и нажал кнопку около дверей лифта; они мягко открылись.

— Да, Ричардс, ты мыслишь глобально!

Ричардс вошел в лифт, двери медленно поползли одна к другой.

— Не высовывайся! — повторил Киллиан. И Ричардс остался один.

У него перехватило дыхание, когда лифт нырнул вниз, устремившись к теперь уже полной неожиданностей улице.

Отсчет: 079

А двери лифта, действительно, открылись прямо на улицу. Напротив, у входа в мемориальный парк Никсона стоял полицейский, но когда Ричардс вышел из лифта, он даже не посмотрел на него; он всего лишь инстинктивно постучал дубинкой по колену и задумчиво уставился в серый туман, наполнявший воздух.

Туман принес с собой в город ранние сумерки. Сквозь темноту таинственно светились фонари, а на улице Рампарт под прикрытием здания Федерации Игр люди напоминали бестелесные тени. И Ричардс почувствовал, что сливается с толпой. Он глубоко вдохнул влажный сернистый воздух. Это было приятно, несмотря на его привкус. Не покидало ощущение, что его только что выпустили из тюрьмы. Да, воздух наполнял его радостью.

Держись своих людей, сказал Киллиан. Естественно, он прав. И Ричардсу не нужен был Киллиан, чтобы понять это, а также и то, что в Кооп-сити станет невыносимо жарко завтра в полдень, когда отменят “перемирие”. Но к этому времени он уже будет далеко отсюда.

Он прошел три квартала и поймал такси. Он надеялся, что экран “Свободного вещания” в такси будет разбит — во многих машинах так оно и было, но в остановившейся машине экран был в лучшей рабочей кондиции и показы-

вал заключительные кадры шоу "Бегущий Человек"
Черт подери!

— Куда, приятель?

— Улица Робард.

Это было в пяти кварталах от того места, куда он направлялся. А оттуда дворами можно будет добраться до дома Молти.

Шофер нажал на педаль и старая модель автомобиля на газу рванула вперед, распространяя вокруг симфонию стучащих клапанов и трещащего газопровода. Ричардс откинулся на виниловом сиденье, туда, где тень казалась наиболее густой.

— Эй, да я только что видел тебя на экране! — воскликнул таксист. — Ты же этот парень, как его? Причард!

— Причард, точно, — согласился Ричардс.

В заднем стекле тряслось, удаляясь здание Федерации Игр.

Казалось, что какая-то психологическая тень уходила из сознания Ричардса, несмотря на неудачу с таксистом.

— О, господи! Ну, ты и силен, парень. Честно скажу, правда силен. Боже, но ведь они убьют тебя! Ты-то хоть это понимаешь? Они вытрясут из тебя все кишки! Ну, ты силен!

— Точно. И ты тоже.

— Правду говорю — ты парень, что надо! — он был в восторге. — Ты не против, если я расскажу жене, что вез тебя? Она спятила от этих Игр. Мне, конечно, надо сообщить о тебе, но сотню-то я не получу. Таксисты должны представить еще одного свидетеля. Ну, надо же, а мне не везет, никого не было поблизости, кто бы мог видеть, как ты ко мне садишься.

— Да, это плохо, — сказал Ричардс, — жаль, что ты не сможешь помочь им укокошить меня. Может, мне оставить расписку, что я был тут?

— О, Господи! Неужели ты напишешь? Это бы было... Они пересекли Канал.

— Я выйду здесь, — вдруг сказал Ричардс. Он вынул из конверта, который вручил ему Томпсон, один Новый доллар и бросил на переднее сиденье.

— Эй, я ничего такого не имел ввиду...

— Да, ладно,— ответил Ричардс.

— А ты, правда, можешь мне дать такую расписку?..

— Отстань, ублюдок!

Он вылез из машины и пошел по направлению к улице Драммонд. Контуры Кооп-сити поднимались перед ним в наступающей темноте. Таксист прокричал ему вслед:

— Надеюсь, они тебя быстро поймают, паршивый подонок!

Отсчет: 078

Короткими перебежками — через задний двор, сквозь дыру в дряблом пластиковом заборе, отделявшем один асфальтовый пустырь от другого, через заброшенную стройплощадку, прячась в глубокой тени домов от проезжавшей мимо гремящей банды рокеров — их галогеновые фары напоминают в темноте бешеные глаза ночных оборотней. Затем перепрыгнул через последний забор (поревав до крови одну руку), и вот Ричардс уже стучится в заднюю дверь дома Молти Джернигана. Это, кстати, и был основной вход.

Молти держал подпольный магазин, единственный на улице Док, где имея достаточно денег, любой мог приобрести специальную милицейскую дубинку с электрошоковым устройством, винтовку с полной обоймой, пулемет, героин, “карусель”, кокаин, надувную бабу или просто шлюху, если денег не хватает на стерильную резиновую. Можно было добыть адрес любого из трех казино, адрес порно-клуба и сотни других нелегальных вещей. Если у Молти не находилось того, что тебе надо, он специально заказывал для тебя.

Включая поддельные документы.

Когда он приоткрыл заглушку глазка и увидел Ричардса, он удостоил его милой улыбки и сказал:

— Почему бы тебе просто не смотаться отсюда? Я тебя не видел.

— Новые доллары,— как бы в пустоту проговорил

Ричардс. Долгая пауза, в течение которой Ричардс изучал манжет своей рубашки, словно видел его впервые.

Тут замки и засовы на двери начали быстро отодвигаться и отпираться, как будто Молти испугался, что Ричардс передумает и уйдет. Ричардс вошел вовнутрь и оказался в задней комнате за магазином, которая была забита старыми газетами, ворованными музыкальными инструментами, камерами и ящиками продуктов с “черного рынка”. Молти был кем-то типа Робин Гуда; ведь, если жадность возьмет верх, владелец противозаконного бизнеса быстро прогорит. Богатым придуркам из Новых районов Молти продавал все по самой высокой цене; у себя же в районе иногда даже сильно снижал цену, в случае, если покупателя действительно привела нужда. Это способствовало его прекрасной репутации в городе и являлось неплохой защитой от всяких неожиданностей. Если вдруг полицейский спрашивал какого-нибудь стукача из южных районов (а таких было сотни) о Молти Джернигане, ему сообщали только, что он всего лишь дряхлый чудака, который из последних сил приторговывает какими-то мелкими вещицами с “черного рынка”. Зато любой щеголь из Новых районов, имевший несколько странные сексуальные наклонности мог сообщить полиции другие сведения, но налеты и рейды давно прекратились. А тот факт, что Молти продавал множество фальшивых документов, но только своим клиентам, был неизвестен в полицейских участках. И все же Ричардс прекрасно понимал, что состряпать документы для такой крутой личности, как он, было делом очень опасным.

— Какие именно документы?— спросил Молти, глубоко вздохнув и подвинул древнюю лампу на тонкой ножке ближе к рабочему столу, осветив его ярким дневным светом. Он был уже старик, около семидесяти пяти лет, и в свете лампы его волосы казались совсем седыми, почти серебряными.

— Водительское удостоверение. Карточка военной службы. Пропуск на определенные улицы. Удостоверение личности. Карточка социального обеспечения.

— Нечего делать. Это работка на шестьдесят долларов для любого, кроме тебя, Бенни.

— Сделаешь?

— Ради твоей жены — сделаю. Ради тебя — нет. Я не хочу подставлять свою задницу ради такого ненормального ублюдка, вроде Бена Ричардса.

— Сколько времени потребуется на все, Молти?

Молти взглянул на Ричардса сардонически:

— Зная твою ситуацию, я потороплюсь. Час на каждый документ.

— Боже мой, пять часов! Я пойду...

— Нет, тебе нельзя. Ты что, ненормальный, Бенни? Полицейский приходил к тебе на прошлой неделе. У него был конверт для твоей жены. Он приезжал на черном фургоне вместе еще с шестерыми приятелями. Когда они отъезжали, их видел Флеппер Донниган, он сидел на углу с Джерри Ханраханом. Флеппер мне все рассказывает, он ведь добродушный мальчишка.

— Я знаю это,— перебил его нетерпеливо Ричардс.— Это я прислал деньги. Она...

— Кто знает? Кто видит?— Молти пожал плечами и закатил глаза. Положив ручку и пустые бланки под свет лампы, он сказал:

— Очень опасно около твоего дома, Ричардс. Любой, кто соберется выразить свои соболезнования, окажется за решеткой. Даже очень хорошим друзьям не нужны такие проблемы, даже учитывая несметные богатства твоей женушки. Слушай, тебе написать какое-нибудь конкретное имя на этих документах?

— Без разницы, главное, чтобы только английское. О, Господи, она должно быть вышла за продуктами. А врач...

— Она послала сыночка Баджи О'Санчес. Как его там?

— Вольт.

— Да, точно. У меня уже с трудом получаются все эти палочки и закорючки. Я старею, Бенни. теряю навыки,— он вдруг вскинул взгляд на Ричардса.— Я еще помню времена, когда имя Мика Джеггера гремело повсюду. Да ты даже не знаешь, кто это такой, правда?

— Почему же, я знаю,— ответил Ричардс с раздражением. Он повернулся к боковому окну квартиры, кото-

рое было на уровне тротуара. Дела обстояли хуже, чем он предполагал. Шейла и Кэти были в клетке. До тех пор, пока...

— С ними все в порядке, Бенни,— мягко произнес Молти.— Держись от них подальше... Ты для них сейчас хуже яда. Врубашешься в ситуацию?

— Да,— ответил Ричардс. Его вдруг захлестнула волна отчаяния, черная и ужасная. “У меня просто ностальгия”,— подумал он с удивлением. Но дело было не только в этом. Реальность, казалось, уплывала прямо из-под ног, связь с действительностью была полностью потеряна. В памяти всплывали лица: Лафлин, Киллиан, Янский, Молти, Шейла, Кэти...

Дрожа, он выглянул в темноту. Молти углубился в работу, напевая себе под нос какую-то древнюю песню из давно прошедшей юности.

Что-то насчет “глаз, как у Бетт Дэвис...” Черт, кто это был такой?

— Он был ударником,— неожиданно для себя проговорил Ричардс. В этой Британской группе “Битлз”. Мик Маккартни.

— Да, молодежь...,— сказал он, нагнувшись над своей работой.— Это все, что знает теперь молодежь.

Отсчет: 077

Он ушел от Молти в десять минут первого, а кошелек стал на тысячу двести Новых долларов легче. Он купил у торговца еще и редкий, но эффективный камуфляж: седой парик, очки, ватные тампоны, и вставные челюсти, которые изменили линию рта. Напоследок Молти посоветовал ему:

— Попробуй немножко прихрамывать. Не сильно, чтобы не привлекать особого внимания. И помни: ты можешь пудрить людям мозги. У тебя это получается.

Ричардс не забывал.

Согласно его новым документам и карточкам, он теперь был Джон Гриффен Спрингер, продавец учебных

пособий из Хардинга. Вдовец, сорока пяти лет. Никакого технического образования, но это было кстати. У технарей свой сленг.

Ричардс слился с толпой на улице Робард в 12:30 — подходящее время, чтобы тебя убили или переехали, но совсем не подходящее для успешной попытки незаметно скрыться. Но он же прожил в южной части города всю свою жизнь.

Он пересек Канал на три километра западнее, почти на уровне озера. Он лицезрел тусовку алкашей, расположившихся вокруг небольшого костра, несколько крыс, но ни одного полицейского. К 1:15 он уже пробирался по дальней части безлюдных районов и, хромя на одну ногу, пытался поймать такси.

На этот раз таксист не разглядывал его.

— В аэропорт.

— Будет сделано, приятель.

Воздушные подушки подняли их и повлекли прямо в пробку на дороге. В аэропорт они прибыли в 1:50. Ричардс прохромал мимо нескольких полицейских, не проявивших к нему ни малейшего интереса. Он купил билет до Нью-Йорка, потому что это пришло в голову само собой. Проверка документов была обычной, и все прошло без проблем. Он оказался на скоростном самолете, отлетающем в Нью-Йорк в 2:20. На борту было всего около пятидесяти пассажиров, в основном дремлющих студентов и бизнесменов. Полицейский в своей кабинке в начале салона проспал весь полет. Через некоторое время задремал и Ричардс.

Они приземлились в 3:06; Ричардс благополучно вышел из самолета и покинул аэропорт.

А уже в 3:15 такси описывало спирали по окружной Линдсея. Они пересекли центральный парк по диагонали, и в 3:20 Ричардс растворился в суете самого большого на земном шаре города.

Он пришел в себя в гостинице “Брант” — так себе заведение на восточной стороне. Эта часть города уже полностью приняла новое шикарное направление в моде. Но гостиница “Брант” располагалась в полутора километрах от Манхэттена — унылого центра Нью-Йорка, самого большого в мире. Когда он въезжал в гостиницу, то снова вспомнил слова, сказанные напоследок Киллианом: держись своих.

Выйдя из такси, он пошел пешком на Таймс-сквер, так как не хотел регистрироваться в гостинице в такой ранний предрассветный час. Пять с половиной часов — с 3:30 до 9 утра он провел в ночном стриптиз-баре. Безудержно хотелось спать, но дважды задремав там, он просыпался, вздрагивая от легкого прикосновения женских пальцев, ползших между его ног.

— Сколько времени вы собираетесь здесь прожить, сэр? — спросил клерк за стойкой регистрации в гостинице, поглядев на карточку Ричардса с именем Джон Спрингер.

— Не знаю, — ответил Ричардс, пытаясь изобразить кроткую вежливость, — вы же понимаете, все зависит от клиентов. Он заплатил шестьдесят Новых долларов, сняв номер на два дня, и поднялся на лифте на двадцать третий этаж. Из окна открывался пасмурный вид на грязную запущенную реку Ист-ривер. В Нью-Йорке тоже шел дождь.

Номер был стерильно чистый, с ванной и туалетом, постоянно издававшим зловещие звуки, которые Ричардс не мог определить. Они даже не были похожи на перекачивание пахучих шариков в бачке.

Он заказал завтрак в номер: поджаренный хлеб с яйцом, апельсиновый сок и кофе. Когда появился мальчик с подносом, он получил самые обычные чаевые, чтобы это не осталось в памяти. Когда с завтраком было покончено, Ричардс достал видеокамеру и взглянул на нее. Маленькая металлическая табличка с надписью

“Инструкция” была привинчена прямо под видеоискателем. Ричардс прочел следующее:

1. Вставьте кассету в отверстие “А” до щелчка.
2. Настройте видеоискатель посредством совмещения контуров в окуляре.
3. Нажмите кнопку “Б” для записи изображения и звука.
4. По сигналу кассета выскочит автоматически. Время записи: 10 минут.

“Прекрасно”, подумал Ричардс, “пусть посмотрят, как я сплю”. Он поставил камеру на стол, навел окуляр на кровать. На заднем плане была пустая, ничем не отличающаяся стена; по такой стене или кровати нельзя определить его местонахождение. Шум улицы был незначительным, но на всякий случай он оставил душ включенным. Несмотря на всю свою осторожность, он чуть было не нажал на кнопку раньше времени, рискуя попасть в объектив во всем своем измененном облики. Что-то из этого маскарадного костюма можно снять, но седой парик должен остаться на всякий случай. Он натянул на голову наволочку и сел на кровать перед объективом.

— Ку-ку,— сказал он загробным голосом, обращаясь к предполагаемой аудитории, которая с жутким интересом будет все это смотреть и слушать сегодня вечером.

— Вам не видно, но я над вами, говнюками, помираю со смеху.

Он лег на спину, закрыл глаза и попытался ни о чем не думать. Когда же через десять минут кассета автоматически выскочила, он уже крепко спал.

Отсчет: 075

Ричардс проснулся, когда уже было больше четырех часов — охота, следовательно, уже началась и идет три часа, учитывая разницу во времени.

Он вставил в камеру новую кассету, взял со стола Библию и с наволочкой на голове прочел Десять Запове-

дей несколько раз подряд, пока не кончилась вторая кассета.

На журнальном столике лежали конверты, но на всех были указаны название и адрес гостиницы. На секунду он засомневался, но потом подумал, что это, видимо, не имеет значения. Придется понадеяться на заверение Киллиана, что его местонахождение, которое можно определить по обратному адресу или штампе на конверте, не будет доведено Федерацией Игр до сведения Маккоуна и его зверинца. Он вынужден пользоваться услугами почты: ведь ему не выдали клетку с голубями.

Почтовые ящики находились около лифтов и Ричардс бросил конверт с видеозаписями в ящик с обозначением "междугородный". При этом предчувствие чего-то плохого волной обдало его. Несмотря на то, что почтовая служба не имела права на получение каких-либо денег от Федерации Игр и, следовательно, у почтовых служащих не было причин сообщать о местопребывания участников, все это казалось чертовски рискованным делом. Но выбора не было, и он не мог позволить себе не выполнить обязательства.

Он вернулся в номер, выключил душ (воздух в ванной был влажный, как в тропических джунглях) и прилег на кровать, чтобы все хорошенько обдумать.

Какие действия были оптимальными в его ситуации?

Ричардс попытался поставить себя на место обыкновенного участника. И первый импульс, естественно, был чисто животным инстинктом: ближе к земле. Вырыть берлогу и спрятаться там.

А ведь он так и сделал: гостиница "Брант" — его берлога. Ожидают ли Охотники от него такого приема? Они ищут совсем не Бегущего Человека в прямом смысле слова, они ищут "прячущегося" человека.

Смогут ли они его найти в этой берлоге? Ему ужасно хотелось ответить "нет", но он не мог. Его камуфляж был неплох, но все-таки придуман поспешно. Не многие вокруг отличаются наблюдательностью, но такие всегда найдутся. Даже может случиться, что он уже на мушке. Клерк за стойкой. Посыльный, принесший завтрак в но-

мер. Или даже один из безликих мужчин в том стриптиз-клубе на 42-й улице.

Вряд ли, конечно, но вполне допустимо.

А как же его настоящая защита: поддельное удостоверение личности, которое ему изготовил Молти? Сколько можно будет на это надеяться? А таксист, который вез его от здания Федерации Игр до южных районов. А ведь Охотники очень опытные и ловкие. Они мертвой хваткой вцепятся в любого знакомого Ричардса, начиная с Джека Крагера и заканчивая этой сукой Эйлин Дженнер, живущей по-соседству. Да, жарковато становится. Сколько времени пройдет, пока какой-нибудь добряк типа Флэппера Доннигана не ляпнет, что Молти периодически занимается изготовлением фальшивых документов? А если они доберутся до Молти, он пропал. Этот спекулянт мог бы выдержать стрельбу в квартале, но он слишком осторожен, чтобы демонстрировать по району следы от побоев, и любыми способами попытается уберечь свое жилье от якобы случайного самовозгорания в один прекрасный вечер. А потом? Проверка компьютеров в трех аэропортах города Хардинга легко выявит ночной побег Джона Спрингера в "город городов".

Это при условии, что они выйдут на Молти.

Предположим, что его найдут. Просто необходимо сделать такое предположение.

Тогда — бежать. Но куда?

Он не знал. Всю свою жизнь он провел в Хардинге, на Среднем Западе. Восточное побережье и города там он не знал; не было ни единого места, где можно было бы скрыться и чувствовать себя как дома, в знакомом окружении. Тогда, куда же?

Его истерзанный, измученный мозг представил ужасную картину. Они нашли Молти без всяких проблем, выбили из него имя Спрингера за пять минут, выдрать с корнем пару ногтей на руках или наполнив его пупок до краев жидким газом с угрозой бросить туда спичку. Номер рейса, которым улетел Ричардс, — это один моментальный звонок в аэропорт (симпатичный незапоминающийся мужчина в габардиновом плаще) — и уже в 2:30 они в Нью-Йорке. Заранее узнав адрес гостиницы

“Брант” по телексу — список живущих в Нью-Йоркских гостиницах заносился в компьютерную память каждый день, они уже сейчас были здесь, рядом и, наверное, окружали здание. Весь обслуживающий персонал — бармены, клерки, посыльные — уже заменены, охотниками. Человек шесть взбирается по пожарной лестнице. Еще пятьдесят человек заблокировали три лифта. Их все больше и больше. Они со всех сторон подлетают на воздушных машинах к гостинице. Вот сейчас они уже в холле, и через секунду дверь с грохотом распахнется, и они ввалятся с видеокамерой на треноге, ухмыляющейся одноглазым объективом за их мускулистыми спинами — записать, увековечить для потомства все подробности превращения его в отбивную.

Он резко поднялся на кровати, весь в холодном поту. У него еще даже не было оружия.

Бежать. Немедленно.

Для начала — в Бостон.

Отсчет: 074

В пять часов вечера он вышел из своего номера и спустился в вестибюль. За стойкой все тот же клерк приветливо улыбнулся ему, вероятно, уже мечтая о вечернем отдыхе.

— Добрый вечер, мистер...э-э...

— Спрингер, — Ричардс улыбнулся в ответ. — Я, кажется, застрял здесь, приятель. Появилось три... возможных клиента. Я займу ваши прекрасные апартаменты еще денка на два. Могу я оплатить вперед?

— Конечно, сэр.

Доллары перешли из рук в руки. С сильно бьющимся сердцем Ричардс вернулся в номер. В холле не было ни души. Повесив табличку “Не беспокоить” на ручку двери, он быстро вышел на пожарную лестницу. Удача сопутствовала ему: до первого этажа он не встретил ни одного человека и проскользнул на улицу через запасную дверь тоже незамеченным.

Дождь прекратился, но тяжелые облака все еще висели над Манхэттенем. В воздухе пахло старыми батарейками. Он шел, уже не пытаясь хромать, к автобусной станции. Билеты на автобус все еще продавались без указания имени.

— Один до Бостона,— сказал Ричардс бородатому кассиру.

— Двадцать три “зеленых”, приятель. Автобус отходит ровно в 6:15.

Он отдал деньги и получил билет. У него теперь осталось около трех тысяч Новых долларов. Надо было убить как-то этот час до отъезда, а зал ожидания до отказа забит народом; там было много солдат наемной армии, все в синих беретах с пустыми, жестокими мальчишескими лицами.

Он купил порнографический журнал, сел в сторонке и раскрыл журнал, держа его прямо перед носом. В течение последующего часа он тупо смотрел на фотографии, иногда переворачивая страницы, чтобы не казаться статуй и не вызывать подозрений.

Когда автобус подъехал к входу, он потащился к дверям в потоке безликой толпы.

— Эй! Эй, ты!

Ричардс ошалело посмотрел вокруг: к нему быстро приближался охранник. Ричардс похолодел и застыл, не имея сил даже пошевелиться. Дальняя часть его подсознания рвалась наружу и кричала ему, что его схватят здесь, именно здесь, в этом вонючем зале ожидания, с пятнами раздавленной жвачки на полу и с обычными пошлостями, нацарапанными на грязных стенах; он станет трофеем тупого прикурка с плоскостопием.

— Остановите его! Остановите того парня!

Охранник свернул. И Ричардс понял что совсем не его имели в виду. Какой-то неуклюжий паренек бежал по ступенькам с дамской сумкой в одной руке, как кегли разбрасывая в разные стороны попадавших на его пути людей.

Он и его преследователь скрылись из вида, взлетев огромными шагами — через три ступеньки — на второй этаж зала ожидания. Прибывшие, отъезжающие и встре-

чающие наблюдали за ними с ленивым интересом пару минут, а затем вновь вернулись к тому, чем они занимались до происшествия, как будто ничего не случилось.

Ричардс оказался в очереди, дрожащий, в холодном поту.

Он плюхнулся на сиденье за водителем, и спустя несколько минут автобус мягко тронулся, выехал на шоссе и влился в поток машин. А полицейский со своей жертвой исчезли в человеческой толпе.

“Если бы у меня был пистолет, я бы снес ему голову при первых же словах,— подумал Ричардс.— Боже! О, Боже!”

А в подсознании прозвучало: *следующий раз будут охотиться не на карманного воришку, а на тебя.*

В любом случае, в Бостоне он должен достать оружие. Каким угодно способом.

Он вспомнил, как Лафлин говорил, что выкинет нескольких из окна, прежде чем они доберутся до него.

А автобус катил на север в сгущающейся тьме.

Отсчет: 073

Бостонское отделение Христианского союза молодых людей находилось в начале Ханнингтон авеню. Здание было огромным, почерневшим от времени, старинным и... похожим на ящик. Оно располагалось в месте, считавшемся лучшим в Бостоне в середине прошлого века. Дом возвышался там, как постоянное напоминание о былом времени, о других днях, и мигал старыми неоновыми буквами в пустоте окружающих кварталов. Он был похож на скелет чьей-то задушенной идеи.

Когда Ричардс вошел в холл, клерк за стойкой спорил с маленьким неуклюжим негритенком в огромного размера футболке, доходившей почти до колен его голубых джинсов. Предметом яростного обсуждения оказался автомат с жевательной резинкой, который стоял при входе.

— Он проглотил мои пять центов, ты, обезьяна! Я потерял мои клевые пять центов!

— Слушай, если ты не уберешься отсюда, я позову охрану, понял? Все, парень, мне некогда с тобой разговаривать.

— Но эта чертова машина проглотила мою монету!

— Прекрати сейчас же ругаться, маленький паршивец, — и клерк, выглядевший на все тридцать лет, перегнулся через стойку и ухватил мальчишку за футболку. Но поскольку она была очень большая, то ему удалось только подергать за футболку, не причинив парню никакого неудобства. — Убирайся отсюда! Разговор окончен!

Поняв, что препираться бесполезно, мальчишка скорчил ужасную гримасу, вложив в нее всю ненависть и презрение.

— Послушай, это была моя единственная монета. Автомат проглотил ее! Это...

— Все, я вызываю охранника, немедленно, — клерк повернулся к пульту. Его пиджак, купленный на распродаже, свободно болтался, едва прикрывая тощий зад. Мальчишка стукнул кулаком по пластиковой крышке автомата и быстро бросился из холла, крича на ходу: "Белый ублюдок!"

Клерк посмотрел ему вслед, но так и не нажал кнопку вызова охраны — была она настоящей или нет. Он улыбнулся Ричардсу, показывая доску с ключами — несколько ячеек пустовало.

— С этими неграми уже просто невозможно разговаривать. Я бы всех их держал за решеткой, будь я в руководстве Системы.

— Он, что же, действительно, лишился этих злосчастных пяти центов? — спросил Ричардс, подписывая карточку регистрации: Джон Диган из Мичигана.

— Даже если это так, то он их где-нибудь украл, — ответил клерк. — Я думаю, он говорил правду. Но если бы я ему вернул эти пять центов, у меня к концу смены здесь толпилось бы человек двести попрошайек, требуя того же. Где они научились так разговаривать — вот что мне хотелось бы знать. Разве их родители не беспокоятся, где их дети и чем они занимаются? Сколько вы собираетесь пробыть здесь, мистер Диган?

— Еще не знаю, я в городе по делам, — Ричардс по-

пытался изобразить ненавязчивую улыбку, и, когда она удалась, он удвоил старания. Клерк сразу распознал природу этой улыбки (может, из-за своих собственных чувств, отраженных в этой отполированной миллионами локтей, стойкой из поддельного мрамора) и вернул ее Ричардсу.

— С вас пятнадцать долларов и пятьдесят центов, мистер Диган.

Он придвинул к Ричардсу ключ, прикрепленный к потерянной дощечке с надписью: "Комната 512".

— Спасибо, — Ричардс расплатился наличными. И опять никаких документов. Слава Богу, что есть ХСМЛ!

Он прошел через холл к лифтам и заглянул в коридор слева, где находилась библиотека. Она слабо освещалась желтыми лампами-шарами, засиженными мухами. Какой-то старик в плаще и галошах рассматривал толстую книгу, медленно и методично переворачивая страницы трясущимися, влажными пальцами. Стоя у лифтов, Ричардс смог различить хриплый свист его дыхания, что навело на него тоску и одновременно ужас.

Лифт остановился, и двери неохотно раскрылись. Когда он уже вошел в кабину, клерк громко сказал:

— Все это грех и позор. Я бы их всех упек за решетку.

Ричардс поднял взгляд, думая, что клерк обращается к нему, но тот смотрел прямо перед собой.

В холле было пусто и тихо.

Отсчет: 072

На пятом этаже воняло мочой. Коридор казался настолько узким, что вызвал у Ричардса приступ кластрофобии; а ковер, который был раньше красного цвета, стерся посередине до отдельных редких ниток.

Двери серые, как на фабриках, и на многих свежие следы от ударов чем-то тяжелым, кто-то пытался ворваться в номера. Через каждые двадцать шагов висела табличка, сообщавшая, что "курить в холле запрещено приказом офицера пожарной охраны".

На этаже была общая ванная и туалет, где ужасающий запах становился еще острее. Этот запах ассоциировался в сознании Ричардса с безнадежностью. Люди без устали копошились, что-то делали за этими серыми дверьми, как животные в клетках — животные слишком ужасные, чтобы их разглядывать. Кто-то пел нечто похожее на "Аве Мария" срывающимся пьяным голосом, снова и снова. Странные чавкающие звуки доносились из другой двери. Западные мотивчики в стиле "кантри" — из-за следующей ("мне не на что позвонить в другой городок, а я так одинок"...). Ерзанье, шарканье... Одинокий скрип кровати, на которой, вероятно, мужчина был один на один с собой... Смех... Кашель... Истерические нотки пьяного спора. А за следующей дверью — тишина. Снова тишина. Опять тишина. Человек с ввалившейся грудью прошел мимо Ричардса, даже не взглянув на него; в руках он держал кусок мыла и полотенце, на нем были серые пижамные штаны, подвязанные веревочкой. На ногах — тапочки из картона.

Отперев дверь своего номера, Ричардс зашел в комнату. Изнутри дверь запиралась на цепочку, что было очень кстати. "Кровать, застеленная почти белыми простынями, была накрыта армейским казенным одеялом. Письменный стол без одного ящика и картина с изображением Христа. Железный стержень между двумя стенами в углу, на котором болтались два крюка для одежды. И все. В комнате больше ничего не было, если не считать окна, да и оно сейчас смотрело в черную пустоту. Время 10:15.

Ричардс повесил плащ, сбросил ботинки и лег на кровать. Он понимал, как одинок, ничтожен и легко уязвим человек в его положении. Мир, казалось, пошатнулся и разлетелся на куски, которые вращаются вокруг него в бездумном движении. Или, скорее, как обвал в горах: все валится в пропасть, увлекая его за собой. Губы Ричардса задрожали, и он не сдержался: слезы потекли по щекам.

Он не записал этот момент на кассету, а просто лежал и глядел в потолок, испещренный сюрреалистическими узорами трещин. За ним уже охотятся около восьми часов. Он заработал около восьмисот долларов⁷³ положен-

ных ему денег. Боже, это же так мало! Он даже не окупил расходов.

И не удалось посмотреть на себя вечером по "Свободному вещанию". Представление с мешком на голове.

Где они сейчас? Еще в Хардинге? В Нью-Йорке? Или уже на пути в Бостон? Нет, сюда они еще не добрались. Автобус ведь не проезжал никаких облав и проверок на дорогах. И он, Ричардс, покинул самый огромный город в мире анонимно, да и здесь он тоже под вымышленным именем. Не может быть, что они уже держат его на крючке. Никак не может быть!

В Бостоне будет относительно спокойно минимум два дня. Затем можно отправиться еще севернее, в направлении Нью-Хэмпшира и Вермонта: или южнее — к Хартфорду или Филадельфии. Или даже в Атланту. На востоке — океан, а за ним Англия и Европа. Эта идея, безусловно, заманчива, но, увы! Невыполнима. Чтобы купить билет на самолет, надо предъявить удостоверение личности, во Франции — военное положение; да и пока еще есть возможность скрываться. А если его найдут, то это — конец. Да, запад тоже исключается. На западе охота жарче всего.

Если не выносишь жару, убирайся из кухни. Кто это говорил? Молти, кажется. Ричардс немного похихикал сам с собой, и ему стало легче на душе.

Непонятно откуда ворвавшийся звук радиопередачи ударил в его барабанные перепонки.

Было бы не плохо добыть пистолет прямо сегодня вечером, но он слишком устал. Устал от переездов, устал быть вне закона. А животный инстинкт, отвергая все разумные и рациональные начала, подсказывал ему, что может быть, очень скоро он снова будет спать среди сухих трав под теплым октябрьским солнцем.

Итак, оружие, не позднее, чем завтра.

Он выключил свет и заснул.

Отсчет: 071

И снова пришло время показательных выступлений.

Ричардс стоял, повернувшись голым задом к объективу камеры, напевая мотив, с которой начиналась передача "Бегущий Человек". Наволочка с печатью ХСМЛ была вывернута наизнанку и надета на голову так, чтобы не было видно этого клейма. Наличие видеокамеры воодушевляло Ричардса на созидательный юмор, которого он никогда в себе не замечал и не подозревал. Его образом, который он неизменно поддерживал, был скорее образ угрюмого человека без чувства юмора. Перспектива возможной смерти обнаружила в нем комика-одиночку, который раньше прятался где-то глубоко внутри.

Первая кассета закончилась и он решил записать вторую вечером. Совсем не интересно снимать совсем пустую комнату, да и возможно попозже с ним произойдет что-нибудь новенькое.

Он неспеша оделся и подошел к окну. Утреннее движение на Ханнингтон авеню было обычным для четверга. По обе стороны улицы по тротуарам медленно продвигалась толпа. Некоторые упорно искали глазами бегущие табло с объявлениями о наличии свободных рабочих мест, но большинство просто направлялось по своим делам. Казалось, на каждом углу стоял полицейский. Ричардсу явно слышались их окрики: *Пройди! Тебе, что, некуда идти? Не задерживайся, ублюдок!* И ты идешь к следующему углу, который ничем не отличается от предыдущего; и тут тебя тоже подгоняют. Можно, конечно, разозлиться на все это. Но только себе хуже сделаешь.

Ричардс тщательно обдумывал, насколько рискованно принять душ. В конце концов он решил, что это в порядке вещей и не должно вызывать подозрений. Он перекинул полотенце через плечо и отправился в ванную комнату в конце коридора. К счастью, ему никто не встретился по дороге.

Ароматы мочи, блевотины и хлорки смешивались в неповторимом букете. Дверцы во всех кабинках были сорваны с петель, и это было нормально. Кто-то огромными, метровыми буквами нацарапал на стене над писсуаром: СИСТЕМА-ДЕРЬМО! Казалось, человек, который писал это, был очень зол на Систему. В одном из писсуаров виднелась куча дерьма. "А этот был, видимо,

очень пьян”, — подумал Ричардс. По куче ползали ленивые осенние мухи. Но эта картина почему-то не вызвала у Ричардса чувства отвращения: вероятно, она была слишком привычной, но все же он был рад, что надел ботинки.

В душевой тоже никого не было. Пол был выложен керамической плиткой, потрескавшейся от времени. Кафельные стены с зияющими дырами были покрыты серой плесенью внизу от постоянно льющейся на них воды. Он повернул заржавевшую ручку душа до отказа и терпеливо ждал, пока вода станет достаточно теплой, и потом быстро, даже поспешно, вымылся. Ему повезло: он нашел на полу обмылок. Это была удача, поскольку Христианский союз не потрудился обновить новый запас мыла в своем отделении в Бостоне, либо этот запас уже давно утащила уборщица.

По дороге обратно он наткнулся на мужчину с заячьей губой, который всунул ему какую-то брошюру.

Ричардс заправил рубашку, сел на кровать и почувствовал, что голоден. Но сейчас он не выйдет на улицу, надо подождать наступления темноты.

От нечего делать он снова подошел к окну и принялся считать различные марки автомашин — “форды”, “шевролеты”, “плимуты”, “студебеккеры”. Которых наберется сотня, та марка и выиграла. Идиотская игра, но все же лучше, чем никакой.

Дальше по Ханнингтон авеню находился Северо-восточный университет, а прямо через улицу — большой книжный магазин. Он считал машины и наблюдал, как туда заходят студенты. Они представляли разительный контраст с теми, кто шлялся по тротуарам в поисках работы. Волосы у них были короче и почти у всех были надеты клетчатые шотландские джемпера, что, как оказалось, было последним пискom моды в университетском городке. Студенты проходили через вертушку внутрь магазина с важным видом постоянных покупателей.

На пятиминутных стоянках возле магазина постоянно менялись машины, но в основном это были либо спортивные автомобили, либо какие-то броские “седаны” экзотических форм. У большинства машин на заднем стекле виднелись эмблемы высших учебных заведений: Северо-

восточный университет, Бостон колледж, Гарвард. Многие бездомные смотрели на эти автомобили, как на часть пейзажа, но некоторые пялились на эту роскошь со злобной завистью.

Подлетевший минуту назад воздушный автомобиль фирмы "винт" снялся с парковки прямо перед магазином, а на его место пристроился новенький "форд", повисший в дюйме от асфальта. Его водитель, коротко стриженный парень, здоровяк в коричнево-белом охотничьем пиджаке, проскочил внутрь магазина.

Ричардс зевнул. Считать машины — вялое занятие. "Форды" обгоняли своих ближайших конкурентов со счетом 78:40. Результат можно было предугадать, как и результаты ближайших выборов.

Кто-то гулко постучал в дверь, и Ричардс застыл на месте.

— Фрэнки, ты здесь, Фрэнки?

Ричардс ничего не ответил. Он превратился в статую, парализованный страхом.

— Не подавись дерьмом, Фрэнки-киска! — взрыв пьяного смеха раздался за дверью и шаги удалились. Стук в следующую дверь:

— Ты тут, Френки?

Сердце Ричардса медленно переползало из горла обратно вниз, на свое место.

"Форд" улетал со стоянки и еще один "форд" пристраивался на его место. Так, уже 79. Черт возьми!

Время перевалило за полдень, потом наступил час дня. Ричардс понял это по звону колоколов в церквях города, далеко от гостиницы. Ирония судьбы — человек, исчисляющий свою жизнь секундами, даже не имел часов на руке.

Теперь он придумал новый вариант игры в машины. За каждый "форд" — два очка, за "студебеккер" — три, за "винт" — четыре; выигрывает первый, кто доберется до пятисот.

Прошло уже пятнадцать минут, когда он снова заметил человека в коричнево-белом охотничьем костюме, опиравшегося на фонарный столб перед книжным магазином и читавшего концертное объявление. Его почему-

то не прогоняли, казалось, полиция просто игнорировала его.

Ты, парень, нарываешься на неприятности. Смотри, вон они стоят на углу.

Он посчитал "винт" с погнутым крылом, затем — желтый "форд". Старый "студебеккер" с визжащим глушителем, снижавшийся по спирали. Вот еще "БМВ". Нет, эта марка не подходит, она — вне игры. Еще один "винт", и еще один "студебеккер".

Человек, куривший очень длинную сигару, бездельничал на остановке автобуса. Он был совсем один. И на то была отличная причина. Ричардс видел, как один за другим подъезжали и отъезжали автобусы, и он знал, что следующий теперь приедет только через сорок пять минут.

Холодный страх пополз по рукам и ногам.

Старикан в черном пальто прошелся по тротуару туда-сюда и лениво прислонился к стене здания.

Двое парней в шотландских джемперах вышли из такси и, оживленно беседуя, принялись изучать меню в окне ресторана "Стокгольм".

Полицейский подошел к мужчине на остановке автобуса, перекинулся парой фраз и опять отошел.

С еще неясным, отдаленным ужасом Ричардс отметил, что многие люди с газетами в руках идут мимо что-то уж слишком медленно. И походка, и стиль одежды были страшно знакомы, будто уже много раз они окружали Ричардса, и он начинал это осознавать также медленно и тягостно, как мы с трудом различаем голоса умерших во сне.

И полицейских стало больше.

"Меня окружают", подумал он. Эта мысль привела его в безумный, кроличий трепет.

"Нет, — поправил он себя, — тебя уже окружили".

Ричардс поспешно прошел в ванную, стараясь быть спокойным и не обращать внимания на страх, подобно тому, как человек, стоящий на краю обрыва, игнорирует возможность падения. Если он хочет выбраться отсюда, то ни в коем случае не должен терять голову. Если же поддастся панике, его быстро прикончат.

В душевой кто-то напевал хриплым голосом популярный шлягер. У писсуаров и раковин никого не было.

В голове без труда родился хитроумный план. Он подумал об этом, когда уже стоял у окна и смотрел, как они собираются, скапливаются вроде бы незаметно. Если бы он ни до чего не додумался, он бы так и остался стоять и смотреть, подобно Алладину, наблюдавшему, как клубы дыма из лампы принимают темные формы всемогущего джина. Они пользовались этим трюком, когда были мальчишками и воровали газеты из подвалов домов. Молти скупал их по два цента за фунт.

Одним резким рывком он выдрал из стены железную проволоку, которая предназначалась для зубных щеток. Она была немного ржавая, но это не имело принципиального значения. Он пошел к лифту, по пути распрямляя проволоку. Нажав кнопку вызова, он ощутил, что такое вечность, пока эта клетка спустилась с восьмого этажа. Она была пуста. Слава Богу, что она пуста! Он вошел в лифт, на секунду выглянул в коридор, чтобы убедиться, что там никого нет, а потом повернулся к панели с кнопками. Щель находилась рядом с кнопкой "подвал". Уборщики имели специальные карточки, чтобы попасть в подвал.

А что если не сработает?

Не думай об этом. Не думай об этом сейчас.

Сморщившись в ожидании возможного удара током, Ричардс втолкнул проволоку в щель и одновременно нажал кнопку.

Из-за панели раздалось нечто напоминавшее электронную ругань. Вспышка света, и разряд тока — от панели в руку. Какую-то секунду ничего не происходило, потом металлические складные двери поползли друг к другу, за ними еще одни двери закрылись на этаже, и лифт с тоскливым стоном рванул вниз. Маленькое облачко голубого дыма плыло из панели.

Ричардс стоял напротив дверей и смотрел, как на табло цифры мигают в обратном порядке. Когда зажглась цифра "1", высоко наверху заворчал мотор, и казалось, что кабина сейчас остановится. Затем через секунду (вероятно, решив, что он достаточно попугал Ричардса) лифт поехал дальше вниз. Через двадцать секунд двери открылись, и Ричардс вышел в огромный плохо освещенный подвал. Где-то капала вода и шуршали потревоженные крысы. Но в остальном подвал принадлежал только ему. Пока.

Отсчет: 069

Огромные ржавые трубы горячей воды, затянутые паутиной, ползли, извиваясь, по потолку. Когда что-то вспыхнуло в топке, он чуть не закричал от ужаса. Приток адреналина болезненно отозвался в сердце, на мгновение даже невозможно было сдержаться.

Ричардс разглядел, что здесь тоже были газеты. Он остановился только на минуту около ящика с инструментами, стоявшего прямо на потрескавшемся цементном полу, взял оттуда лом и двинулся дальше, глядя себе под ноги.

Около дальней стены слева он заметил главный канализационный сток. Он направился прямо к нему, размышляя, знают ли они, что он уже здесь, или нет.

В стальной крышке канализационного колодца — где-то около метра шириной, было специальное отверстие

для лома. Ричардс засунул его туда, поднял крышку и, поддев под нее руки, отодвинул в сторону. Она грохнулась на цементный пол, вспугнув крыс, запищавших от ужаса.

Под крышкой труба шла под углом в 45 градусов; Ричардс на глаз определил ее диаметр — не больше восьмидесяти сантиметров. Внутри было очень темно. Боязнь замкнутого пространства вдруг обволокла его. Во рту пересохло. Труба слишком узка, чтобы в ней можно было как-то маневрировать. И дышать. Но выбора не было.

Крышку он подтащил поближе к краю трубы, чтобы потом было легче задвинуть ее на место изнутри; нашел распределительный электрощит и уже хотел было вырвать провода, когда его осенила новая мысль.

Он взял связку газет — одну из кучи желтых грязных стопок, которыми была завалена вся восточная часть подвала, раскрыл книжечку со спичками, которыми он прикуривал сигареты. В ней осталось всего три спички. Вытащив несколько листов из пачки, — Ричардс свернул их трубочкой и, держа ее под мышкой, зажег спичку. Но она тут же погасла от сквозняка. Вторая вывалилась из его дрожащих пальцев и зашипела на влажном полу.

Третья разгорелась. Он поднес ее к бумаге — вспыхнуло желтое пламя. Крыса, вероятно, сообразив, что сейчас произойдет, шмыгнула между ног и скрылась в темноте.

Жуткое чувство приближавшейся опасности наполняло его, но он все же подождал, пока пламя не поднялось на тридцать сантиметров. Спичек больше не было. Он аккуратно поджег газеты в нескольких местах и наблюдал, как пламя распространялось в разные стороны.

Он заметил встроенный в стену бак с топливом. “Наверное, взорвется”, — подумал Ричардс.

Он вернулся к распределительному щиту и стал обрывать провода, один за другим. Оставалось совсем немного, когда в подвале погас свет. Тогда он вернулся к колодцу, путь ему освещали разгоравшиеся газеты.

Ричардс сел на край колодца, свесив ноги внутрь, а потом медленно соскользнул в него. Когда его голова оказалась ниже уровня пола он, упершись обеими ногами

в стенки трубы и пытаюсь так удержаться, медленно высвободил руки и потянул их вверх. Все получалось очень медленно, так как в трубе было мало места для движения.

Свет от пожара становился все ярче. Дрожащими пальцами, он подтянул крышку и с трудом поставил ее на место.

Расслабив колени, Ричардс начал скользить по трубе вниз. Внутренняя ее поверхность была покрыта мерзкой слизью, которая служила, своего рода, смазкой и облегчала его продвижение под наклоном. Но когда он добрался до горизонтального ответвления, то понял, что ему туда не пролезть: изгиб шел под слишком острым углом.

Он снова почувствовал приступ кластрофобии. "Попался,— прозвенело в голове,— попался, вот тут-то я и попался..."

Металлический крик застрял у него в горле, он поперхнулся им.

Успокойся! Конечно, это звучит банально, но нужно успокоиться. Ты ведь на дне этой самой трубы и ты не можешь ни подняться, не спуститься. И если этот чертов бак с топливом взорвется, ты прекрасно поджаришься здесь...

Он начал медленно поворачиваться грудью к сгибу, слизь, в обилии скопившаяся здесь, помогала в этом. В трубе стало светлее... и жарче. Вентиляционная решетка отбрасывала на его искаженное усилием лицо тюремную тень.

С коленями, согнутыми уже в правильном направлении, опираясь грудью и животом, он проскользнул еще дальше в горизонтальную трубу, пока не оказался в позе молящегося, но все равно не пролезал. Задом он уперся в керамическое начало горизонтальной трубы...

Наверху слышались какие-то приказы, команды, но может быть, это было лишь его воспаленное до невозможного воображение.

Он начал ритмично расслаблять и напрягать мышцы ног, и потихоньку колени выскальзывали из-под него. Держа руки поднятыми вверх, он пытался оставить себе больше места для движения, но лицо уже уткнулось в

грязь и слизь трубы. Зато он почти пролез, осталось еще чуть-чуть. Выгнув по-кошачьи спину, он изо всех сил проталкивал руки и голову, единственное, что осталось для достижения цели.

И когда Ричардс уже подумал, что из-за недостатка места он просто не сможет двигаться ни в одну, ни в другую сторону, его бедра и ягодицы вдруг выскользнули в отверстие горизонтальной трубы, как вылетает пробка из бутылки шампанского. Он сильно поранил поясницу, но зато колени выпрямились, а он извернулся так, что рубашка задралась до шеи. Теперь он уже целиком был в горизонтальной трубе — кроме головы и рук, выгнутых под очень странным углом. Он еще немного поерзал, чтобы чуть-чуть соскользнуть назад, и остановился, успокаивая дыхание. Лицо было перемазано испражнениями крыс и слизью, а поцарапанную спину жгло, видимо, из раны сочилась кровь.

Эта труба была более узкая, чем предыдущая. Плечи терлись об ее края при каждом вздохе.

Слава Богу, я голодал в эти дни!

Тяжело дыша, он принялся пятиться в мрачную неизвестность следующей трубы.

Отсчет: 068

Извиваясь, как червяк, он медленно продвигался ногами вперед по горизонтальной трубе. И вдруг в подвале наверху взорвался бак с топливом, и тут же сочувственно загудели трубы, чуть не разорвав его барабанные перепонки. Бело-желтая вспышка (как будто подожгли кучу фосфора) осветила все вокруг и погасла, переходя в розовый отсвет; несколько мгновений спустя волна горячего воздуха обдала лицо. Он сморщился от боли.

Видеокамера в кармане болталась и билась об ногу, когда он попытался лезть быстрее. Трубы сильно нагревались из-за сильного пожара, который бушевал где-то над ним, как ручка сковороды нагревается от газовой конфорки. У Ричардса была прекрасная возможность

поджариться здесь, словно картошка в духовке. Пот градом катился по лицу, смешиваясь с налипшей грязью, что делало его похожим на индейца, разрисованного в боевые краски. Стенки трубы были уже горячими на ощупь.

Как рак, Ричардс пятился на коленях и локтях, задом подпирая свод трубы. Дыхание стало хриплым и прерывистым, как у собаки. Воздух нагрелся и невозможно отдавал маслом. Головная боль сформировалась в черепной коробке и теперь давила на глаза.

Я здесь изжарюсь. Я точно здесь изжарюсь.

И тут его ноги вдруг потеряли опору и повисли. Ричардс попытался изогнуться и между колен посмотреть, что там такое, но за спиной было слишком темно, да и его глаза привыкли к свету бушующего где-то далеко впереди пожара. Придется использовать этот шанс наугад. Он пятился, пока не почувствовал под коленями конца трубы, а затем соскользнул с нее.

Его ноги оказались в воде, которая после жары металлического замкнутого пространства неожиданно показалась ему ледяной.

Новое ответвление отходило от той трубы, которую Ричардс только что прошел, и оно оказалось гораздо больше — там можно было стоять, лишь нагнув голову. По дну медленно текла густая жижа, доходившая ему до щиколоток. Он оглянулся на секунду и увидел отблески света. То, что даже с такого расстояния были видны огненные вспышки, означало, что “бум” действительно был основательный.

Ричардс взвесил ситуацию и пришел к выводу, что они там сами определяют, жив он или сгорел в преисподней этого подвала. Но как ему удалось сбежать, они поймут, только когда пожар будет ликвидирован. Приятно было так думать, но еще приятнее предположить, что они вряд ли проследят его путь до Бостона.

Скорее всего, не проследят. А точно ли это были они? Что в действительности он видел?

Нет. Это были они! Охотники! Он был уверен в этом. От них даже пахло злостью. Этот запах каким-то непо-

нятным образом донесся до шестого этажа, где находилась его комната.

Мимо пронеслась крыса, сверкнув на него светящимися глазами.

Ричардс нсуклюже пошлепал за ней по направлению течения воды.

Отсчет: 067

Ричардс остановился около лестницы и смотрел вверх, ошарашенный светом. Обычного движения транспорта не было, но оно не так удивило бы его, как поразил этот свет, потому что ему показалось, что он шагал по канализационным трубам долгие часы. Время спрессовалось.

В полной темноте глаза не могли даже заметить очертания предметов. Не было слышно никаких звуков, кроме булькания воды и случайных всплесков испуганных крыс, да еще какого-то всхлипывания в отводных трубах. "Что случится, если кто-нибудь спустит воду в унитазе над моей головой?" — мрачно размышлял Ричардс, он полностью потерял ощущение времени и пространства.

И сейчас, вглядываясь в крышку колодца где-то в пяти метрах над ним, он разглядел, что на улице еще светло. В крышке было несколько маленьких отверстий для вентиляции, и тонкие, как карандаши, солнечные лучи составляли на его груди и плечах пятна величиной с монетки.

Ни одной воздушной машины не прошло над колодцем, пока он здесь сидел. Только несколько грузовиков и группы мотоциклистов. Поэтому он решил, что может быть, благодаря счастливой случайности, а может, и теории вероятности, но только не из-за умения ориентироваться, ему удалось выйти на окраину города. К своим людям.

Тем не менее, до наступления темноты он не решался выйти на поверхность. Чтобы убить время, он вытащил камеру и начал снимать солнечные пятна на груди. Он знал, что пленка у него высокочувствительная, но в то

же время, ему не хотелось выдавать место своего укрытия. На этот раз он предпочел ничего не говорить и не объяснять, поскольку очень устал.

Когда пленка кончилась, он положил кассету к другим, уже отснятым. Его не оставляло какое-то странное чувство — почти уверенность, что эти пленки все равно послужат точным ориентиром. Это чувство надо было побороть. *Во что бы то ни стало.*

Он флегматично уселся на третьем пролете лестницы и стал ждать наступления темноты. Вот уже тридцать часов он был в бегах.

Отсчет: 066

Темнокожий парнишка лет семи с сигаретой во рту медленно шел по аллее, внимательно вглядываясь в выходящие на нее улицы.

На одной из них ему почудилось какое-то странное движение там, где было обычно тихо и пустынно. Непонятные тени передвигались, останавливались на мгновение и снова исчезали. Крышка канализационного колодца начала медленно сдвигаться, замерла. Из отверстия что-то блеснуло — глаза? Затем она съехала совсем и со звоном грохнулась об асфальт. Кто-то (или что-то, как подумал мальчишка с ужасом) начал вылезать из отверстия. Мальчик решил, что это сам дьявол явился из преисподней, чтобы забрать Кэсси. Мать говорила, что Кэсси попадет на небо к ангелам, где сейчас Дики, но он думал, что все это чушь собачья. Все попадают в ад, когда умирают, и дьявол колет их вилами в задницы. Он видел дьявола на картинках в книгах, которые Брэдли приносил из бостонской публичной библиотеки. “Так что, скорее всего, это и есть сам дьявол”, подумал он, когда Ричардс выпрыгнул из колодца и на секунду замер, согнувшись на мостовой, чтобы перевести дыхание. Но что-то никаких рогов, даже хвоста нет. И вовсе он не красный, как был изображен в книге.

Но вот он откинул накидку и... о, Господи! побежал по

направлению к аллее. Мальчишка застонал и бросился было бежать, но споткнулся и упал. Он попытался подняться, но ноги не слушались, из карманов посыпался всякий хлам. Тут дьявол и схватил его.

— Только не коли меня вилами... Ах ты, сукин сын!

— Тс, замолчи! Тихо!— дьявол встряхнул его так, что зубы во рту стучали как камешки, и парень заткнулся. Дьявол посмотрел вокруг безумными глазами. Его лицо было искажено страхом настолько, что выглядело какой-то гротескной маской. Мальчишке оно напоминало лица участников игры "Гонки с крокодилом". Он бы рассмеялся, если бы не был так напуган.

— Ты ведь не дьявол?— спросил мальчишка.

— Если заорешь, я точно превращусь в него.

— Не-ет, не заору,— сказал мальчишка презрительно,— ты что думаешь, я хочу без петушка остаться? О, Господи, у меня еще и девки-то не было!

— Ты знаешь где-нибудь поблизости безопасное местечко, где мы могли бы поговорить?

— Ты что, прикончить меня хочешь? Не пойду я никуда!— глаза парня еще больше округлились, и белки, казалось, светились в темноте.

— Я не собираюсь тебя убивать.

После некоторого колебания мальчишка взял Ричардса за руку и повел по темной, замусоренной извилистой аллее, затем по другой, еще более темной и грязной. Аллея выходила на пустырь между двумя безликими высотными зданиями. Парень подвел Ричардса к какому-то сооружению из досок и кирпичей. Пробраться внутрь можно было только на четвереньках, и Ричардс в темноте ударился обо что-то головой.

Парень завесил вход куском грязной занавески и пошуршал чем-то, через секунду слабый свет озарил их лица: он оказывается, умудрился подсоединить обычную лампочку к старому аккумулятору.

— Я сам достал эту батарею,— гордо сказал мальчик.— Брэдли показал мне, как приделать лампочку. У него столько книг, он такой ученый! Слушай, а ты не убьешь меня? Ты не вздумай! Брэдли в команде Заточни-

ков. Если ты меня убьешь, он тебя на куски разрежет и настрет сверху.

— Я не занимаюсь убийствами,— прервал его Ричардс.— По крайней мере, детей я точно не убиваю.

— Я не ребенок, я сам приделал лампочку к батарее.

Его обиженный тон вызывал у Ричардса добродушную улыбку.

— Ну, хорошо. Как тебя зовут, малыш?

— Я не малыш,— сказал он, надувшись,— а зовут меня Стейси.

— Хорошо, хорошо, Стейси. Ты знаешь, я ведь в бегах. Можешь в это поверить?

— Ну, конечно. Ты в бегах! Точно. Ты ведь вылез из этого колодца не для того, чтобы купить открытки с видами города,— он внимательно оглядел Ричардса.— Ты что, черномазый что ли? Из-за этой грязи и не разглядишь толком...

— Стейси, у меня...— голос его сорвался, он провел рукой по волосам и снова заговорил, но уже, казалось, сам с собой.— Я должен был кому-то довериться и тут подворачивается мальчишка, совсем ребенок! Господи, тебе и шести лет не дашь, парень!

— Мне будет восемь в марте,— обиженно сказал мальчик.— У моей сестры Кэсси — рак. Она очень сильно кричит. Вот почему мне здесь больше нравится. И я сам подсоединил лампочку. Хочешь затянуться?

— Нет и ты тоже не будешь. А вот два доллара хочешь заработать, Стейси?

— Господи, да конечно же!— но тут в его голосе проскользнуло недоверие.— Но ведь не с двумя же вонючими долларами ты вылез из этого колодца? Это все дерьмо собачье!

Ричардс достал один Новый доллар и протянул его мальчишке, тот посмотрел на бумажку с вождением, смешанным с ужасом.

— А второй получишь, когда приведешь своего брата,— сказал Ричардс, но увидев недоверие и страх в глазах мальчишки, добавил,— я дам тебе его наедине, он не увидит. Но приведи брата одного.

— Ничего не выйдет у тебя, если ты хочешь убить Брэдли. Он тебя на куски разрежет и...

— Да-да, знаю, и насрет сверху. Давай-ка приведи его поскорей. Но только его одного.

— Три доллара.

— Нет.

— Слушай, за три доллара я смогу купить Кэсси в аптеке лекарство, и она не будет так ужасно кричать.

Лицо мужчины вдруг сморщилось, словно кто-то выпустил воздух из шарика. — Ну, хорошо, три доллара.

— Новых доллара? — настаивал парень.

— Ну, конечно, во имя всего святого, конечно! Давай, веди брата. Но если приведешь полицию, не получишь ничего.

Мальчик остановился на полпути, одна нога его была уже снаружи, и сказал:

— Дурак ты совсем, если так думаешь. Да я их ненавижу больше всех, если хочешь знать! Даже больше дьявола.

И он исчез, этот семилетний мальчик, который сейчас держал в своих грязных руках судьбу Ричардса. Ричардс слишком устал, чтобы чего-либо бояться. Он выключил свет, прислонился к чему-то в темноте и задремал.

Отсчет: 065

Он только немного вздремнул, как вдруг обостренные чувства заставили его встрепенуться. Не понимая спрונья, где он находится, Ричардс почувствовал, как его сердце скатилось в живот: ему показалось, что огромная полицейская овчарка набросилась на него, да еще будто бы кто-то навел на него пистолет. Он чуть не закричал, но тут Стейси вернул его к реальности, прошипев:

— Если он сломал мой светильник, я его...

Но тут же получил тумака, тряпка загородила выход, и Ричардс зажег свет. Перед ним стоял Стейси и еще один негр. "Этому парню лет восемнадцать", — подумал Ри-

чардс. Тот смотрел на Ричардса со смесью ненависти и интереса.

Пружинный нож шелкнул в руке Брэдли, лезвие блеснуло в темноте.

— Если у тебя есть пистолет, лучше брось его.

— У меня нет пистолета.

— Я не верю твоим дерь.., вдруг его глаза расширились и он резко оборвал себя.— Эй, а не тот ли ты парень, которого показывали по “Свободному вещанию”? Ты сбежал из Христианского союза на Ханнингтон авеню,— чернота его лица вдруг раскололась широкой улыбкой.— Говорят, ты изжарил там пятерых фараонов. А взаправду, значит, пятнадцать.

— Он вылез из колодца,— важно сказал Стейси.— Я знал, что это не дьявол, сразу угадал. Я понял, что он — какой-то бродяга. Ты пырни его, Брэдли!

— Заткнись, дай мужчинам поговорить!— Брэдли наконец вполз целиком в хибарку, крихтя и сопя, и уселся напротив Ричардса на разбросанных повсюду апельсиновых корках. В его руке все еще поблескивал нож, он недоуменно взглянул на него, сложил и положил в карман.

— Ну и шустрый же ты парень!

— Это точно.

— Куда теперь двинешься?

— Не знаю. Мне надо как-то добраться до Бостона.

Брэдли задумался и сидел молча некоторое время. Потом сказал:

— Ты должен пойти к нам домой. Надо поговорить, но здесь нельзя: слишком опасно.

— Хорошо,— устало сказал Ричардс,— мне все равно.

— Мы пройдем через другой выход. Сегодня вокруг шныряет столько этих свиней-полицейских. Теперь я понимаю, в чем дело...

Когда Брэдли прополз вперед, показывая путь, Стейси пихнул Ричардса в спину. Ричардс оглянулся и посмотрел на мальчику в недоумении. Но потом вспомнил. Он протянул Стейси три Новых доллара, и деньги моментально исчезли.

Женщина была очень старой. Таких старых людей Ричардс никогда не видел. На ней было платье из хлопка в мелкий цветочек с огромной прорехой подмышкой. Древняя морщинистая грудь болталась в прорехе, когда она ходила взад-вперед, готовя еду, которую Ричардс заказал на свои доллары. Желтые от никотина пальцы чистили, резали, разминали. От постоянной нагрузки ее ноги разъехались в форме лодки, на них были мягкие розовые тапочки. Волосы топорщились в разные стороны, словно кто-то неловкой рукой пытался завить их щипцами, а потом упрятал под сетку, которая теперь сползла на затылок. Лицо было само средоточие времени: уже больше не черное или коричневое, скорее, серое, испещренное мириадами разбегающихся морщин, складок, мешков. Из беззубого рта торчала сигарета и вылетали клубы сизого дыма, который окутывал ее серо-голубым облаком. Она шаркала туда и сюда по треугольнику между столом, плитой и кухонным прилавком. Ее хлопчатобумажные чулки были закатаны по щиколотку, и выше до юбки открывались голые ноги с варикозными венами, закрученными наподобие часовых пружин. В помещении стоял затхлый запах капусты.

Где-то в спальне закричала и закашлялась Кэсси. Потом все смолкло. С какой-то злой стыдливостью Брэдли посоветовал Ричардсу не обращать на нее внимания. У нее был рак обоих легких, и недавно болезнь перешла на горло и желудок. Ей было всего пять лет.

Стейси опять куда-то исчез.

Пока Брэдли и Ричардс пытались выяснить отношения, по комнате распространялся сводящий с ума аромат тушеного в томатном соусе мяса с овощами, отодвигая к стенам старые запахи капусты и пыли. Ричардс только сейчас понял, насколько он был голоден.

— Я могу тебя сдать, парень. Я могу прикончить тебя и забрать все твои деньги. Выдать твой труп и получить еще тысячу долларов. И гуляй себе!

— Не думаю, чтобы ты это сделал,— сказал Ричардс.— Я бы не смог.

— Почему ты ввязался в это дерьмо?— раздраженно спросил Брэдли.— Почему ты выслуживаешься перед ними? И чего ты такой жадный?

— Мою дочку зовут Кэти, она моложе Кэсси,— пояснил Ричардс.— У нее воспаление легких, и она тоже все время кричит.

Брэдли промолчал.

— Она может поправиться. У нее это не так серьезно, как... тут. Воспаление легких — это как простуда. Но нужны доктора и лекарства. А все это стоит денег. Для меня это был единственный способ заработать деньги.

— И все равно ты — сосунок!— сказал Брэдли с тупой настойчивостью.— Каждый вечер в половине седьмого на тебя смотрит половина земного шара. А ты заливаешь им... Твоей дочке, как и Кэсси, лучше покинуть этот мир.

— Неправда!

— Тогда ты даже круче меня, парень! Я однажды отправил одного чудака в больницу с переломом. Богато-го чудака. Фараоны гонялись за мной три дня. Но ты еще круче!— Он вынул сигарету и прикурил ее.— Может, ты все-таки продержишься месяц? И получишь миллиард долларов! Вот сукин сын! Тебе придется купить целый состав, чтобы увезти эти деньги.

— О, Господи, не ругайся ты,— сказала старуха из кухни, где она резала морковь.

Брэдли не обратил внимания на ее слова.

— Ты и твоя жена с дочкой заживете тогда припеваючи. Ты ведь уже продержался два дня.

— Нет,— сказал Ричардс,— они обманывают. Шельмуют. Ты видел те две вещицы, которые я попросил Стейси отправить, когда вы с матерью отправились за продуктами? Я должен отправлять две таких штучки каждый день до полуночи.

И он рассказал Брэдли о системе штрафов и о своих подозрениях о том, что они выследили его в Бостоне по почтовым штемпелям.

— Да тут легко смухлевать.

— Каким образом?

— Ладно, потом. Как ты собираешься выбираться из Бостона? Они же у тебя на пятках! Ты их всех с ума свел этим пожаром в Христианском союзе. Это все передавали сегодня по каналу "Свободного вещания". А представление с мешком на голове. Это было довольно ловко,— подвел итог Брэдли и вдруг закричал.— Ма, ты скоро? Когда же все будет готово? Мы сейчас превратимся в скелеты прямо на месте.

— Пошли, пошли,— сказала мать. Она с грохотом накрыла крышкой кастрюлю с густой булькающей смесью и пошла в спальню к больной девочке.

— Не знаю, что делать,— сказал Ричардс.— Попытаюсь достать машину. У меня есть фальшивые документы, но я боюсь ими пользоваться. Придумаю что-нибудь... Надену темные очки и выберусь из города. Я думал добраться до Канады через Вермонт.

Брэдли что-то проворчал и пошел расставлять тарелки на столе.

— Да уже сейчас они перекрыли все дороги из Бинтауна. А человек в темных очках в первую очередь привлечет внимание. Они тебя превратят в отбивную, ты и десяти километров не сделаешь.

— Ну, тогда я не знаю...,— сказал Ричардс.— А если я останусь здесь, они привлекут тебя за укрывательство.

Брэдли начал раскладывать вилки.

— Предположим, мы найдем машину. У тебя "зелененькие", а меня никто не разыскивает. Есть тут один хмырь на улице Милк он может продать мне машину за триста долларов. Я попрошу одного из моих приятелей прорудить на ней до Манчестера. А в Манчестере тебя никто не хватится, потому что они решат, что из Бостона тебе не выбраться. Эй, мама, ты будешь есть?

— Да, слава Господу,— она выползла из спальни.— Твоя сестра заснула.

— Хорошо,— он наполнил три тарелки варевом из кастрюли.— А где Стейси?

— Сказал, что пошел в аптеку,— ответила мать, стремительно закидывая ложки тушеной смеси в беззубый рот.— Хотел достать лекарство.

— Если попадется, я ему всю задницу исполосую,—

сказал Брэдли, удобно устроившись и уплетая овощи с мясом.

— Не попадется,— сказал Ричардс,— у него есть деньги.

— А может, нам не нужны подачки?

Ричардс засмеялся и посолил соус на тарелке.

— Меня, может быть, давно бы уже зарезали, если бы не он. Я считаю, что он заработал эти деньги.

Брэдли наклонился над столом и занялся едой. И до конца ужина все молчали. Ричардс и Брэдли съели по две порции, а мать — целых три. Когда они закурили, насытившись, в замке повернулся ключ. Они замерли, но это был Стэйси. Он выглядел виноватым и испуганным, но в то же время возбужденным. В одной руке у него был пакет, а в другой — пузырек с лекарством.

— Это самое лучшее питье,— сказал он.— Старикашка Кэрри спросил меня, откуда я взял два доллара и семьдесят пять центов на лекарство, а я сказал, что мне насрать на него...

— Не ругайся, а то тебя дьявол заберет,— сказала мать.— Иди, поешь.

Глаза мальчика округлились.

— О, Господи, да там же мясо!

— Не-ет, мы просто наложили в кастрюлю, поэтому еда такая густая,— сказал Брэдли. Мальчик вопросительно взглянул на него, но понял, что брат пошутил, засмеялся и уселся за стол.

— А этот аптекарь не сообщит в полицию?— тихо спросил Ричардс.

— Кэрри? Да нет, если он надеется получить еще “зеленые” от нашей семьи. Он же знает, что Кэсси нужны сильные лекарства.

— А что насчет Манчестера?

— Да, вот Вермонт — не очень удачное место. И наших там мало. Да и полицейские придирчивые. Я попрошу приятеля по имени Рич Голсон поехать на этой машине в Манчестер и поставить ее в гараж. Потом я отвезу тебя на другой машине,— он раздавил окурки в пепельнице.— В багажнике. Мы поедем по шоссе 495.

— Но это довольно опасно,— сказал Ричардс.

— Ну, я же не бесплатно это сделаю. Кэсси еще будет мучаться, пока умрет.

— О, Господи,— вздохнула мать.

— Если кто-нибудь из этих свиней замахнет на Брэдли, я его на куски разрежу и..,— сказал Стэйси, вытирая рот. Он взглянул на Брэдли как на героя, с обожанием и трепетом.

— Ты капаешь на рубашку,— сказал Брэдли и дал Стэйси подзатыльник.— А мясо ты пережевываешь? Или еще не умеешь?

— Если они нас поймают, тебя упрячут надолго,— заметил Ричардс.— А кто тогда приглядит за мальчиком?

— Он сам о себе позаботиться, если что-нибудь случится,— ответил Брэдли.— О себе и о матери. Он ведь ни на чем не попался, так ведь, Стэйси?

Стэйси энергично закивал.

— И он знает, если я увижу следы от уколов на руках, я из него всю душу вытрясу. Верно, Стэйси?

Стэйси опять кивнул.

— И кроме того нам эти деньги пригодятся. У нас в семье горе. Так что не говори больше об этом. Я знаю, что делаю,— завершил разговор Брэдли и пошел давать лекарство Кэсси.

Ричардс молча докурил сигарету.

Отсчет: 063

Когда он проснулся, было еще темно, и внутренний таймер определил, что сейчас около половины пятого. Заплакала Кэсси и Брэдли тоже проснулся. Мужчины спали в маленькой холодной спальне, Стэйси и Ричардс — на полу. Мать легла с девочкой. Стэйси громко сопел во сне, но Ричардс все равно слышал, как Брэдли тихонько вышел из комнаты. Ложка стукнулась о раковину на кухне. Крики девочки перешли в редкие стоны и всхлипывания. Ричардс ощущал, как Брэдли неподвижно стоял на кухне, ожидая, когда наступит полная тишина.

Потом он вернулся, сел на кровать, почесал голову и лег. Заскрипели пружины.

— Брэдли?

— Что?

— Стейси сказал, что ей всего пять лет, это правда?

— Да,— местный диалект не определялся сейчас в его голосе.

— Откуда у пятилетней девочки взялся рак? Я никогда не думал, что такое бывает. Ладно еще — лейкоemia, но не рак легких...

С кровати раздался сдавленный смешок, полный горечи.

— Ты из Хардинга? А какой процент загрязнения воздуха в Хардинге?

— Не знаю,— ответил Ричардс.— В новостях больше не сообщают эти цифры. Уже больше... вот черт! Я уже и не помню, когда в последний раз слышал это.

В Бостоне по крайней мере с 2020 года,— шепотом ответил Брэдли.— Они боятся. А у тебя стоит респиратор в носу?

— Не говори глупостей,— раздраженно сказал Ричардс.— Эти проклятые штуковины стоят две сотни долларов даже в оптовых магазинах. А у меня таких денег не было за весь прошлый год. А у тебя есть респиратор?

— Нет,— ответил тихо Брэдли,— правда, у Стейси есть один. Я сам его сделал. У матери и Рича Голеона и у некоторых других тоже есть.

— Ты трепешься?

— Да, нет, ей Богу, парень,— он замолчал. Ричардс вдруг понял, что Брэдли взвешивает все, что он сказал, и думает, что может еще рассказать. Когда он снова заговорил, то тщательно подбирал слова:

— Знаешь, мы больше читаем. “Свободное вещание” годится для дураков.

Ричардс промычал нечто, означавшее согласие.

— Да и банды всякие... некоторые ребята просто болтаются без дела. Но кое-кто ходит в библиотеки еще с двенадцати лет или даже раньше.

— А что, в Бостоне пускают в библиотеки без платных карточек?

— Нет, ты должен иметь карточку, а получить ее можешь, если только в семье кто-то получает пять тысяч долларов в год или больше. Мы нашли одного такого парня и ходим по его карточке. Ну, соответственно и одеваемся, когда идем туда,— Брэдли вдруг замолчал, потом с обидой сказал: — Если ты будешь надо мной смеяться, я тебя зарежу.

— Я не смеюсь.

— Сначала мы читали книги только о сексе. Потом, когда Кэсси внезапно заболела, я наткнулся на литературу о загрязнении атмосферы. Там есть книги, где сказано, как подсчитывать процент наличия всяких примесей в воздухе, уровня смога, а также о носовых респираторах. Это — в специальном отделе. Мы сделали ключ по слепку к этому отделу. Эх, парень, ты знаешь, что в Токио уже к 2012 году все были вынуждены вставлять в нос респираторы?

— Нет, я этого не знал.

Рич и Динк Моран придумали счетчик загрязнения воздуха. Динк срисовал картинку из книги, и они сделали его из кофейных банок и еще какой-то ерунды, которую они добыли из старых машин на свалке. Мы спрятали его на аллее. Давно, еще в 1978 году, шкала загрязнения воздуха была от одного до двадцати. Понимаешь?

— Да.

— Когда стрелка добиралась до двенадцати, фабрики и все предприятия, выбрасывающие грязь в атмосферу, закрывались, пока не менялась погода. И это было федеральным законом до 1987 года, но потом Конгресс отменил этот закон,— темный силуэт на кровати приподнялся на локте.— Думаю, ты встречал многих людей, страдающих астмой?

— Конечно,— тихо произнес Ричардс,— у меня тоже была слабая форма. Неужели это от воздуха? Господи! Но все же знают, что нужно оставаться дома, когда на улице жарко и пасмурно, когда воздух неподвижен...

— Изменение температуры,— мрачно сказал Брэдли.

— ...да, поэтому у многих астма. Воздух становится, как сироп в августе, сентябре, но чтобы рак легких...

— Ты говоришь сейчас не об астме, а об эмфиземе.

— Что такое эмфизема?— Ричардс прокручивал слово в голове, но не мог вспомнить его значения, хотя оно и казалось знакомым.

— Ткани в легких отекают при эмфиземе. Ты пытаешься вдохнуть и не можешь. Ты многих знаешь, кто так себя чувствует?

Ричардс подумал, что знал многих людей, которые умерли с такими симптомами.

— Они там об этом не говорят,— сказал Брэдли, как если бы он читал мысли Ричардса.— Теперь уровень загрязнения воздуха в Бостоне — двадцать, и это в благополучные дни. Ты как будто выкуриваешь четыре пачки сигарет, и это только при дыхании. В плохие дни уровень поднимается до сорока двух. Старикидохнут по всему городу. А в свидетельстве о смерти пишут: астма. Но это все от воздуха. От воздуха! А они все выбрасывают и выбрасывают всякую дрянь в атмосферу. По двадцать четыре часа в сутки. Это выгодно большим боссам. А эти респираторы за двести долларов — полное дерьмо. Две полоски пленки и кусочек ваты с ментолом между ними. И все. Хорошие респираторы делает “Дженерал Атомикс”. Но только богачи могут позволить себе такую роскошь. Они нам подарили “Свободное вещание”, чтобы мы не торчали и не создавали им неприятностей, а дома мы можем дышать чем угодно идохнуть как мухи. Как тебе это нравится? Самый дешевый респиратор в нос в “Дж.А.” стоит не менее шести тысяч Новых долларов. А мы сделали такой для Стейси за десять долларов по той книжке. Мы взяли маленькую активизированную пластинку величиной с лунку ногтя. Вытащили ее из слухового аппарата, который купили за семь долларов в аптеке. Как тебе это, а?

Ричардс промолчал, у него не хватало слов.

— Когда Кэсси откинет тапочки, думаешь, ей напишут в документе “рак”. Черта с два! Ей напишут — астма. Допустим, еще кто-то задумается над этим, пойдет в библиотеку и обнаружит, что заболеваемость раком легких возросла на семьсот процентов с 2015 года.

— Неужели? А ты не выдумываешь?

— Я прочел об этом в книге. Знаешь, что я скажу тебе? Они убивают нас! И “Свободное вещание” тоже. Это как фокусник, когда его ассистентка отвлекает внимание публики, вытаскивая из рукава пирожные, а он достает в это время кроликов из штанов и сажает их в шляпу, — он замолчал и потом добавил мечтательно. — Иногда мне кажется, что я взорву эту поганую Систему, если мне дадут десять минут в программе “Свободного вещания”. Я скажу всем, покажу им... У всех должны быть респираторы, если Система, действительно хочет этого.

— А я, что же, сотрудничаю с Системой?

— Это не твоя вина. Тебе нужно убегать.

Перед Ричардсом возникли лица Киллиана и Артура Бернса. Ему захотелось разбить их в кровь, извальный в грязи, растоптать. А еще лучше — вырвать их респираторы и выбросить.

— Люди сошли с ума, — сказал Брэдли, — они ненавидят черных и бедных, и это длится уже тридцать лет. Но почему? Причина непонятна. Непонятна...

Ричардс задремал, голос Брэдли эхом отдавался в голове.

Отсчет: 062

Ричардс не выходил из дому весь день, пока Брэдли добывал машину и договаривался с кем-то из своей команды, чтобы его отвезли в Манчестер.

Брэдли и Стейси вернулись в шесть часов вечера. Брэдли включил канал “Свободного вещания”.

— Все в порядке, парень. Мы едем сегодня.

— Сейчас?

Брэдли добродушно рассмеялся:

— А разве ты не хочешь увидеть себя по телевизору?

Ричардс подтвердил, что хочет, и когда пошла заставка “Бегущего Человека”, он с замиранием сердца начал смотреть.

Бобби Томпсон не мигая смотрел в камеру с середины великолепно выбранного плана — из темноты.

— Смотрите,— сказал он,— это один из волков, который бродит среди вас.

На экране появилось самым крупным планом лицо Ричардса. Его задержали на несколько секунд, а потом дали фото Ричардса, замаскированного под Джона Гриффена Спрингера.

Затем эта фотография растаяла, и на экране снова появился Томпсон с мрачным лицом.

— Я особо обращаюсь сегодня к жителям Бостона. Вчера вечером пятеро полицейских сгорели живьем в подвале бостонского отделения Христианского союза молодых людей по вине этого зверя, который заманил их в такую жуткую ловушку. Кем он прикидывается сегодня? Где он? Смотрите! Смотрите на него!

На экране пошли кадры одной из пленок, которые Ричардс снимал этим утром. Стейси бросил их в почтовый ящик на Коммонвелс авеню на другом конце города. Ричардс попросил старуху снять его в маленькой спальне, после того, как он предусмотрительно задвинул все шторы и накрыл мебель.

— Все, кто сейчас смотрит эту пленку,— сказал Ричардс на экране,— нет, не высокооплачиваемые инженеры и не жильцы шикарных апартаментов,— мне на все это дерьмо наплевать! Я обращаюсь ко всем, кто живет в трущобах гетто, в дешевых кварталах, к рокерам, к безработным и к ребятам, которых засадили за решетку за преступления, которых они не совершали, но только потому, что Система не хотела, чтобы они собирались вместе и вели дискуссии. Я хочу рассказать вам про злостный заговор с целью лишить вас возможности дышать вашими лег...

Голос вдруг сменился каким-то писком, треском и воем, а через минуту вообще пропал. Губы Ричардса двигались, но ни звука не было слышно.

— Кажется, пропал звук, — раздался голос Бобби Томпсона, — но нам нет необходимости выслушивать все, что скажет этот убийца, чтобы понять, с кем мы имеем дело, не так ли?

— Не-е-ет! — закричал зал.

— Что вы сделаете, если встретите его на своей улице?

— СООБЩИМ О НЕМ!

— А мы, что сделаем с ним мы, когда поймаем?

— УБЬЕТЕ ЕГО!

Ричардс стукнул кулаком по истертому подлокотнику единственного кресла, стоявшего в кухне-гостиной, и сказал отрешенно:

— Ну и подонки...

— А ты думал, они позволяют тебе говорить все, что ты хочешь в программе “Свободного вещания”? — спросил Брэдли с издевкой. — Я удивляюсь, как они этот-то кусок пропустили.

— А я и не надеялся, — сказал Ричардс с обидой.

— Конечно, не надеялся, — подтвердил Брэдли.

Первый клип кончился, пошел второй. На этой кассете Ричардс призывал всех, кто смотрел эту программу, идти в библиотеки, требовать карточки для посещений и узнавать всю правду. Он зачитал список книг, который ему дал Брэдли, где были материалы о загрязнении воздуха и воды.

Ричардс на экране открыл рот:

— И все вы — дерьмо собачье, — произнес он, но губы двигались совсем не в соответствии с этими словами, но сколько человек из двух сот миллионов зрителей обратило на это внимание? — Мне насрать на вас! И на фараонов! И на Федерацию Игр! Я прирежу каждого полицейского, каждого...

Там еще что-то показывали, но Ричардсу этого было достаточно; ему хотелось заткнуть уши и убежать куда-нибудь. Он не мог понять, был ли это голос дублера, или речь была составлена из маленьких кусочков из записей, сделанных ранее.

Последний кадр из кассеты, записанной Ричардсом, растаял, и на экране снова возникло лицо Томпсона и фотография Ричардса.

— Остерегайтесь этого человека! — сказал Томпсон. — Он убивает, он собирает вокруг себя толпы недовольных, чтобы начать погромы на ваших улицах, наси-

ловать, грабить и сжигать! Этот человек не остановится ни перед чем: он будет лгать, предавать, убивать. Он уже все это проделал.

— Бенджамен Ричардс! — раздался голос, словно в холодном божественном гневе. — Ты видишь нас? Если да, то знай, тебе заплатили грязные деньги, они пахнут кровью. Сотню долларов за каждый час, что ты жив — сейчас их прошло уже пятьдесят четыре. И по сотне долларов сверх того — по сотне за каждого убитого полицейского!

На экране одна за другой появились фотографии пяти-рых полицейских. Кадры были засняты, видимо, во время их учебы в полицейской академии. Они выглядели бодрыми, полными надежд и желаний, и до глубины ранимыми. Заиграла тихая музыка. Флейта.

— А это... — голос Томпсона был низким, хриплым, от якобы нахлынувших на него чувств, — ...это их семьи.

Лица жен светились чистыми, радостными улыбками. Ребятишки улыбались благодаря искусству фотографа прямо в камеру. Детей было много. Ричардс почувствовал дурноту и озноб, он опустил голову и закрыл рот тыльной стороной ладони.

— Ну-ну, парень, — теплой мускулистой рукой Брэдли потрепал его по шее, — это все вранье. Подделка. Эти полицейские были, скорее всего, сворой старых ищеск...

— Заткнись, — сказал Ричардс, — пожалуйста, заткнись, прошу тебя...

— Пятьсот долларов, — продолжал Томпсон. Его голос наполнился ненавистью и презрением. На экране опять возникло лицо Ричардса, холодное и жестокое, лишенное всяких человеческих эмоций, и только жажда крови светилась в глазах. — Пятеро полицейских, пятеро жен и девятнадцать детей. За каждого погибшего приходится по семнадцать долларов и двадцать пять центов. За каждого потерянного, за каждого убитого горем. Да, дешево ты работаешь, Бен Ричардс!

Даже Иуда получил тридцать серебряников, но ты и этого не просишь. Где-нибудь мать твердит своему сынишке, что отец больше никогда не вернется домой, потому что отвратительный, мерзкий тип с пистолетом...

— Убийца! — зарыдала одна из женщин в зале.— Проклятый мерзкий убийца! Бог покарает тебя, он пошлет тебе смерть!

— Убейте его! — кричала публика.— Смотрите на этого человека: он получил деньги, омытые кровью. Но если человек кормится насилием, он умрет от насилия. Пусть каждая мужская рука поднимется против Бенджамена Ричардса.

Ненависть и страх в каждом голосе, хор которых перерастал в мощный рев. Нет, они его не сдадут. Они раздерут его на клочки, когда увидят.

Брэдли выключил экран и повернулся к Ричардсу.

— Вот с чем приходится тебе иметь дело, парень. Понятно?

— Может, мне убить их?— размышлял Ричардс. Может, до того, как со мной разделаются, я доберусь до девятнадцатого этажа этого здания и просто прикончу сволочей, которые придумали все это? Может, я просто их всех перебью?

— Не говори больше об этом,— вдруг резко сказал Брэдли.— Не говори больше!

Рядом в комнате спала Кэсси, напившись сильных лекарств, но все равно умирала.

Отсчет: 061

Брэдли не решался просверлить дырки в дне багажника, и Ричардс, свернувшись в тугой клубок, прижимался носом и ртом к маленькой замочной скважине. Еще немного воздуха поступало из щелей по краям багажника, откуда Брэдли предусмотрительно снял прокладки.

Воздушная машина сильно дернулась при подъеме, и Ричардс здорово ударился головой о крышку. Брэдли сказал, что поездка продлится по крайней мере часа полтора, а учитывая остановки при проверках на дороге, даже больше. Он дал Ричардсу револьвер, перед тем, как закрыть его в багажнике.

— Они досматривают основательно каждую десятую—

двенадцатую машину,— сказал он.— Даже залезают в багажник. Но это неплохое соотношение: одиннадцать к одному.

Машину кидало вверх-вниз над неровностями мостовой в этом убогом районе. Какой-то ребенок перебежал дорогу, послышался удар камнем по кузову машины. Потом по шуму вокруг стало ясно, что они въехали в оживленную часть города, машина стала чаще останавливаться на светофорах.

Ричардс лежал, не имея возможности пошевелиться, сжимая пистолет в правой руке и думая о том, что Брэдли выглядел совсем по-другому в костюме своей команды. Это был строгий двубортный костюм, серый, как у банкиров, его дополнял коричневый галстук и значок с буквами НАПЦН (Национальная Ассоциация за прогресс цветного населения). Брэдли проделал путь от занюханного члена команды до хладнокровного, расчетливого дилера теневого бизнеса, который четко знал, что почем.

— Ты потрясающе выглядишь,— не мог скрыть своего восхищения Ричардс.— Просто поверить невозможно.

— Да, Господи помилуй! — пробормотала мать.

— Я так и думал, что тебе понравится это превращение, приятель,— сказал Брэдли с достоинством,— вообще-то я представитель фирмы “Рейгон кемикелс”. У нас прекрасно идут дела в этой части города. Просто отлично! Бостон — очень веселый город! И дружелюбный!

Стейси захихикал.

— А ты, черномазый, заткнись! — шикнул на него Брэдли. А то я разрежу тебя на кусочки, и...

— Ты так здорово маскируешься, Брэдли,— опять хихикнул Стейси совсем не испугавшись угрозы.— Боишься, да?

Машина повернула направо, выплыла на более ровную дорогу и начала опускаться по спирали. Они съезжали на основное шоссе 495. Ричардс чувствовал напряжение во всем теле.

Итак, каждая одиннадцатая машина... Это не так страшно.

Автомобиль набрал скорость и высоту, и помчался вперед, потом вдруг резко сбавил ход и снова пошел вниз.

Где-то впереди послышался голос, который к ужасу Ричардса монотонно повторял:

— Остановитесь! Проверка документов. Остановитесь...

Неужели так скоро?

Ну, ты крут, парень! Проверяешь багажник каждой восьмой машины? Или каждой шестой? А, может, просто каждой?

Машина остановилась. Ричардс уставился прямо перед собой и сжал револьвер.

Отсчет: 060

— Выходите из машины, сказал кто-то усталым, но властным голосом. — Приготовьте, пожалуйста, документы.

Дверь открылась и закрылась, мотор продолжал работать, и машина держалась в трех сантиметрах над дорогой.

— ... представитель "Рейгон Кемикелс"...

Так, Брэдли начал свой номер. О, Господи, а если у него нет бумаг, подтверждающих это? А что если вообще нет такой фирмы с этим названием?

Открылась задняя дверца, и кто-то начал шарить на заднем сиденье. Было похоже, что полицейский (или это был представитель правительственной службы, рассуждал Ричардс) собирался пролезть в багажник прямо из салона.

Хлопнула дверь. Шаги двинулись к багажнику. Ричардс облизнул губы и еще крепче сжал пистолет. Перед его мысленным взором промелькнули лица мертвых полицейских. Ангельские лица на свиных тушах. Он гадал, пригвоздит ли его полицейский очередью из автомата,

когда откроет багажник и увидит человека, свернувшегося внутри как саламандра. А Брэдли, что сделает он? Побежит? Он подумал, что сейчас не выдержит и намотит штаны. Последний раз это с ним случилось в детстве, когда брат стал его щекотать до слез и до недержания... Да, все мышцы в нижней части тела словно атрофировались. Он выстрелит полицейскому прямо в переносицу, и его мозги разлетятся на мелкие кусочки. Еще несколько сирот... О, Боже! Шейла, я так тебя люблю! Долго ли ты сможешь продержаться на шесть тысяч? Может быть, год, если они тебя не прикончат раньше из-за этих же шести тысяч. А потом опять на улицу? Туда-сюда, от угла до угла, вихляя бедрами...

Кто-то похлопал рукой по багажнику. Ричардс едва сдержался, чтобы не закричать. В нос и горло набилась пыль. ...Урок биологии в школе... Последняя парта... Он царапал на крышке парты инициалы: свои и Шейлы... *Чихание — это непроизвольная реакция мышц...*

Сейчас я чихну и выдам себя с головой, но все равно смогу всадить в него пулю...

— Что у вас в багажнике?

Брэдли бодро ответил:

— Запасной цилиндр, правда, плохой. У меня ключ от багажника на брелке. Подождите, я выну ключи из зажигания.

— Я бы сказал, если бы было нужно.

Открылась и закрылась дверь.

— Поезжайте!

— Держись, приятель! Надеюсь, ты его поймаешь!

— Давай-давай, убирай свой зад!

Заскрипели цилиндры. Машина поднялась и набрала скорость. Одни раз, правда, потом притормозила, но, видимо, их не стали проверять и пропустили. Ричардса немного трясло, когда машина тормозила и набирала скорость. Он тихонько постанывал, но чихать ему расхотелось.

Ричардсу показалось, что они ехали не полтора часа, а гораздо дольше. Их останавливали еще дважды. Один раз просто проверили документы, а во второй раз занудополицейский долго жаловался Брэдли, как проклятые коммунисты помогают этому Ричардсу, да и другому парню тоже. Лафлин, правда, никого не убивал, но говорили, что он изнасиловал женщину в Топеке.

А потом было только монотонное гудение ветра и вой его собственный застывших, измученных неподвижностью мышц. Ричардс не мог заснуть, но его утомленный мозг дал ему в конце концов возможность забыться. Хорошо, что в воздушных машинах не было выхлопных газов.

Казалось, прошла вечность со времени последней остановки, когда машина вдруг снизила скорость и начала крутиться на какой-то развязке. Ричардс замигал, приходя в себя, и вдруг почувствовал тошноту. Первый раз в жизни ему стало плохо в машине.

Они куда-то поворачивали, разворачивались, останавливались на светофорах. А еще через пять минут снова слышался шум большого города. Ричардс тщетно пытался переменить позу. Потом сдался и замер в ожидании конца этой пытки. Правая рука, на которой он лежал, затекла и одеревенела еще час назад. Он касался ее кончиком носа, но чувствовал только нос.

Они повернули направо, проехали немного вперед и снова повернули. Машина дернулась и опустилась на землю. Ричардс почувствовал, что его желудок перевернулся. По гулкому отзвуку мотора он понял, что они въехали в закрытое помещение. Видимо, в гараж.

Он вздохнул с облегчением.

— Где квитанция, приятель? — спросил чей-то голос.

— У меня.

— Пятый этаж.

— Спасибо.

Они медленно двинулись по спирали наверх, потом один поворот направо, опять налево... Машина затормозила,

остановилась и опустилась. Мотор замолк. Путешествие окончилось.

Последовала долгая пауза. Глухой звук открывающейся дверцы. Шаги Брэдли, затем полоска света перед глазами Ричардса исчезла: Брэдли вставил ключ в замок.

— Эй Бенни, ты еще здесь?

— Нет,— прохрипел Ричардс,— ты ведь оставил меня на границе штата. Черт подери! Открывай, наконец, эту штуковину!

— Минутку! Сейчас пока никого нет. Твоя машина запаркована рядом справа. Ты сможешь быстро выбрать-ся?

— Не знаю.

— Постарайся, давай!

Крышка багажника поднялась, тусклый свет гаража проник внутрь. Ричардс приподнялся на одной руке, спустил одну ногу через борт и... не смог двинуться дальше. Его скрюченное тело ныло. Брэдли схватил его за руку и попытался вытянуть наружу. Ноги не слушались Ричардса. Брэдли пришлось обеими руками взять его под мышки, и он наполовину повел, наполовину потащил Ричардса к выдавшему виды зеленому автомобилю, стоявшему справа. Одной рукой он открыл левую дверцу, запихнул Ричардса внутрь и захлопнул дверцу. Затем сел сам с другой стороны.

— Господи, неужели мы добрались?— тихо пробормотал он.— Добрались.

— Да-а,— неуверенно протянул Ричардс,— как в “Монополии”: “Начни со старта, получи сто долларов”.

Они закурили. В темноте огоньки их сигарет горели как два глаза. Некоторое время они молчали.

Отсчет: 058

— Мы чуть не попались на первой проверке,— говорил Брэдли, пока Ричардс массировал затекшую руку. Она казалась чужой, и в нее как бы врезались чудовищ-

ные когти.— Этот фараон чуть не открыл багажник. Представляешь?

Он выпустил большое кольцо дыма. Ричардс промолчал.

— Как ты себя чувствуешь?— спросил Брэдли, возвращаясь к действительности.

— Уже лучше. Вытащи, пожалуйста, мой бумажник. Рука еще не слушается.

Брэдли отмахнулся:

— Еще успешь. Я хочу рассказать тебе, как мы с Ричем все это провернули.

Ричардс зажег новую сигарету от окурка. Напряжение потихоньку спадало.

— Мы зарезервировали тебе комнату в гостинице на улице Уинтроп. Гостиница называется “Уинтропский дом”. Звучит привлекательно? На самом деле ничего особенного. На имя Огдена Грасснера. Сможешь запомнить?

— Да, но меня сразу же узнают.

Брэдли протянул руку, взял с заднего сиденья продолговатую коричневую коробку, перевязанную бечевкой, и положил ее Ричардсу на колени. Ричардс вспомнил, что в такой же коробке он брал на прокат мантию в день окончания школы. Он вопросительно посмотрел на Брэдли.

— Открой ее.

Он открыл коробку и обнаружил в ней большие темные очки, лежавшие поверх сложенной черной одежды. Ричардс положил очки на переднюю панель и развернул одежду. Это был костюм священника. Под ним на дне коробки лежала Библия, четки и лиловая накидка — епитрахиль.

— Это для священника?— спросил Ричардс.

— Точно. Переоденься прямо здесь. На заднем сиденье трость. Ты не должен изображать слепого, но что-то близкое к этому. Натыкайся на предметы. Ты приехал в Манчестер на заседание Совета церковей по вопросу об употреблении наркотиков. Понятно?

— Да,— ответил Ричардс. Он в замешательстве пере-

бирал пуговицы на рубашке, — а штаны я могу оставить под этой сутаной?

Брэдли расхохотался.

Отсчет: 057

Брэдли вез Ричардса через город и говорил без передышки.

— У тебя в чемодане почтовые наклейки. Чемодан в багажнике. На наклейках надпись: Через пять дней вернуть в промышленную компанию “Бриксил”, Манчестер, Нью-Хемпшир. Этой компанией руководит Рич и еще один парень. Они отправят почту через свою штаб-квартиру на улице Бойлстон. Каждый день ты будешь отправлять две кассеты в коробке с такой наклейкой. А я буду пересылать их в Федерацию Игр из Бостона. Посылай их срочной почтой. Они там никогда не догадаются, откуда ты их шлешь.

Брэдли припарковал машину напротив гостиницы “Уинтропский дом”.

— Машина будет на стоянке. Не пытайся уехать из Манчестера. Только если сменишь облик. Тебе придется стать хамелеоном, приятель.

— Как ты думаешь, сколько времени здесь будет безопасно оставаться? — спросил Ричардс и подумал, что он полностью в руках Брэдли. Казалось, он уже не мог рассуждать самостоятельно. Нервное истощение исходило из всех его пор и даже, казалось, дурно пахло.

— Твой номер в гостинице оплачен на неделю вперед. Этого может быть достаточно, а может быть и нет. Смотри сам. В чемодане есть адрес и имя моего приятеля из Портланда в штате Мэн. Они спрячут тебя на день или два. Тебе придется заплатить, но они — надежные люди. Я должен ехать, парень. Здесь можно стоять только пять минут. Ну все, пришло время расплаты.

— Сколько? — спросил Ричардс.

— Шестьсот.

— Чепуха, это даже не покрывает расходы.

— Покрывает. И еще немножко остается на семью.

— Возьми тысячу.

— Тебе самому еще пригодятся твои денежки, ха-ха.

Ричардс беспомощно посмотрел на него.

— О, Господи, Брэдли...

— Пришлешь нам побольше, если заработаешь. Пришли нам миллион. Вот тогда заживем весело!

— Ты думаешь, мне это удастся?

Брэдли промолчал и лишь грустно улыбнулся.

— Тогда зачем ты делаешь все это? Я могу понять, почему ты прятал меня, я бы сделал то же самое. Тебя же могут уволить с работы.

— Не думаю. Они знают ставки.

— Какие ставки?

— Все против ничего. Такие ставки. Если мы сами за себя не постоим, они нас достанут. И не нужно ждать. А то некоторые сидят с трубкой у камина, смотрят “Свободное вещание” и ждут.

— Но тебя могут убить! Кто-нибудь настучит на тебя, и тебе выпустят кишки где-нибудь в подвале. Или Стейси, или матери...

Глаза Брэдли загорелись мрачным огнем.

— Плохие времена наступают. Плохие времена для подонков с набитыми животами. Я вижу их кровь! Ружья и факелы!

— Люди видели это уже две тысячи лет.

Прозвенел пятиминутный таймер, и Ричардс взялся за ручку двери.

— Спасибо,— сказал он,— просто и не знаю, что сказать...

— Давай, шагай, пока мне не повесили штраф,— сильной черной рукой он вдруг схватил Ричардса за рукав.— Но если они укокошат тебя, заberi с собой парутройку из них.

Ричардс открыл заднюю дверку, вытащил черную сумку. Брэдли молча вручил ему деревянную трость.

Машина мягко вписалась в поток автомобилей. Ричардс стоял на тротуаре и смотрел, как она удаляется. Задние огни мигнули на повороте, и машина скрылась из

виду. Брэдли должен оставить ее на стоянке, где пересядет на свою и уедет в Бостон.

Ричардс почувствовал странное облегчение. *Как Брэдли должно быть рад наконец-то отделаться от меня!*

Он нарочно споткнулся на первой ступеньке, когда входил в гостиницу. Швейцар поддержал его.

Отсчет: 056

Прошло два дня. Ричардс хорошо играл свою роль, словно его жизнь зависела от этого. Но ведь так и было! Он заказывал ужин в номер. Поднимался в семь часов утра, читал Библию в вестибюле и потом отправлялся на “заседание”. Персонал гостиницы обращался с ним любезно и предупредительно — так положено вести себя с полуслепыми священниками (конечно, если те платят по счету) сегодня, когда убийства уже наполовину легализованы, когда идет бактериологическая война в Египте и Южной Америке и когда в Неваде официально принят закон об абортах, основанный на принципе “одного имей — одного убей”, а Папа Римский — дряхлый старикан девяноста шести лет, чьи бредовые эдикты по поводу таких событий передаются в программе новостей в разделе курьезов.

Ричардс проводил свои так называемые “заседания” один на один с книгами в библиотеке, где в маленькой комнатке за закрытой дверью он читал статьи о загрязнении окружающей среды. После 2002 года было очень мало сведений по этому вопросу. А имевшаяся сейчас информация очень мало соответствовала тому, что писалось раньше. Как и прежде, правительство делало запоздалые, но якобы эффективные попытки объективно оценить ситуацию.

В полдень он отправлялся перекусить в кафе на углу, недалеко от гостиницы, натыкался на людей, извинялся. Некоторые говорили: ничего-ничего, святой отец. Многие чертыхались, не обращая внимания на его внешний вид, и отталкивали.

А вечером он ужинал в номере и смотрел “Бегущего Человека”. Он отправил уже четыре кассеты, делал он это рано утром по дороге в библиотеку. Переадресовка через Бостон, кажется, прошла удачно.

Режиссеры программы выбрали новую тактику, чтобы глушить заявления Ричардса о загрязнении окружающей среды (а он повторял их с упрямой настойчивостью, надеясь, что хотя бы до глухих, которые читают по губам, они дойдут): теперь, казалось, что толпа заглушала его голос, бурей криков, ругательств и оскорблений — и уровень звука все время нарастал.

В долгие вечера Ричардс размышлял о том, какая странная перемена произошла в нем за эти пять дней, что он в бегах. Он один боролся за выживание своей семьи. Все боролись в одиночку, и его семья тоже.

Он никогда не был очень общительным человеком и относился ко всяческим сборищам с неприязнью. Это все для тех, у кого полно денег и кому нечего делать, как например, этим мальчикам-студентам, которые увлекаются всякими группами нового рока.

Отец Ричардса исчез, когда Ричардсу было пять лет. Он ушел вечером и не вернулся. Ричардс был еще очень мал тогда и поэтому сохранил обрывочные воспоминания об отце. И он никогда не корил его за это. Он отлично понимал, что человек, раздираемый между гордостью и ответственностью, почти всегда выбирает гордость, если ответственность лишает его мужского достоинства. Мужчина не может спокойно наблюдать, как его жена зарабатывает деньги, ложась на спину. Если мужчина только и может, что заниматься сводничеством и подставлять свою жену, ему остается только выброситься из окна.

Годы между пятью и пятнадцатью он провел на улице вместе с братом Тодом. Его мать умерла от сифилиса, когда ему было десять лет, а Тоду — семь. А пять лет спустя погиб Тод: он разгружал машину, тормоз сорвался и его задавило. Город скормил и мать, и сына крематорию. Ребята на улице с горькой ухмылкой называли его либо “фабрикой пепла”, либо “кремоваркой”. Они понимали, что в один прекрасный день и сами могут превратиться в дым в стенах этого здания. В шестнадцать лет

Ричардс остался совсем один. Он подрабатывал помощником механика, следил за чистотой реакторов после школы. Целых восемь часов, каждый день. И несмотря на такой утомительный распорядок дня, он постоянно испытывал паническое чувство одиночества, ненужности. Иногда, проснувшись в три часа ночи от удушливого, застоявшегося запаха капусты, он чувствовал, как где-то в самом закоулке его души разрастается страх. Он был предоставлен самому себе.

Тогда он женился. И Шейла весь первый год хранила гордое молчание, пока их друзья (и враги Ричардса — а их у него было много из-за отказов участвовать в массовых разбойных вылазках или присоединиться к местной команде) ждали скорого появления потомства. Но когда ничего не появилось, интерес спал. Их оставили в покое в их маленькой комнатке, которые сдавались молодым в Кооп-сити. Несколько друзей и знакомых, круг которых ограничивался жильцами их дома. Ричардса это устраивало. Он с головой ушел в работу, оставался на сверхурочные часы, подрабатывал как мог. Оплата была баснословно низкая, никаких шансов на повышение, а инфляция безумная, но они были влюблены. И оставались влюбленными, а почему бы и нет?

Ричардс был из тех редких мужчин, которые могут испытывать и дарить громадную любовь, привязанность и даже физическое превосходство по отношению к избраннице. Но в других сферах его эмоции оставались неизрасходованными. За одиннадцать лет супружеской жизни они ни разу не поссорились.

Он ушел с работы в 2018 году, потому что шансы завести ребенка уменьшались с каждым днем, проведенным за пропускающими радиацию старыми свинцовыми щитами с буквами “Дж.А.” Может быть, все и обошлось бы, если бы на вопрос старшего техника: “Почему ты уходишь”, — он бы соврал что-нибудь. Но Ричардс сказал ему просто и откровенно все, что он думал о “Дженерал Атомикс” и в заключение предложил старшему технику взять все эти свинцовые щиты и засунуть их себе в одно место. Разговор закончился короткой потасовкой. Хотя

противник был и крепкого сложения, но орал, как баба в мощных объятиях Ричардса.

И неприятности пошли лавиной: он опасен, неблагонадежен. Если уж вам так нужны рабочие руки, возьмите его на недельку, но потом безжалостно выбрасывайте на улицу. Ричардс попал в “черный список”.

И в следующие пять лет он в основном работал на погрузке газет и журналов с почасовой оплатой. Но работу предлагали все реже и реже, и наконец ее не стало совсем. “Свободное вещание” убило печатное слово. Ричардс обивал пороги, ждал на улице, часами выстаивал в очередях на бирже труда.

Все великие события того десятилетия прошли мимо него незамеченными. Он ничего не знал о на шумевшей расправе над домохозяйками в 2024 году, пока жена не рассказала ему об этом три недели спустя — оказывается, две сотни полицейских, вооруженных автоматами и дубинками с электрошоком, пытались остановить армию женщин, шедших к продуктовым складам на юго-западе. Шестьдесят женщин были убиты. И даже применялся нервно-паралитический газ. Но этот случай не произвел на него впечатления. Протесты не возымели действия. Насилие тоже. Мир оставался без изменений, и Бен Ричардс шел по нему, ничего не требуя, только стремясь найти работу. Он выискивал сотни разных занятий на один и даже на полдня. Он вычищал гнилье из-под причалов и из сточных колодцев, в то время как другие безработные шлялись по улицам, притворяясь, что ищут работу.

Отвали ублюдок! Сгинь! Работы нет. Убирайся! Я тебе башку разнесу! Пошел вон!

Потом работы не стало вообще. Однажды какой-то богач в шелковом костюме, пьяный в стельку, остановил Ричардса на улице, когда тот плелся домой после бесплодных усилий найти хоть какое-то дело, и предложил ему десять Новых долларов, чтобы Ричардс спустил штаны и он мог удостовериться, что у бродяг “клювики” действительно длиной в целых тридцать сантиметров. Ричардс сбил его с ног и ударил. Именно тогда, после девяти лет безнадежных попыток, Шейла забеременела.

А ведь он обслуживал реакторы. Можете себе представить? И после шести лет такой работы он сумел ее обрухатить! Это будет монстр, так говорили все в доме. У него будет две головы и ни одного глаза. Радиация, радиация. Ваши дети будут монстрами...

Но вместо обещанного монстра родилась Кэти. Кругленькая, безупречная, горластая. Роды принимала акушерка из соседнего дома, которая взяла в уплату пятьдесят центов и четыре банки фасоли.

И теперь, впервые после того, как умер его брат, он опять предоставлен самому себе и вынужден полагаться на волю случая. Всякое напряжение (даже временное напряжение от погони) исчезло.

Его гнев обратился теперь против Федерации Игр с ее огромной разветвленной по всему миру сетью коммуникации. Жирные богачи с респираторами в носу проводят вечера с девицами в шелковом белье. Пусть падет на них нож гильотины! Но все равно до них не добраться. Они все забрались куда-то высоко, как и само здание Федерации.

Но именно потому, что он есть тот, кто он есть, и потому, что он предоставлен самому себе, он и задумался над этим. И сидя в одиночестве в своем номере, сам не сознавая того, он вдруг расплылся в широкой белозубой улыбке, и в ней было столько силы, что она могла разнести дома и растопить асфальт на улицах. Такая же улыбка была у него на лице, когда он однажды в давно позабытый день сбил с ног богача и бежал с пустыми карманами, но с пылающей головой.

Понедельник был похож на воскресенье — в деловом мире больше не было выходных, отдыхали только после половины седьмого.

Отец Огден Грасснер заказал себе в номер колбасный хлебец (кухня в гостинице показалась бы отвратительной любому, кто не жил на гамбургерах и концентратах, но Ричардс был в восторге) и бутылку вина и уселся смотреть программу “Бегущий человек”. Первая часть, посвященная самому Ричардсу, прошла как и в предыдущие два дня. Его речь опять забивалась воплями публики. Бобби Томпсон был злобно вежливым: в Бостоне проверяется каждый дом. Кто прячет беглеца, будет казнен. Ричардс засмеялся, когда они перешли к рекламе. Ну что ж, не так уж плохо. Даже весело... Немного. Он может это посмотреть, если они не будут показывать убитых полицейских.

Но вторая часть передачи резко отличалась от начала. Томпсон широко улыбался.

— После тех клипов, которые послало нам это чудовище, которое зовется Ричардсом, я счастлив сообщить вам радостную весть...

Они поймали Лафлина. Его заметили в Топске в пятницу. Но тщательный поиск его в городе ничего не дал. Ричардс решил, что Лафлин проскочил через кордон, как и он сам. Но сегодня днем Лафлина видели двое ребят. Он прятался в бытовке дорожных строителей. У него было сломано запястье.

На экране возникли улыбающиеся лица детишек — Бобби и Мэри Коуэлс. У Бобби не хватало переднего зуба.

Томпсон торжественно объявил Бобби и Мэри почетными гражданами Топеки. Завтра на очередной передаче “Бегущего человека” губернатор Канзаса Хиззонер вручит им грамоту “За особые заслуги”, сертификат на получение в течение всей жизни кукурузных хлопьев “Фантвинкс”, а также чек на тысячу Новых долларов каждому. Аудитория начала бурно аплодировать.

Потом последовали кадры, когда безжизненное, изрешеченное пулями тело Лафлина выносили из бытовки, которую мощной огненной струей превратили потом в обгоревшую спичку. В публике раздалась возгласы одобрения.

Ричардс отвернулся, почувствовав дурноту. Кто-то невидимыми пальцами сжал его виски.

А слова журчали, как бы издалека. Тело было выставлено в круглом зале ратуши. И уже длинные очереди собрались там, чтобы поглазеть на него. Было показано интервью с полицейским, который участвовал в захвате Лафлина. По его словам, тот не оказывал особого сопротивления.

“Хорошо тебе, приятель”, подумал Ричардс, вспоминая недовольный голос Лафлина и его пристальный взгляд.

Как там твоя подружка со стоянки?

Теперь осталось только одно отделение большого шоу. Это Бен Ричардс. Ему больше не хотелось есть мясной хлебец.

Отсчет: 054

В эту ночь ему приснился необычный сон. Раньше Бену Ричардсу сны не снились.

Что еще более странно — он сам не участвовал в событиях этого сна, а лишь наблюдал.

Комната была плохо освещена, ее углы тонули в темноте. Казалось, что отовсюду капает вода. У Ричардса было впечатление, что он находится глубоко под землей.

В центре комнаты на деревянном стуле с прямой спинкой сидел Брэдли. Его руки и ноги были связаны кожаными ремнями. Голова бритая, как у кающегося грешника. Вокруг него расположились фигуры в черных капюшонах. “Охотники, — с внезапным страхом подумал Ричардс. — Господи, это Охотники”.

— Я не тот человек, — сказал Брэдли.

— Нет, братишка, ты как раз и есть этот человек, —

мягко возразил ему один из людей в капюшонах и воткнул длинную иглу в щеку Брэдли. Тот закричал.

— Так тот ли ты человек?

— Выкуси.

Игла легко вошла в глаз Брэдли и так же легко вышла. Из него потекла бесцветная жидкость, а глаз как-то сразу сморщился и опал.

— Ты тот человек?

— Воткни ее себе в задницу.

Электрическая дубинка коснулась шеи Брэдли. Он снова закричал, и волосы на его голове встали дыбом. Он стал похож на карикатуру негра из будущего.

— Ну, что? Ты тот самый человек и есть?

— Респираторы вызывают рак, — сказал Брэдли, — ты весь сгнил внутри, обезьяна!

Игла проткнула второй глаз.

— Ты тот человек?

Ослепший Брэдли лишь засмеялся в ответ.

Одна из фигур в капюшоне махнула рукой, и из тени радостно подпрыгивая появились Бобби и Мэри Коуэлс. Они начали скакать вокруг Брэдли, напевая: “Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк”.

Брэдли закричал и завертелся на стуле. Он как бы пытался сделать руками предостерегающий жест. Пение становилось все громче и громче и разносилось эхом. Дети вдруг начали меняться. Их головы удлинлись и как бы налились кровью, а из открытых ртов торчали острые как бритва клыки.

— Я все скажу, — закричал Брэдли. — Я все скажу. Я не тот человек. Этот человек — Бен Ричардс! О, Господи... Господи!

— А где этот человек, братишка?

— Я все скажу, все скажу. Он в ...

Но его последние слова утонули в звуках песни. Эти звуки шли из затянутой ремнем шеи Брэдли ... И тут Ричардс проснулся, весь в холодном поту.

Ему стало неуютно в Манчестере.

Но он не осознавал, было ли это вызвано трагическим концом Лафлина, сном или просто предчувствием.

Однако утром во вторник он остался дома и не пошел в библиотеку. Ему казалось, что каждая минута пребывания в этом месте грозит ему гибелью. Он смотрел в окно и в каждом таксисте, в каждом прохожем, он видел Охотника в черном капюшоне. Его мучили видения убийцы, бесшумно пробирающегося по коридору к его двери. Он чувствовал, как какие-то огромные часы тикают в голове.

Во вторник утром, сразу после одиннадцати часов он принял решение. Остаться дольше здесь было невозможно. Он знал, что они знали.

Он взял трость и, ковыляя, направился к лифту, и спустился в вестибюль.

— Идете гулять, отец Грасснер?— спросил дежурный с обычной приятной, но высокомерной улыбкой на лице.

— У меня выходной,— сказал Ричардс.— Здесь есть какой-нибудь кинотеатр?

Он знал, что в этом городе по крайней мере восемь или десять кинотеатров демонстрировали трехмерные порнофильмы.

— М-да,— осторожно ответил дежурный,— есть киноцентр, в котором показывают диснеевские фильмы...

— Отлично,— быстро проговорил Ричардс и, рванувшись к выходу, наткнулся на растущее в бочке дерево.

В двух кварталах от гостиницы он зашел в аптеку и купил несколько упаковок бинта и пару алюминиевых костылей. Продавец сложил покупки в длинную картонную коробку. Ричардс вышел с ней на улицу и сразу же поймал такси.

Машина была на том самом месте в гараже, где и раньше. Но если бы здесь сейчас был полицейский патруль, Ричардс не смог бы к ней подойти. Он сел в машину и завел мотор. На мгновение ему стало не по себе, когда он вспомнил, что у него нет "чистых" водительских прав,

однако он тут же отбросил эту мысль. Он и не рассчитывал, что его новый облик позволит ему пройти тщательную проверку. Если он нарвется на любую инспекцию на дороге, ему не останется ничего иного, как попытаться просто прорваться. Его могут при этом убить, но его и так убьют, как только обнаружат.

Он бросил очки Огдена Грасснера в "бордачок" машины и выехал со стоянки, махнув рукой мальчишке на выезде, который едва поднял глаза от журнала, который читал.

На северной окраине города он остановился на заправочной станции, чтобы подзаправиться сжатым воздухом. Лицо служащего на заправке было сплошь покрыто огромными прыщами. Он, видимо, очень стеснялся этого и поэтому даже не поднял глаз на Ричардса. Ну, что ж, тем лучше.

Ричардс съехал с дороги 91 на дорогу 17, а оттуда — на грунтовую дорогу без названия и номера. Через пять километров он остановился на разбитом развороте и заглушил мотор.

Направив обзорное зеркало так, чтобы ему было хорошо видно себя, он быстро забинтовал голову. Птичка щебетала на старом вязе.

Неплохо. Если у него будет время в Портленде, он сможет поискать плотную повязку для шеи.

Он положил костыли на сиденье рядом с собой и включил мотор. Через сорок минут от влился в поток машин на Портсмут. Двигаясь по дороге 95, он вынул из кармана скомканный листок линованной бумаги, который ему оставил Брэдли. Там неуверенным почерком самоучки мягким карандашом было написано:

Портланд, Стейт стрит, 94

Голубая дверь. Постояльцы.

Элтон Парракис (и Вирджиния Парракис)

Ричардс хмуро разглядывал листок, потом поднял глаза. Черно-желтый полицейский вертолет медленно двигался над потоком машин на шоссе, а по дороге шел усиленный наряд полицейских машин. Они на минуту окружили его автомобиль, а затем отстали, двигаясь зиг-

загом по загруженному шоссе. Обычный полицейский патруль.

По мере того, как он проезжал по дороге километр за километром, какое-то чувство успокоения поднималось в его душе. От этого ему становилось весело и в то же время мутно.

Отсчет: 052

Поездка до Портленда прошла без происшествий.

Однако, когда он уже подъезжал к городу, пересекая предместье Скарборо (богатые дома, улицы, частные школы, огражденные забором под электрическим током), чувство успокоения вновь постепенно исчезло. Они могут быть везде. Они могут окружать его. Или их может не быть вообще.

В районе улицы Стейт были расположены старые полуразрушенные дома из красного кирпича, недалеко виднелся заросший, похожий на джунгли парк. “Притон для городских воров, влюбленных, хиппи и бродяг”, — подумал Ричардс. Никто не рисковал появиться на этой улице с наступлением темноты без сторожевой собаки на поводке или компании друзей-бандитов.

Дом 94 представлял собой покосившееся, закопченное здание с оторванными ставнями. Он напомнил Ричардсу старика, умирающего от катаракты.

Ричардс припарковался у тротуара и вышел из машины. Улица была заполнена брошенными воздушными автомобилями, некоторые из которых сгнили почти до основания. На краю парка, подобно огромной метровой собаке, лежал перевернутый “студебеккер”. Это явно не тот район, который регулярно патрулируется полицией. Если вы оставите свою машину без присмотра, через пятнадцать минут вокруг нее возникнут тощие, постоянно харкающие, узкоглазые юнцы. Через полчаса у них в руках будут ломы, “фомки” и отвертки. Сначала они в задумчивости будут разглядывать инструменты, потом начнут сравнивать их, в шутку фехтовать как шпагами,

тыкать ими в небо, как будто проверяя погоду или получая через них загадочные сигналы из космоса. Через час от машины останется лишь каркас без крыльев и капота, без руля и даже без мотора.

Маленький мальчик подбежал к Ричардсу, когда он, выставив костыли, пытался выбраться из машины. Вздутые шрамы от ожогов, покрывшие половину лица ребенка, делали его похожим на одно из действующих лиц фильмов ужасов о Франкенштейне.

— “Скэг”, мистер, не хотите курить? Отличная штука. Долетите с ним до Луны, — Он заговорщически хихикнул, опухшая и бугристая кожа на его обгоревшем лице сморщилась в гротескной гримасе.

— Пошел в задницу, — резко бросил Ричардс.

Мальчишка попытался выбить из-под него один из костылей, и тогда Ричардс другим костылем треснул его по спине. Тот бросился бежать, ругаясь на ходу.

Ричардс медленно поднялся по покрытым трещинами каменным ступенькам и остановился, разглядывая дверь. Когда-то она, видимо, была покрашена в голубой цвет, однако сейчас краска полиняла и облезла, что делало ее похожей на выцветшее небо пустыни. Когда-то здесь был звонок, но какой-то вандал поработал над ним со стамеской.

Ричардс постучал. Никакого ответа. Он снова постучал.

Время приближалось к вечеру, и на улице постепенно становилось все холоднее. Со стороны парка в конце улицы раздавался мерный шелест опадающей листвы.

Никого не было дома. Пора уходить.

Но он постучал еще раз, почему-то уверенный, что внутри кто-то есть.

На этот раз он был вознагражден: послышалось тихое шарканье обутых в тапочки ног. Шаги остановились у двери.

— Кто там? Я ничего не покупаю. Убирайтесь!

— Мне порекомендовали навестить вас, — сказал Ричардс.

Скрипнув отодвинулась заглушка дверного глазка, и

оттуда на Ричардса взглянул карий глаз. После этого глазок закрылся.

— Я вас не знаю.

Полный провал.

— Мне сказали обратиться к Элтону Парракису.

— А, вы один из этих... — прозвучало с неохотой.

Раздался звук открываемых замков. Звякнула снятая цепочка, щелкнула одна задвижка, потом вторая. Еще один замок, еще один...

Дверь отворилась, и Ричардс увидел костлявую женщину без каких-либо признаков груди и с огромными бугристыми руками. Лицо было без морщин, почти детское, но в то же время она выглядела так, будто в борьбе с самим временем она выдержала сотни невидимых ударов. Возможно, время побеждало, но женщина так просто не сдавалась. Даже в тапочках без каблуков она была ростом почти 180 см, ее измученные подагрой колени казались похожими на два пня. Волосы были обернуты полотенцем. Ее карие глаза, смотревшие на Ричардса из-под густых нависших бровей (волосы на бровях торчали в разные стороны, как редкие кусты, задыхающиеся от разреженного высокогорного воздуха), были умными и сверкали то ли от страха, то ли от гнева. Позднее Ричардс понял, что женщина была просто растеряна, испугана, находилась на грани сумасшествия.

— Я — Вирджиния Парракис, — сказала она без выражения. — Я мать Элтона. Входите.

Отсчет: 051

Она не узнала его, пока он не прошел в кухню, куда она пригласила его на чашечку чая.

Дом был старым, ветхим, обставленным в знакомом стиле, который был ему известен по собственным воспоминаниям. Современная лавка старьевщика.

— Элтона сейчас нет, — сказала она, склонившись в раздумье над покореженным алюминиевым чайником на газовой плите. На кухне было светлее. Хорошо были

видны коричневые потеки на обоях,дохлые мухи — воспоминание о прошедшем лете — на подоконнике. Старый линолиум на полу был весь в черных складках под протекающей трубой лежала мокрая оберточная бумага. Кухня была наполнена запахом дезинфекции, который напомнил Ричардсу гостиницу, где он останавливался в последний раз.

Она пересекла комнату, ее больные руки начали что-то искать в куче хлама на кухонном столе. Наконец она нашла два чайных пакетика, один из которых был уже использован. Его как раз и получил Ричардс, что его совсем не удивило.

— Он на работе,— сказала женщина обвинительным тоном, делая ударение на первом слове.— Вы от того парня из Бостона, которому Элти пишет по поводу загрязнения воздуха?

— Да, миссис Парракис.

— Они встретились в Бостоне. Элтон тогда обслуживал торговые автоматы,— она остановилась на мгновение и потом медленно двинулась через бугры линолеума к плите.— Я говорила Элти, что то, чем занимается Брэдли, является нарушением закона. Я сказала ему, что это может кончиться тюрьмой или даже хуже. Но он не послушался меня, его старую мать. Нет!

Она загадочно улыбнулась.

— Вы знаете, Элтон всегда что-то мастерил. Когда он был еще ребенком, он построил деревянный домик из четырех комнат за этим домом. Это было до того, как срубили старый вяз. Но этот черномазый придумал, что Элти должен построить экологическую станцию в Портленде.

Она положила чайные пакетики в чашки и, стоя спиной к Ричардсу, грела руки над газовой плитой.

— Они переписывались. Я сказала ему, что отправлять письмо по почте небезопасно. Ты отправишься в тюрьму или хуже, сказала я. “Но, послушай, мама,— отвечал он,— мы пользуемся шифром. Он просит прислать дюжину яблок, а я пишу, что моему дяде стало немного хуже”. Я сказала: “Элти, ты думаешь, они не разберутся в этой вашей секретной затее?” Но он не

слушался меня. Раньше было по-другому. Но все изменилось после того, как он стал взрослым. Порнографические журналы под кроватью и все такое... А теперь этот черномазый... Наверное, они поймали тебя, когда ты измерял уровень смога или канцерогенов или что-то еще в этом роде? И сейчас ты в бегах?

— Я...— начал было Ричардс.

— Это не имеет значения,— резко перебила она его и отвернулась к окну.

Окно выходило во двор, заваленный ржавеющим старьем, автомобильными дисками. Там же виднелась детская песочница, в которой за много лет накопилось огромное количество сучьев.

— Это не имеет значения,— повторила она.— Это все черномазые.

Она повернулась к Ричардсу, ее глаза были полны непонятной злобы.

— Мне шестьдесят пять лет. Я была молоденькой девятнадцатилетней девушкой, когда все это началось. Был 1979 год, и черные были везде. Везде! Да, именно так! — она почти кричала, как будто Ричардс спорил с ней.

— Везде! Они послали этих черных в школы вместе с белыми. Они дали им высокие должности. Эти радикалы, разный сброд и революционеры. Я не...— она замолчала, как будто слова застыли у нее во рту, и уставилась на Ричардса, четко разглядев его в первый раз.

— О, Боже мой,— прошептала она.

— Миссис Парракис...

— О, нет,— сказала она охрипшим от страха голосом,— нет, нет!

Она двинулась к нему, приостановившись у кухонного стола, чтобы вытащить из кучи сверкающий нож.

— Вон, вон отсюда!

Он начал потихоньку отступать, сначала через коридор, ведущий из кухни в затемненную гостиную, а затем и через комнату. Он заметил старый телефонный аппарат, висящий на стене с того времени, когда в этом доме еще располагался домашний пансион.

“Голубая дверь... постояльцы... Когда все это было?”

думал Ричардс. Двадцать, сорок лет назад? До того, как черномазые отбились от рук или после?

Он только вступил в коридор, ведущий к входной двери, когда раздался звук поворачивающегося в замке ключа. Они оба застыли на месте, как будто какой-то волшебник остановил пленку, раздумывая, что делать дальше.

Дверь открылась и вошел Элтон Парракис. Он был непомерно толстым, его тусклые светлые волосы были зачесаны волнами назад, полностью открывая круглое детское лицо, на котором застыло вечное смущение. На нем была голубая с золотом форма компании "Вендо-Спендо". Он внимательно посмотрел на мать.

— Опusti нож, мама.

— Нет, вскричала она, но признаки поражения уже были видны на ее лице.

Парракис закрыл дверь и двинулся к ней. Его трясло. Женщина сжалась.

— Ты должен прогнать его, сын. Это — нехороший человек. Это — Ричардс. Это грозит тюрьмой или даже хуже.

Она начала раскачиваться из стороны в сторону, уронила нож и упала бы на пол, если бы он не подхватил ее. Потом обнял за плечи и начал нежно поглаживать.

— Я не попаду в тюрьму, — сказал он, — перестань, мама, не плачь. Пожалуйста, не плачь.

Он взглянул на Ричардса поверх ее вздрагивающих плеч и смущенно улыбнулся, как бы извиняясь.

Ричардс ждал, что последует за этим.

— Ну, мама, — сказал Парракс, когда рыдания перешли в всхлипывания. — Мистер Ричардс хороший друг Брэдли Трокмортонa. Он останется у нас на пару дней.

Она пронзительно закричала, он, морщась, прикрыл ее рот ладонью.

— Да, мама, он останется у нас. Я сейчас отгоню его машину к парку и подключу сигнализацию, а ты завтра утром отнесешь пакет на почту и отправишь его в Кливленд.

— В Бостон, — автоматически поправил Ричардс. — Пленки надо отправлять в Бостон.

— Сейчас их отправляют в Кливленд, — сказал Парракис извиняющимся тоном. — Брэдли скрывается.

— О, Господи!

— Тебе тоже придется скрываться, — застонала миссис Парракис. — И они тебя поймают. Ты слишком жирный.

— Я поднимусь с мистером Ричардсом наверх и покажу ему его комнату, мама.

— Мистер Ричардс! Мистер Ричардс! Почему ты не называешь его настоящим именем?

Он мягко отстранил ее, Ричардс покорно поплелся за ним по мрачной лестнице.

— Здесь много комнат, — сказал Элтон, тяжело переводя дух. Его ягодицы тяжело переваливались при подъеме. — Это был очень большой дом много лет назад, когда я был еще ребенком. У тебя будет комната с окном на улицу.

— Может быть, мне лучше уйти? — спросил Ричардс. — Если Брэдли раскрыт, твоя мать, наверное, права.

— Вот твоя комната, — сказал Элтон и открыл дверь в пыльную сырую комнату, в которой чувствовалось бремя лет. Он, кажется, не слышал слов Ричардса. — К сожалению, ничего особенного, но...

Он повернулся и посмотрел на Ричардса с обычной для него покорной и услужливой улыбкой.

— Ты можешь оставаться здесь столько, сколько нужно. Брэдли Трокмортон — лучший друг, которого я когда-либо имел, — его улыбка несколько потухла. — Единственный друг, который у меня был. Я присмотрю за мамой, не беспокойся...

— Может быть, я все-таки пойду? — повторил вопрос Ричардс.

— Ты сам знаешь, что не можешь этого сделать. Даже маму не долго дурачила эта повязка на голове. Я отгоню твою машину в безопасное место, а потом мы поговорим.

Он быстро вышел, тяжело ступая. Ричардс обратил внимание, что штаны его лоснились. Казалось, что после него в воздухе осталось смущение.

Раздвинув немного старые зеленые жалюзи, Ричардс

увидел, как Элтон вышел из дома, спустился по потре-
скавшимся ступеням и сел в машину. Затем он вдруг
вновь выскочил из машины и поспешил обратно в дом.
Ричардс почувствовал волну внезапного страха. Послыша-
лись тяжелые шаги на лестнице, дверь открылась, и Элтон,
смущенно улыбаясь, появился на пороге.

— Мама права, — сказал он, — я не гожусь в секрет-
ные агенты: я забыл ключи.

Ричардс отдал ему ключи и попытался пошутить:

— Полагента лучше, чем ничего.

Шутка повисла в воздухе. Мученье было написано на
лице Элтона. Ричардс почти явно слышал голоса ребят,
дразнивших его в детстве.

— Спасибо, — мягко проговорил Ричардс.

Парракис вышел из дома, вновь сел в машину, на
которой Ричардс приехал из Нью-Хемпшира, и двинулся
в сторону парка.

Ричардс стянул пыльное покрывало с кровати и осто-
рожно прилег, тихо дыша и тупо уставившись в потолок.
Казалось, что кровать заключила его в извращенные
влажные объятия, которые он почувствовал, несмотря на
одежду. Запах плесени проникал во все поры.

Внизу плакала мать Элтона.

Он так и не смог заснуть, хотя и подремал немножко. Уже почти стемнело, когда Ричардс услышал тяжелые шаги Элтона, поднимавшегося по лестнице. Он с облегчением встал с кровати.

Элтон постучался и вошел в комнату. Он переоделся в спортивную майку и джинсы.

— Я все сделал, — сказал он. — Машина в парке.

— А ее не обчистят?

— Нет, я приготовил скурп-риз: подсоединил аккумулятор к корпусу. Так что если кто-то

дотронется до машины, то получит удар током. Кроме того, сработает сигнал. Я сам сконструировал эту систему.

Он сел, глубоко вздохнув.

— Что ты говорил относительно Кливленда? — требовательно спросил Ричардс (он заметил, что с Элтоном именно так и нужно говорить).

Парракис пожал плечами.

— Речь идет о парне, похожем на меня. Мы с Брэдли познакомились с ним в библиотеке Бостона. Наш маленький экологический клуб. Я думаю, мама рассказывала о нем.

Он нервно потер руки и улыбнулся.

— Да, она говорила что-то в этом роде, — кивнул Ричардс.

— Она немножко... не в себе, — сказал Парракис. — Она не понимает, что происходит в действительности последние двадцать лет. Она живет в постоянном страхе. Я — единственное, что у нее осталось.

— Как ты думаешь, поймают они Брэдли?

— Не знаю, у него достаточно... засекреченная сеть,— ответил Элтон, отводя однако в сторону глаза.

В этот момент открылась дверь, и на пороге появилась миссис Парракис со скрещенными на груди руками. Она улыбалась, но глаза были полны ненависти.

— Я позвонила в полицию. Так что вам придется все-таки уйти,— объявила она.

Лицо Элтона превратилось в желто-белую маску:

— Ты лжешь!

Ричардс вскочил на ноги и прислушался. Вдали послышался постепенно нарастающий вой сирен.

— Нет, она не врет,— сказал он. Чувство беспомощности охватило его. Все начиналось сначала.— Быстро отведи меня к машине.

— Она врет,— настаивал Элтон. Он тоже встал и хотел положить руку на плечо Ричардсу, но потом отдернул ее, как будто плечо было раскалено.— Это пожарные.

— Отведи меня к машине. Быстро!

Завывание сирен нарастало. Этот звук наполнил Ричардса чувством безумного страха. Остаться здесь с двумя сумасшедшими, в то время, как...

— Мама...— лицо Элтона исказилось. Он умоляюще смотрел на нее.

— Я же говорю, что позвонила им,— настаивала она, схватив сына за дряблую руку, как бы пытаясь встряхнуть его.— Я должна это сделать. Ради тебя! Этот черномазый впутал тебя во все. Мы скажем, что он силой проник в дом. Мы получим вознаграждение!

— Пошли,— застонал Элтон, пытаясь освободить руку, но мать упорно цеплялась за него, как маленькая собачка, пытавшаяся остановить тяжеловоза.— Я должна была... Я должна была положить конец всему этому, Элти. Ты должен...

— Элти, Элти! — закричал он и оттолкнул ее от себя. Она упала на кровать.— Быстрее, пошли быстрее.

На его лице отразились ужас и страдание.

Они с грохотом скатились по лестнице и бросились к входной двери. Элтон мчался гигантскими прыжками. Он вновь начал задыхаться.

А сверху, прорываясь через закрытое окно и открытую входную дверь, слышался переходящий на визг и сливающийся с воем сирен голос миссис Парракис:

— *Я сделала это для тебя -а -а -а...*

Отсчет: 049

Собственные тени преследовали их, когда они бежали вниз к парку, увеличиваясь и уменьшаясь у каждого уличного фонаря с буквами "Дж. А.". Элтон Парракис пыхтел как паровоз, с громким свистом вдыхая и выдыхая воздух.

Они пересекли улицу и вдруг попали в свет фар. Полицейская машина с синей мигалкой на крыше с резким скрежетом тормозов остановилась в сотне метров от них.

— *Ричардс! Бен Ричардс!* — раздался голос в мегафоне.

— Твоя машина там... впереди... Видишь?— задыхаясь проговорил Элтон.

Ричардс едва различал ее в темноте. Элтон хорошо запрятал ее в молодом березняке у пруда.

Полицейская машина резко тронулась с места. Задние колеса завизжали, оставляя следы резины на дороге. Ее мощный бензиновый мотор зарычал, набирая обороты. Когда машина перескочила через бордюр, фазы на мгновение осветили черное небо, а потом вновь вырвали из темноты фигуры беглецов.

Ричардс обернулся, внезапно успокоившись и как бы в оцепенении, все еще отступая назад, он выхватил пистолет Брэдли. Других полицейских не было видно. Только одна эта машина, с визгом надвигавшаяся на него по голой осенней земле, выбрасывая из-под задних колес куски дерна.

Он дважды выстрелил в переднее стекло. Пули попали точно, но стекло не разбилось. В последнюю минуту он успел отпрыгнуть в сторону и откатился по сухой траве, поднялся на колени и вновь два раза выстрелил ей вслед.

Машина резко затормозила и начала разворачиваться. Синие огни мигалки превращали всю эту картину в какой-то кошмарный сон.

Полицейский автомобиль перегораживал путь к его машине. Однако Элтон успел добежать до нее и лихорадочно пытался отключить свое секретное устройство.

Полицейская машина развернулась и снова понеслась к Ричардсу. Кто-то наполовину высунулся из окна с левой стороны. Свист пуль наполнил темноту. Стреляли из автомата. Пули плясали вокруг Ричардса, вспахивая землю. Грязь забрызгала его щеки и лоб.

Он стоял на коленях будто молился и опять выстрелил в переднее стекло. На этот раз пуля пробила его.

Машина нависла над ним. Он отскочил влево, но мощный стальной бампер задел ногу и отбросил его в сторону. Мотор взревел, машина начала разворачиваться, оставляя за собой на земле глубокие рытвины. Свет фар сосредоточился на Ричардсе и окрасил все вокруг мертвенно-голубым цветом. Он попытался подняться, но сломанная нога не держала его.

Жадно втягивая воздух, он смотрел на приближающуюся машину. Все было как во сне. Он как будто жил в нереальном мире, где все происходит в замедленном темпе, все было искусно и хорошо отрепетировано. А приближавшаяся машина была подобна огромному ослепленному яростью быку.

Раздалась еще одна очередь из автомата. В этот раз пуля попала в левую руку, отбросив Ричардса в сторону. Тяжелая машина попыталась быстро свернуть и наехать на лежащего. На мгновение он отчетливо увидел силуэт человека за рулем и выстрелил.

Стекло разлетелось, а машина пошла юзом, перевернулась на крышу, а затем на бок и замерла. Мотор заглох. И во внезапно наступившей страшной тишине слышалось потрескивание полицейской рации.

Ричардс все еще не мог подняться на ноги, и поэтому он пополз к своей машине. Парракис был уже внутри и пытался завести ее, однако в панике он, кажется, забыл открыть специальный воздушный клапан. Каждый раз,

когда он поворачивал ключ, раздавался лишь глухой хлопок в карбюраторе.

Ночь наполнялась звуками полицейских сирен. Ричардс был почти в пятидесяти метрах от машины, когда Элтон наконец понял, в чем дело и открыл клапан. Мотор заработал и воздушный автомобиль двинулся к Ричардсу.

Он приподнялся, открыл дверь и ввалился внутрь. Парракис свернул налево, на дорогу 77, которая пересекала улицу Стейт за парком. Нижняя часть машины находилась всего в каких-то трех сантиметрах от мостовой.

Элтон с облегчением втянул в себя воздух, а затем с такой силой выдохнул его, что его губы затрепетали как оконные жалюзи под напором порывистого ветра.

Еще две полицейские машины с вертящимися мигалками выскочили из-за угла позади них и начали преследование.

— У нас слишком маленькая скорость,— закричал Элтон.

— Они на колесах,— перебил его Ричардс.— Давай, срезай путь через эту стоянку.

Элтон повернул машину налево. Во время поворота их подбросило, и вырвавшийся сжатый воздух добавил им скорости.

Полицейские машины припустились за ними. Раздались выстрелы. Ричардс слышал как пули дырявили корпус, с грохотом разлетелось заднее стекло и осыпало их мелкими осколками.

С криком Элтон бросал машину из стороны в сторону.

Одна из полицейских машин, шедшая со скоростью более 110 км, не вписалась в поворот. Ее занесло и перевернуло и она заскользила на боку, прорыв за собой канаву на пустой стоянке. Вырвавшаяся из-под нее искра попала в бензобак, раздался взрыв и машина исчезла в ярком белом пламени.

Второй полицейской машине удалось выскочить на шоссе, хотя Элтон и опередил ее, она быстро сокращала расстояние и вот-вот должна была догнать их.

Машины на колесах и с бензиновым двигателем были почти в три раза быстрее, чем воздушные машины. Если

воздушная машина удалится на большое расстояние от дороги, неровная поверхность под соплами может перевернуть ее, как только что чуть не случилось с Парракисом во время резкого поворота.

— Направо,— закричал Ричардс. Парркис повернул руль. Машина вновь со скрежетом, и накренившись на бок, повернула. Они оказались на дороге 1. Впереди Ричардс увидел выезд на Прибрежное шоссе. Никаких маневров там совершить было невозможно. Там ждала смерть.

— Поворачивай, поворачивай, черт побери! В эту аллею!

На мгновение полицейская машина исчезла из вида.

— Нет-нет,— забормотал Парракис,— мы будем там как в мышеловке.

Ричардс перегнулся через него и резко рванул руль в сторону, одновременно сбрасывая руку Элтона с рукоятки газа. Машину развернуло почти на 90 градусов. Она задела стену дома при въезде в аллею. От удара ее начало заносить и она своим тупым носом врезалась в кучу мусора, пустых банок и разбитых ящиков. За всем этим была кирпичная стена.

Во время столкновения Ричардса бросило вперед, и он со всей силы ударился о приборную панель. Хрустнул нос, во все стороны брызнула кровь.

Машина накренилась на бок, один из цилиндров продолжал тихо покашливать. Парракис, обхватив руль, застыл безжизненной глыбой. Сейчас не до него.

Ричардс плечом толкнул искореженную дверцу, она приоткрылась, и он вывалился из машины, прыгая на одной ноге, поскакал к началу аллеи. По дороге перезарядил пистолет, достав патроны из помятой коробки, которую ему дал Брэдли. Они были масляными и холодными на ощупь. Несколько патронов он уронил на землю.

Рука начала ныть, как больной зуб. Он чувствовал себя отвратительно, нарастала тошнотворная боль во всем теле.

Фары приближающейся машины разорвали темноту пустынного городского шоссе. Она на скорости прошла поворот, цепляясь задними колесами за дорогу, напол-

няя воздух запахом жженой резины и выбрасывая высоко из-под колес щебенку. Когда машина опять рванулась вперед, Ричардс прислонился к стене здания и поднял пистолет обеими руками. Через секунду они поймут, что преследуемой машины нигде не видно. Сквозь прицел своего ружья полицейский начнет осматривать аллею...

Втягивая кровь через разбитый нос, Ричардс открыл стрельбу. Расстояние было минимальным, он практически стрелял в упор.

Пули пробивали бронированное стекло как бумагу. Каждый выстрел из крупнокалиберного пистолета отдавался в раненную руку, заставляя его каждый раз вскрикивать от боли.

Машина взрвалась, перелетев через бордюр на огромной скорости врезалась в кирпичную стену, на которой виднелась поблекшая вывеска:

"Починка экранов" Свободного вещания"
Вы с удовольствием смотрите, а мы —
с удовольствием чиним!"

и — взорвалась.

Однако к месту спешили другие патрульные автомобили. Всегда есть другие.

Тяжело дыша, Ричардс заковылял к воздушной машине. Здоровая нога едва держала его.

— Я ранен, — невнятно бормотал Парракис, — я тяжело ранен. Где мама? Где моя мама?

Ричардс опустился на колени, а затем извиваясь протиснулся на спине под машину и начал как сумасшедший выгребать всякий хлам из-под ее воздушных камер. Кровь из сломанного носа текла по щекам и собиралась в ушах.

Отсчет: 048

Лишь пять из шести цилиндров машины работало, и она развивала скорость только семьдесят километров в час, качаясь, как пьяница, из стороны в сторону.

Парракис указывал дорогу уже с места рядом с води-

телем, куда Ричардс перетащил его. При ударе рулевая колонка вонзилась ему в живот, Ричардс решил, что Элтон умирает. Его кровь на ребристом руле была теплой и липкой под ладонями.

— Я очень виноват...— сказал Парракис.— Здесь поверни налево. Это, действительно, моя вина. Я должен был предусмотреть... Она... не в своем уме. Я не...

Он закашлялся и равнодушно выплюнул сгусток черной крови на штаны. Звук сирен наполнил однако, он слышался далеко позади и шел с запада. Они свернули с улицы Марджинал и передвигались по маленьким дорогам, которые указывал Парракис.

Потом они выехали на шоссе 9, ведущее на север. Пригороды Портленда постепенно исчезали, переходя в местность, покрытую голым осенним кустарником, перемежаясь пустынными, как бы выеденными саранчой, полосками и болотами.

— Ты уверен, что знаешь, куда мы едем спросил Ричардс. Он чувствовал себя одним огромным комком боли и был почти уверен, что у него сломана нога. Никакого сомнения не было в отношении носа. Он с трудом втягивал воздух.

— Мы едем в одно место, которое я хорошо знаю,— сказал Элтон Парракис и вновь сплюнул кров — Она не раз повторяла, что лучший друг для маль — это его мать. Ты можешь в это поверить? А я верил. Они не сделают ей ничего плохого? Не посадят в тюрьму?

— Нет,— отрезал Ричардс,— хотя в действительности он не знал ответа на этот вопрос.

Было двадцать минут девятого. Всего сять минут восьмого они выбежали на улицу через Голубую дверь, а кажется, что с тех пор прошла целая вечность.

Вдали еще несколько сирен влилось бщий хор. Итак, Ричардсу удалось без труда избавиться от двух полицейских машин — дополнительная премия для Шейлы. Кровавые деньги. А как там Кэти? стало ли ей хуже? Как вы там, мои дорогие? Я та люблю вас! Здесь, на Богом забытой дороге, кот годится только для охотников на оленей или влюбл ных пар-

чек, ищущих уединения, я опять повторяю, что люблю вас. Пусть ваш сон будет спокойным! Желаю вам...

— Поверни налево, — прохрипел Элтон.

Ричардс свернул на гладкую асфальтированную дорогу, которая проходила сквозь смешанный лес голых вязов, небольших сосен и мелкого кустарника. В нос ударил запах реки, зацветшей и отравленной промышленными отходами. Низко свисавшие ветки царапали крышу машины, как руки скелетов. Они проехали мимо вывески, на которой было написано:

*Строительство универсального комплекса
“Суперпайнтри”.*

Не входить! За нарушение — штраф!

Машина поднялась на пригорок и остановилась перед въездом в комплекс. “Строительство было заморожено по крайней мере года два назад, — подумал Ричардс. — Да и в то время мало, что было сделано”. Строительная площадка представляла собой лабиринт из недостроенных зданий и магазинов, разбросанных труб, строительных блоков и досок, будок и проржавевших бытовок. Все это покрылось зарослями можжевельника, лавра, сорняками и побегами голубой ели.

И все это тянулось на километры. Глубокие продолговатые котлованы стояли, как могилы, вырытые для римских богов. Ржавые скелеты стальных конструкций. Бетонные стены с натканной металлической арматурой торчали, как загадочные криптограммы. Вывернутые просторные автостоянки поросли травой.

Где-то над головой пронеслась на сильных, бесшумных крыльях сова, высматривающая добычу.

— Помоги мне... Помоги мне перебраться за руль.

— Ты сейчас не в состоянии вести машину, — ответил Ричардс и с силой толкнул дверь, пытаясь открыть ее.

— Все, что я могу сделать, это сыграть роль приманки... — сказал Элтон Парракис отрешенно. — Я постараюсь отвлечь их... Буду ехать, пока смогу...

— Нет, — отрезал Ричардс.

— Отпусти меня, — закричал Элтон, его детское жирное

лицо казалось какой-то ужасной маской. — Я умираю. Так что ты лучше дай мне уехать...

Он зашелся в жутком беззвучном кашле. Новые сгустки крови появились у него на губах. В машине запахло как на бойне.

— Помоги мне, — прошептал Элтон, — я слишком толстый, я не могу сделать это сам. Помоги мне пересестись...

Ричардс наконец решился. Из последних сил он приподнял Элтона и сантиметр за сантиметром толчками перетащил его. Руки скользнули по хлюпающей крови Элтона. Все переднее сиденье было липким. А Элтон (кто только мог подумать, что в нем столько крови) продолжал ее терять.

В конце концов Ричардс усадил Элтона за руль. Воздушная машина толчками приподнялась над землей и сделала поворот. Стоп-сигналы то вспыхивали, то гасли. Машину несколько раз заносило на деревья, пока Элтон не нашел дорогу.

Ричардс думал, что скоро услышит звук удара от столкновения, однако было тихо. Слышался лишь постепенно удаляющийся шум неритмично работающего мотора. Потом и этот звук затих. вообще ничего не было слышно, кроме гула летящего высоко в небе самолета. С опозданием Ричардс вспомнил, что оставил в машине свои костыли, купленные для того, чтобы изменить внешность.

В черном небе равнодушно мерцали звезды. Из рта вырывались облачка пара — сегодня ночью было холодно.

Он сверкнул с дороги и нырнул в джунгли стройки.

Отсчет: 047

Он отбросил в сторону старый кусок изоляции, лежавшей на полу подвала и прикрывавшей колодец, и, держась за торчащие скобы, как за перила, осторожно спустился вниз. Отыскав палку, он постучал по свернутому в трубу рубероиду, чтобы спугнуть крыс. Но никаких крыс не было, он только поднял облако пыли и

чихнул, что тут же отдалось болью в его сломанном носу. Да, тут никаких крыс нет, все они в городе. Он издал короткий смешок, который прозвучал истерически в темноте.

Чтобы согреться, он начал обматывать вокруг себя куски рубероида, пока не стал похожим на кокон. Потом прислонился к стене и задремал.

Когда он проснулся, была глубокая ночь, лишь на востоке белел холодный тонкий серп месяца. Ричардс по-прежнему был один, полицейских сирен не слышно. Было, наверное, часа три ночи.

Рука ныла от боли, но кровь перестала течь. Он обнаружил это только тогда, когда вынул руку из-под рубероида и осторожно стряхнул грязь с раны. Пуля полицейского вырвала большой треугольный кусок мяса выше локтя. "Повезло, что кость не раздроблена", — подумал Ричардс. В то же время очень сильно болела нога. Наощупь она была какой-то странной, эфемерной и едва реагировала на прикосновение. "Наверное, сломана кость", — засыпая, подумал он.

Когда он вновь открыл глаза, то почувствовал, что голова прояснилась. Луна поднялась уже на середину неба, хотя по-прежнему не было признаков рассвета. *Он никак не мог ухватить какую-то мысль...*

Наконец, как толчок, всплыло неприятное воспоминание: до двенадцати часов дня нужно отправить две кассеты, если он хочет, чтобы они попали в Федерацию Игр к шести тридцати эфирного времени. Это значит, что он должен отправиться в город или потерять деньги.

Но Брэдли в бегах или даже уже пойман, а Элтон Парракис ни разу не назвал адрес в Кливленде. К тому же у него была сломана нога.

Что-то большое (олень? но разве они не уничтожены на востоке?) внезапно пронеслось с шумом по опушке леса справа от него. Он вскочил и рубероид соскользнул с его тела, как змеиная кожа. Он снова натянул его, тяжело шмыгая сломанным носом.

Странно, что он — городской житель, оказался неизвестно где, на заброшенной стройке, среди дикой приро-

ды. Ночь внезапно ожила и наполнилась злобными и страшными, безумными звуками и криками.

Ричардс сидел, дыша ртом, и обдумывал свои шаги и их возможные последствия.

1. *Нечего делать.* Просто сидеть здесь и ждать, когда все успокоятся. Последствия: к шести часам сегодня перестанут поступать деньги на его счет — сотня долларов в час. И он будет вынужден бежать бесплатно, ведь охота за ним не прекратится, даже если ему удастся избежать встречи с охотниками в течение тридцати дней. Охота прекратится только после того, как его поймают.

2. *Отправить пленку в Бостон.* Это не повредит Брэдли и его семье, так как их прикрытие уже уничтожено. Последствия: а) пленки без сомнения будут переправлены в Хардинг Охотниками, которые наблюдают за почтой Брэдли, но б) они будут в состоянии выследить, откуда он отправил посылку, без помощи почтовых служащих в Бостоне.

3. *Отправить пленку напрямую в Хардинг, в Федерацию Игр.* Последствия: охота продолжится, но скорее всего его узнают в любом городе, где имеется почтовый ящик.

Все это — проигрышные варианты.

Спасибо, миссис Парракис. Большое спасибо!

Он встал, стряхнул с себя рубероид, сорвал с головы ненужный бинт и бросил его на землю. Однако, поразмыслив, спрятал бинт под кусками изоляции.

Он начал осматриваться вокруг в поисках какого-либо предмета, который можно было бы использовать как костыль (мысль о том, что он забыл настоящие костыли в машине, вновь мелькнула в его голове).

Ричардс нашел доску, которая подходила по высоте, выбросил ее из колодца и начал с трудом подниматься вверх, снова держась за торчащие скобы.

Когда он выбрался, истекая потом и одновременно ощущая дрожь во всем теле, то понял, что может рассмотреть свои руки. Первые серые лучи рассвета начали пробивать темноту. Он с тоской взглянул на пустынную стройку, думая о том, каким хорошим укрытием она могла бы стать.

К сожалению, он должен не прятаться, а бежать от погони. Ведь именно благодаря этому растут ставки. Серая дымка стелилась по земле, медленно обволакивая голые деревья. Ричардс осмотрелся и заковылял в сторону леса, который обрамлял стройку слева.

Он лишь однажды остановился, чтобы обернуть плащом конец доски, и зашагал дальше.

Отсчет: 046

Уже два часа, как рассвело. Ричардс почти убедил себя, что он движется по кругу, когда вдруг услышал впереди за кустами шум воздушных машин.

Он осторожно сделал несколько шагов и, выглянув из-за кустов, увидел грунтовую дорогу, по которой довольно часто проезжали машины. Примерно в километре виднелось несколько домов, а также то ли заправочная станция для воздушных машин, то ли старый магазин, перед которым стояло несколько колонок.

Он начал продвигаться параллельно дороге, время от времени спотыкаясь и падая. Его лицо и руки были в крови от колючих кустарников шиповника и ежевики, а вся одежда — в репьях. Он отказался от бесплодных попыток очистить их. Пух из коробочек репейника летал над его плечами, и он выглядел так, как будто дрался с кем-то пуховыми подушками. Ричардс насквозь промок, перебираясь через ручьи, на третьем его костыль скользнул по неровному дну, и он во весь рост растянулся в воде. Камера, конечно, не пострадала. Она, естественно, была противоударной и водонепроницаемой.

Приблизившись к опушке леса, Ричардс опустился на колени и осторожно пополз вперед. Достигнув места, где он, по его мнению, был в относительной безопасности, Ричардс решил осмотреться.

Он лежал на небольшом пригорке, покрытом низким кустарником. Внизу проходила грунтовая дорога и виднелось несколько фермерских домов и небольшой магазин, перед которым находились воздушные заправочные

колонки. На заправке стояла машина. Шофер в замшевой куртке болтал с заправщиком. Перед магазином рядом с тремя или четырьмя игровыми автоматами, находился сине-красный почтовый ящик. Увидев его, Ричардс с огорчением подумал, что появившись он здесь до рассвета, то мог бы незаметно бросить пленки в ящик. Ну, что ж, возможность упущена...

Он отполз назад, пока не достиг места, где мог поставить камеру и начать снимать, не боясь, что его увидят.

— Привет всем хорошим людям на “Свободном вещании”, — начал он. — Это я, неунывающий Бен Ричардс, который как всегда совершит с вами экскурсию на природу. Если вы присмотритесь, то увидите бесстрашную алую танагру или большую, покрытую пятнышками волостью птичку. Может быть даже пару скворцов.

Он на мгновенье замолчал, а потом продолжил:

— Эту часть они, может быть и пропустят, но то, что последует теперь, вряд ли. Если вы глухонемой и умеете читать по губам, запомните, что я скажу вам, перескажите соседу или другу, передайте дальше. Система загрязняет воздух, которым вы дышите, и отказывает вам в элементарной защите, так **как** ...

Он записал обе пленки и **положил** их в карман брюк. Так, дело сделано! Что дальше? Единственная возможность — подойти к почтовому ящику, бросить в него пленки и бежать.

Он, конечно, может угнать машину. В любом случае они определяют, где он находится. “Интересно, как далеко удалось прорваться Парракису, прежде чем они его перехватили”, — подумал Ричардс. Он вынул пистолет и зажал его в руке. Вдруг, в пугающей близости от себя от услышал голос:

— Давай, давай, Рольф!

Раздался лай. Застывший Ричардс подпрыгнул от неожиданности. В его голове пулей пронеслась мысль: “Господи! Полицейские собаки! У них полицейские собаки!” Что-то большое и черное выпрыгнуло из кустов и стрелой бросилось на него. От толчка пистолет отлетел в сторону, а Ричардс оказался на спине. Немецкая овчарка с какой-то явной примесью вскочила на него, облизывая лицо и

роняя слюну на его рубашку. Ее хвост крутился от счастья в разные стороны.

— Рольф, Рольф, где ты? Рольф! О, черт подери!..

Ричардс краем глаза увидел бегущие ноги, одетые в синие джинсы, а затем и маленького мальчугана, который пытался оттащить собаку.

— Извините, мистер. Он не кусается, он слишком тупой, чтобы кусаться. Он очень добродушный. Он не... О, что это с вами? Вы заблудились?

Мальчик держал Рольфа за ошейник и с интересом смотрел на Ричардса. Это был симпатичный мальчуган лет одиннадцати. Его лицо не было серым и изможденным, как у городского жителя. В его облике чувствовалось что-то подозрительное и непонятное, и в то же время очень знакомое. Ричардс тут же понял, в чем дело. Это было выражение наивности.

— Да, — глухо сказал он, — я заблудился.

— Надо же, вы наверное, падали?

— Да, дружок. Не посмотришь ли ты более внимательно на царапины на моем лице. Насколько они опасны? Я не могу разглядеть их сам.

Мальчик послушно склонился и начал внимательно изучать лицо Ричардса, который к своей радости понял, что тот его не узнал.

— Это все от колючек, — сказал паренек (у него был небольшой акцент жителя Новой Англии, не совсем такой, как в самой восточной части США, но легкий, немного насмешливый выговор), — ничего, скоро заживет.

Внезапно его брови поднялись.

— Вы сбежали из Томастона? Вы явно не из Пайнленда. Вы не похожи на сумасшедшего.

— Я ниоткуда не бежал, — сказал Ричардс, не зная в действительности, говорит ли он правду или лжет. — Я путешествую на попутных машинах. Есть у меня такая плохая привычка. Ты, конечно, никогда не делал этого?

— Никогда, — честно признался мальчик. — Сейчас на дорогах много разных психов, так говорит мой отец.

— Он прав, — согласился Ричардс. — Но мне нужно было добраться до...

Он щелкнул пальцем, делая вид, что забыл название местечка.

— Ну, ты знаешь, там, где аэропорт...

— Вы, наверное, имеете ввиду Войтфилд?

— Да как раз его.

— Ничего себе, да ведь это более двухсот километров отсюда. В Дерри.

— Я знаю, — уныло кивнул Ричардс и погладил Рольфа. Собака послушно легла на землю и замерла от удовольствия. Ричардсу пришлось напрячь все силы, чтобы сдержать горький смешок.

— Я подсел на границе Нью-Хемпшира в машину к трем крутым ребятам. Они избили меня, отняли бумажник и выбросили у какой-то заброшенной стройки.

— Я знаю это место. Вот сволочи! Не хотите ли зайти ко мне домой и перекусить?

— С удовольствием, но время — деньги. Мне нужно быть на аэродроме сегодня вечером.

— Вы что же, опять будете голосовать на шоссе? — глаза мальчика округлились.

— А что делать? — спросил Ричардс. Он начал подниматься, но потом опять сел, как будто ему в голову пришла хорошая мысль.

— Послушай, ты можешь помочь мне?

— Думаю, что да, — осторожно ответил мальчик.

Ричардс достал две кассеты с пленками:

— Это ваучеры на получение наличных денег, — пояснил он. — Если бы ты смог бросить их в почтовый ящик, моя компания переслала бы мне деньги в Дерри и я был бы снова в порядке.

— Но на них же нет адреса...

— Ничего. Они попадут туда, куда надо.

— Хорошо. У магазина Джерролда есть почтовый ящик. — Мальчик поднялся, его невинное лицо не могло скрыть, что он не поверил ни одному слову Ричардса. — Давай, Рольф, пошли!

Ричардс подождал, пока он не отошел на несколько метров, а потом окликнул его. Мальчик повернулся и медленно зашагал назад. На его лице проявился страх.

Конечно, ведь в рассказе Ричардса были такие “дыры”, что через них можно было проташить грузовик.

— Мне кажется, я должен рассказать тебе все до конца, — начал Ричардс. — Я сказал почти всю правду, но я боюсь, как бы ты не проболтался.

Утреннее осеннее солнце чудесно пригревало его спину и шею, ему захотелось провести на пригорке весь день, выспаться как следует в обманчивом тепле октябрьского дня. Он потянулся, достал отлестевший в сторону пистолет и положил его на траву рядом с собой. Глаза мальчика широко раскрылись.

— Дело государственной важности, — тихо сказал Ричардс.

— Боже мой! — прошептал мальчик. Рольф сидел рядом с ним, и его красный язык свисал изо рта.

— Я преследую крутых ребят. Ты видишь, что они со мной сделали? Пленки, которые я тебе передал, должны дойти по назначению.

— Я отправлю их, — мальчик почти не дышал. — Вот будет дело, когда я расскажу...

— Ты никому ничего не скажешь, — строго сказал Ричардс. — Никому ни слова в течение двадцати четырех часов. А то будут неприятные последствия, — угрожающе добавил он. — Итак, до утра завтрашнего дня ты не должен никому говорить обо мне. Понятно?

— Да, конечно.

— Ну, тогда давай, топай! И спасибо, дружок!

Он протянул руку, мальчик с трепетом пожал ее.

Ричардс наблюдал, как они спускались с пригорка: мальчик в красной майке, а следом за ним — его собака весело прыгала по траве. “Почему моя Кэти не может так жить?” — с горечью подумал Ричардс.

Его лицо исказилось страшной бесконтрольной гримасой ярости и ненависти. Он уже был готов проклясть Господа если бы иная цель не напомнила о себе в его затуманенном мозгу: Федерация Игр, а за ней, как Бог тьмы — Система.

Он смотрел до тех пор, пока не увидел, как мальчик, который казался еще меньше на расстоянии, не бросил пленки в почтовый ящик.

Потом он с трудом встал, взял подмышку свой костыль и начал сквозь кусты пробираться к дороге.

Значит, аэродром. Может быть, кто-то заплатит за это прежде, чем все закончится.

Отсчет: 045

Приблизительно в полуторакилометрах от того места, где он находился, Ричардс увидел перекресток и решил туда добраться краем леса и именно там выйти на дорогу.

Он уселся на обочину, как будто ему уже до смерти надоело ловить попутные машины и как будто он вместо этого решил понежиться под теплым осенним солнышком. Он пропустил одну машину и еще одну... И в той, и в другой сидели мужчины, и он подумал, что риск слишком велик.

Но когда третья машина остановилась у знака "Стоп", он поднялся. Его снова охватило чувство безысходности. Очевидно, весь этот район был под контролем, независимо от того, смог Парракис уйти далеко или нет. И потом следующая машина может быть патрульной. И на этом игра закончится.

В машине сидела женщина. Одна. Она даже не потрудилась посмотреть в его сторону. Эти путешествующие на попутных машинах такие мерзкие, а поэтому не стоит даже обращать внимания. Он рванул правую дверцу на себя и вскочил в машину еще до того, как она успела тронуться с места, но от рывка его отбросило на бок; одной рукой он держался за ручку, а здоровая нога волочилась по земле.

Застонали тормоза, машину резко крутануло.

— Что..? Вы... Да как вы смеете?

Ричардс направил на нее пистолет, думая о том, как должно быть нелепо он выглядит — как будто его пропустили сквозь мясорубку. Но жуткая внешность должна сыграть на руку. Он втянул ногу и захлопнул дверь, не опуская пистолета, успев бегло рассмотреть женщину.

Она была одета по-деловому, на глазах большие голу-

бые очки от солнца. Вроде, симпатичная, насколько он мог судить.

— Поехали,— сказал Ричардс.

Как он и ожидал, она обеими ногами уперлась в педаль тормоза и завопила. Ричардса мотнуло вперед, и он сильно ударился больной ногой. Машина, несколько раз дернувшись, съехала на обочину в двухстах метрах от развилки.

— Ты ... этот.. ты... Ри-и... Бен Ричардс. Сними руки с руля и положи на колени.

Трясаясь всем телом, но не глядя на него, она сделала, как он приказал. “Наверное, боится, что я сейчас прямо обращаю ее в камень”,— подумал Ричардс.

— Как вас зовут, мадам?

— Амелия Уилкс. Не стреляйте в меня! Не убивайте меня! Я... я... О, Господи! Возьмите все деньги, только не убивайте меня!

— Тсс, тихо,— сказал Ричардс мягко, когда она перестала кричать,— я не намерен переубеждать вас в отношении меня, миссис Уильямс. Или вы — мисс?

— Нет, миссис,— ответила она автоматически.

— Я не собираюсь делать вам ничего плохого. Понимаете?

— Да, конечно,— ответила она сразу,— вам ведь нужна машина? Они поймали вашего друга и теперь вам нужна машина. Можете взять ее, она застрахована. Клянусь, я никому не скажу. Я объясню, что ее украли на стоянке.

— Хорошо, договорились,— сказал Ричардс,— а сейчас поехали, поговорим по дороге. Выезжайте на шоссе 1. Там есть заграждения? Дорога блокирована?

— Нет... то есть, да, есть. Их больше сотни. Они поймают вас.

— Не лгите, миссис Уильямс.

Машина двинулась с места и медленно поехала рывками, потом более ровно. Казалось, движение успокоило ее. Ричардс повторил свой вопрос о заграждениях.

— Вокруг Льюистина,— сказала она обречено,— там, где они поймали этого второго бродягу... то есть вашего приятеля.

— Как далеко это отсюда?

— Километров пятьдесят или даже больше.

Парракис значит добрался дальше, чем Ричардс мог предположить.

— Ты собираешься меня изнасиловать?— внезапно спросила Амелия Уильямс. Это было так неожиданно, что Ричардс расхохотался, потом сказал серьезным тоном:

— Нет, я женат.

— Я видела ее фото,— сказала она самодовольно, но несколько неуверенно. Ричардсу захотелось вмазать ей.

— *А ты бы могла жрать помои, сука? Попробуй-ка убить одним ударом крысу, которая прячется в хлебнице. Убей ее шваброй, а потом посмотрим, как ты станешь говорить о моей жене.*

— Можно я здесь выйду?— начала она умоляюще, и Ричардсу снова стало ее немного жаль.

— Нет,— сказал он,— вы моя защита, миссис Уильямс. Я должен добраться до Войтфилда, в местечко под названием Дерри. А вы — моя гарантия, что я смогу туда добраться.

— Но это двести километров отсюда,— завопила она.

— А мне говорили, сто.

— Неправда, да вы туда и не доедете...

— Я должен туда добраться,— сказал Ричардс и взглянул ей в глаза,— и ты тоже. Если будешь правильно себя вести, то...

Ее снова начала сотрясать мелкая дрожь, но она промолчала. Было похоже, что она все делает как во сне.

Отсчет: 044

Они ехали на север через полыхающий красками осенний лес. Здесь вдали от ядовитых выбросов больших городов — Бостона, Манчестера и Портленда — еще сохранились деревья, расцвеченные желтой, красной и лилово-бордовой листвой. Этот вид разбудил в Ричардсе щемящее чувство меланхолии. Оно было настолько необычным. Он и не ожидал от себя таких эмоций и еще две

недели назад не поверил бы, что сможет испытывать нечто подобное. А ведь всего через месяц выпадет снег и покроет все это разноцветие белым ковром.

Осенью все кончается.

Она, казалось, почувствовала его настроение и не задавала вопросов. Молчание восполнялось шуршанием дороги под колесами. Они переехали через реку в районе Ярмута. По дороге до самого Фрипорта встречались лишь грузовики. По обочинам ютились бедные лачуги и сараи, но на каждом блестела и переливалась на солнце антенна “Свободного вещания”, закрепленная либо на облеслом подоконнике, либо на ветхой двери.

При въезде в город на обочине стояли три патрульные машины. Видимо, полицейские обсуждали ситуацию.

Женщина вся напряглась как струна. Ричардс же был совершенно спокоен.

Они миновали патрульные машины, и она вдруг сникла.

— Если бы они проверяли транспорт, они бы несомненно сразу нас остановили, — сказал Ричардс ровным тоном. — Ты бы еще у себя на лбу написала: *Бен Ричардс едет в этой машине.*

— Ну, почему ты меня держишь? — и на одном дыхании продолжила. — У тебя есть, чем затануться?

Богачи курят “Дукс”. Он засмеялся при этой мысли и покачал головой.

— Ты что, надо мной смеешься? — спросила она уязвлено. — Ну и наглец же ты! Подлый трусливый убийца! Ты пытаешься запугать меня до смерти, а потом убить, как ты убил тех двух ребят в Бостоне...

— Да, уж, конечно, “бедные ребята”... Там было целое скопище этих ребят, которые были готовы меня прикончить. Это их работа.

— Да, убивать за деньги — это здорово! Ты готов сделать что угодно за деньги. Желаеть перевернуть все в стране? А почему бы тебе не найти приличную работу? Потому что ты ленив! Ты плюешь на все приличное.

— А сама-то ты приличная?

— Да, — резко бросила она, — не поэтому ли ты выбрал именно меня? Я была беззащитной и выглядела

прилично. И ты поэтому воспользовался мной, вынудил опуститься до твоего уровня и теперь радуешься.

— Если ты претендуешь на то, чтобы тебя считали приличной, почему же ты тогда покупаешь себе за шесть тысяч Новых долларов эту машину, а в это время моя дочка умирает от воспаления легких?

— Что такое ты говоришь?— она испуганно взглянула на него, сперва открыв рот от удивления, потом резко сомкнула губы.— Ты враг Федерации Игр и Системы. Так передавали по каналу “Свободного вещания”. Я видела, какие мерзкие вещи ты делал...

— Знаешь, что действительно мерзко?— доставая сигарету из пачки, которая лежала на передней панели и зажигая ее, спросил Ричардс.— Я тебе отвечу. Мерзко, когда тебя заносят в “черный список”, если ты не желаешь работать в “Дженерал Атомикс”, чтобы не стать импотентом. Мерзко сидеть дома и смотреть, как твоя жена гнет спину, чтобы заработать на пропитание. Мерзко осознавать, что Система убивает миллионы людей ядовитыми выбросами, загрязняя воздух, когда они могли бы производить респираторы по шесть долларов за штуку.

— Ты все врешь,— сказала она и вцепилась в руль так, что пальцы побелели.

— Когда все это закончится, ты опять отправишься в свою квартирку на двух уровнях, затанешься сигареткой “Доукс”, поймашь кайф и с удовольствием будешь разглядывать, как свет играет на столовом серебре. Никто в твоём квартале не гоняет крыс шваброй и не справляет нужду на заднем крыльце, потому что туалет неисправен. Я видел пятилетнюю девочку с раком легких. Как тебе это, не мерзко? Или еще...

— Перестань! — закричала она.— Ты говоришь гнусные вещи!

— Это верно,— ответил он, разглядывая проплывающий за окном пейзаж. Безысходность наполнила его до краев могильным холодом. У него не было ничего общего с этими Избранными. Они существуют вне или над суетой, над бытом. Они дышат другим воздухом.

Ему вдруг безумно захотелось заставить эту женщину

остановить машину, сбить в пыль ее очки, проташить ее по грязи, заставить ее глотать землю, разодрать на ней одежду, а потом спросить, как ей все это нравится и похоже ли это на ту картину, которую показывают по первому каналу двадцать четыре часа в сутки.

— Да, это точно,— пробормотал он,— гнусные вещи я говорю.

Отсчет: 043

Они забрались гораздо дальше, чем им могли бы позволить, как понял Ричардс. Они доехали до маленького симпатичного городка Камден на берегу океана. Он находился больше чем в ста пятидесяти километрах от того места, где Ричардс “подсел” в машину к Амелии Уильямс.

— Послушай,— сказал он, когда они въезжали в столицу штата Огасту,— очень возможно, что они нападут именно здесь на наш след. Но я совершенно не заинтересован в том, чтобы тебя убили Соображаешь?

— Да,— ответила она с какой-то злой отрешенностью, тебе нужен заложник.

— Верно. Поэтому, если патрульная машина перекроет дорогу, немедленно останавливайся. Открой дверь и высунься. Но только немного! И не отрывай свою задницу от сиденья. Поняла?

— Да.

— И кричи громко: Бенджамен Ричардс держит меня заложницей. Если вы не дадите ему проехать, он меня убьет.

— И ты думаешь, это сработает?

— Если не сработает, пропала ты со всеми своими потрохами,— сказал он с явной издевкой.

Она закусил губу и промолчала.

— Все-таки я думаю, что сработает. Сразу набегит с дюжину свободных репортеров с камерами в надежде получить хороший гонорар за репортажи или даже премию года. С таким широким оповещением событий они

побоятся что-нибудь подстроить. Жаль, что ты не увидишь, как нас изрешетят пулями, чтобы потом лицемерно называть тебя последней жертвой Бена Ричардса.

— Почему ты так говоришь?— вырвалось у нее.

Он ничего не ответил, лишь съехал пониже в кресле, так чтобы только его макушка была видна, и стал ждать, когда появятся синие мигалки.

Но здесь, в Огасте, синих мигалок не было видно. Они ехали еще полтора часа по берегу океана. Солнце начало клониться к западу, скользя по волнам, дюнам; лучи его перебегали дальше, на другую сторону дороги, в поле и освещали лес на горизонте.

Было уже больше двух часов, когда они, сделав огромный круг недалеко от черты города Камдена, увидели ограждение на дороге: две патрульные машины загорали проезд, и двое полицейских, проверив документы у какого-то фермера на пикапе, жестом позволили ему ехать дальше.

— Проезжай еще метров сто и остановись,— приказал Ричардс. Сделай точно, как я тебе говорил.

Она стала белой как смерть, но, казалось, не теряла контроля над собой. Мягко нажимая на педаль тормоза, она медленно проехала еще немного и остановилась посреди дороги в ста метрах от полицейских.

Один из них, держа перед собой папку для документов, повелительным жестом приказал ей подъехать. Но когда она не тронулась с места, он вопросительно посмотрел на своего коллегу. Третий полицейский, который сидел в патрульной машине, задрал ноги на руль, схватил микрофон и начал в него что-то быстро говорить.

“Ну вот, начинается”,— подумал Ричардс.

Отсчет: 042

День был светлым. Все виделось отчетливо и ярко. Недавние затяжные дожди казались далеким прошлым. Четкие силуэты полицейских выглядели как бы обведен-

ными цветным карандашом. Они расстегивали кобуры своих пистолетов.

Амелия Уильямс распахнула дверцу воздушной машины и высунулась из нее наполовину.

— Пожалуйста, не стреляйте,— громко сказала она, и Ричардс впервые осознал, какой у нее глубокий, приятный голос. Она казалась абсолютно спокойной, как будто сидела за вышиванием или рисованием, и только побелевшие от напряжения пальцы рук на руле и бьющийся на шее пульс выдавали ее волнение. В открытую дверь машины врвался запах сосен и увядших полевых трав.

— Выходите из машины! Руки на затылок!— приказал полицейский с напкой для документов. “Его голос похож на голос робота модели “Дженерал Атомикс” 6925-A9,— подумал Ричардс.— Может выступать под названием “Хиквильский полицейский, еще и иридиевые батареи в придачу. Только белокожий вариант”.

— Выходите оба! Вы, мадам, и ваш пассажир! Мы его видим.

— Меня зовут Амелия Уильямс,— отчетливо произнесла она.— Я не могу выйти из машины. Бенджамин Ричардс взял меня заложницей. Он сказал, что убьет меня, если вы не пропустите его.

Двое полицейских переглянулись и обменялись едва заметным знаком. Но поскольку нервы Ричардса были напряжены до предела, он ощутил это движение каким-то седьмым чувством.

— Трогай! — закричал он. Она повернулась к нему с удивлением.

— Но не будут же они...

Папка с документами отлетела в сторону. Оба полицейских припали на одно колено, почти одновременно вынув пистолеты и держа их двумя руками. Каждый со своей стороны белой разделительной линии на дороге. Листочки бумаги в папке перебирал ветер.

Ричардс надавил своей больной ногой на правую туфельку Амелии Уильямс, его губы искривились в болезненной гримасе: рана давала о себе знать.

Воздушная машина рванулась вперед. В следующий

момент раздались два хлопка и машина дернулась, а через секунду взорвалось ветровое стекло, осыпав их дождем мелких осколков. Она вскинула руки, пытаясь защитить лицо. Ричардс бросился на руль, стремясь удержать машину на дороге.

Они стреляли через пустое пространство между автомобилями, припаркованными у обочины, но пули только царапали багажник. Он взглянул в обзорное зеркало и увидел, как полицейские снова прицеливались. Но машина успела отъехать на приличное расстояние и Ричардс опять перевел все внимание на дорогу. Они начали подниматься в гору. И вдруг снова — дзинь! Пуля пробила дыру в багажнике. Машина замедлила ход. Ричардс пытался держать руль так, чтобы не сорваться в кювет. Тут до него вдруг дошло, что Амелия дико вопит.

— Крути руль, черт побери! — закричал он на нее. Она механически протянула руки и нащупала руль. Тогда он отпустил руки и одним резким движением сбил темные очки с ее лица. Они на мгновение повисли, зацепившись за одно ухо, а потом свалились на пол.

— Останови машину!

— Они стреляли в нас, — вскрикнула она. — Они стреляли... в нас...

— Остановись!

Сзади послышался вой сирен.

Она неуклюже подъехала к обочине и остановила машину так, что ее занесло и развернуло. Из-под колес брызнула щебенка.

— Я все им сказала, а они все равно пытались убить нас, — повторяла она озадаченно.

Но он не слушал ее, с трудом вылез из машины и, взяв пистолет, заковылял назад, откуда они приехали.

Когда первая патрульная машина приблизилась к подножью холма, он успел удобно устроиться у развилки, держа пистолет на уровне плеча. Патрульная машина шла на скорости сто сорок километров в час и еще набавляла обороты. В ней сидел местный ковбой и с удовольствием нажимал на педали. Глаза его светились торжеством. Он, вероятно, заметил Ричардса и попытался остановить машину. Но это уже не имело значения. Покрыш-

ки этой машины не были пуленепробиваемыми. Ближнее к Ричардсу колесо взорвалось так, будто внутри его был динамит. Машина взлетела, как большая, тяжелая птица, и, пролетев над дорогой, врезалась в ствол старого вяза. Левая дверь оторвалась еще в воздухе, а при ударе водитель, пробив головой переднее стекло, как торпеда пролетел тридцать метров и воткнулся в колючий куст.

Вторая машина выскочила на него примерно на той же скорости, что и первая. Ричардсу пришлось сделать четыре выстрела, прежде чем он попал в колесо. Машина, задымившись, перевернулась три раза, рассыпая вокруг стекло и металлические детали.

Ричардс с трудом поднялся на ноги. Рубашка у него на животе медленно начала темнеть. Он запрыгал к воздушной машине и был вынужден спрятаться за ней, когда раздался взрыв и вторая патрульная машина разлетелась на кусочки.

Он снова поднялся, хватая ртом воздух и издавая какие-то нечленораздельные звуки. Его бок начало дергать, и боль перекатывалась по всему животу.

Амелия давно могла убежать, но она даже не сделала такой попытки. Она смотрела в оцепенении на полыхающую полицейскую машину на дороге. Когда Ричардс упал на кресло, она дернулась в сторону от него, как ужаленная.

— Ты убил их! Ты убил этих людей!

— Они пытались убить меня. И тебя тоже. Давай! Поехали!

— *Но меня-то они не собирались убивать!*

— Вперед!

Она тронулась с места.

Маска добропорядочной молодой хозяйки, которая ехала за покупками, исчезла. В лице проглядывало что-то первобытное, пещерное. Горящие глаза, судорожно подергивающиеся губы. А может быть, у нее всегда было такое выражение лица?

Они проехали около восьми километров, впереди показался придорожный магазинчик и воздухозаправочная станция.

— Остановись тут, — приказал Ричардс.

— Выходи!

— Нет.

Он ткнул дулом пистолета прямо ей в правую грудь.

— Прощу прощения, мадам, но сейчас уже нечего строить из себя примадонну. Выходи!

Она вышла из машины. Он выкарабкался вслед за ней.

— Дай-ка я обопрись на тебя.

Он положил руку ей на плечи и указал пистолетом на телефонную будку позади автомата со льдом. Они заковыляли к телефону в каком-то комическом танце. Ричардс прыгал на здоровой ноге, едва опираясь на больную. Он очень устал. Перед глазами нескончаемой чередой возникали переворачивающиеся машины, летящие торпедой человеческие тела, яркие взрывы, как будто кто-то снова и снова прокручивал одну и ту же видеопленку.

Хозяин магазинчика, пожилой мужчина с седыми волосами и тощими ногами, прикрытыми большим, как у мясника, кожаным фартуком, вышел из дверей и с опаской уставился на них.

— Эй, ребята, — мягко начал он, — вас-то мне здесь не надо. У меня семья. Идите своей дорогой. Пожалуйста. Я не хочу никаких проблем.

— Шагай-ка внутрь, папаша, — приказал Ричардс. Мужчина скрылся за дверью.

Ричардс протиснулся в телефонную будку, с трудом переводя дыхание, и опустил пятьдесят центов в щелку. Держа трубку и пистолет в одной руке, он набрал 0.

— Алло, оператор, какой это округ?

— Рокленд, сэр.

— Соедините меня с местной программой новостей.

— Но вы сами можете набрать номер, сэр. Запишите...

— Нет, вы наберите номер.

— Вы что, хотите...

— *Набирайте номер без лишних разговоров!*

— Хорошо, сэр, сказала телефонистка бесстрастно. В

трубке раздалась щелчки. Рубашка Ричардса все больше пропитывалась кровью, пятно разрасталось. Он отвел взгляд от этого пятна, от вида крови ему стало плохо.

— Отдел новостей Рокленда, — раздался голос в трубке. — “Свободное вещание”, номер конторы 6943.

— Говорит Бен Ричардс.

Последовала долгая пауза, затем голос сказал:

— Слушай ублюдок, я люблю шутки, как и все нормальные люди, но у меня был трудный день, так что давай-ка...

— Заткнись! Ты получишь подтверждение через десять минут, а если у тебя есть рация, настроенная на волну полиции, то можешь уточнить сейчас же.

— Я ... Одну минутку! — на другом конце уронили трубку и послышался вопль восторга. Когда трубку вновь подняли, голос был уже четким и деловым, правда, чуть возбужденным.

— Где ты сейчас, парень? Половина полицейских восточной части штата Мэн пронеслась через Рокленд со скоростью сто семьдесят километров в час.

Ричардс пригнулся, чтобы прочесть название магазина.

— Место называется “Магазин и склад Гилли”. Знаешь, где это?

— Конечно. Рядом с...

— Слушай, ублюдок, я не собираюсь рассказывать тебе о своей жизни. Давай сюда быстро пару репортеров, и чтобы все транслировалось! Прежде всех новостей. У меня здесь заложница. Ее зовут Амелия Уильямс из...? — он взглянул на нее.

— Из Фламута, — сказала она обречено.

— Да, из Фламута. И пусть они ведут себя нормально, а то я ее прикончу.

— О, Господи! Это пахнет Пулитцеровской премией.

— Нет, это просто ты уже наложил в штаны, парень. — Ричардс почувствовал легкое головокружение. — Ты должен оповестить об этом всех. Я хочу, чтобы все наши руководители знали, что я не один. Трое полицейских на дороге пытались разнести нашу машину.

— Что с ними случилось?

— Я прикончил их.

— Всех троих? Черт побери! — голос уже давал команду кому-то. — Эй, Дик, подключайся к национальному каналу!

— Я убью ее, если они начнут стрелять, — сказал Ричардс, стараясь, чтобы его голос звучал убедительно, и в то же время пытаюсь вспомнить, как все это делалось в боевиках, которые он видел по ТВ, когда был мальчишкой. — Если они хотят спасти девушку, пусть лучше пропустят меня беспрепятственно.

— Когда...

Но Ричардс уже повесил трубку и неуклюже выкарабкался из будки.

Она обняла его одной рукой, сморщившись при виде крови.

— Видишь, во что ты влез?

— Да.

— Ты сошел с ума. Тебя убьют!

— Давай-ка садись в машину. Мы едем на север, поняла? Прямо на север.

Он плюхнулся на сиденье, с трудом переводя дыхание. В ушах стоял какой-то погребальный звон. Она завела машину и выехала на дорогу. Ее зеленая в черную полосу блузка была испачкана в крови. Старикашка Гилли распахнул настежь дверь магазина и наставил на них очень старый полароид. Щелчок — и он вытащил фотографию и ждал с выражением испуга и восторга одновременно, когда появится изображение.

Вдалеке послышался звук полицейской сирены.

Они проехали уже около пяти миль и тут обратили внимание, что люди стали выбегать из домов, чтобы увидеть их. У многих были кинокамеры. Ричардс вздохнул с облегчением.

— Они стреляли по колесам там, на дороге, — тихо проговорила Амелия. — Это была случайность, простая случайность.

— Если этот подонок целился в колесо, а попал в переднее стекло, у него мушка сбита на метр.

— *Но это действительно была случайность!*

Они въехали в жилой массив. “Вероятно, это Рокленд”, — подумал Ричардс.

Дачные коттеджи, пыльные дороги, ведущие к пляжу. Гостиница “Бриз”. “Частная дорога”. “Посторонним въезд запрещен”. “Отдыхайте у Элизабет”. “В нарушителей стреляют”. “Осторожно, сторожевые собаки”.

Из-за деревьев, подобно Чеширскому коту, их разглядывали болезненные глаза на алчных лицах. Яркий свет экранов “Свободного вещания” пробивался через задвинутые жалюзи.

Какое-то балаганное настроение чувствовалось в воздухе.

— Этим людям всего и нужно, чтобы кого-то убили. Чем больше, тем лучше. И даже, если убьют нас двоих, для них это только развлечение, ничего больше. Веришь мне?

— Нет.

— Ну, что ж, думай, как хочешь.

Какой-то старикашка в полосатых шортах до колен, с седыми, подсиненными волосами подбежал к краю дороги с огромной камерой, оснащенной специальными объ-

ективами. Он начал снимать с бешеной скоростью, то приседая, то вскакивая. Его ноги были белыми, как рыбье брюхо. Ричардс вдруг расхохотался так, что Амелия вздрогнула.

— В чем дело?

— Он не снял крышку с объектива... У него на объективе... — новый приступ смеха прервал его слова.

Машины съезжались с боковых улиц, поднимались на холм, а оттуда уже спускались к центру Рокленда. Вероятно, здесь когда-то была живописная рыбацкая деревушка, как на полотнах Уинслоу Хомера, с рыбаками в желтых куртках, отправляющихся на утлых лодках за хитрыми омарами. Но это, наверное, было в давние времена. А сейчас перед ними вставали торговые центры по обе стороны дороги. На главной улице масса кафе, баров и залов игровых автоматов. Аккуратные дома зажиточных горожан располагались на склонах холма, а ближе к морю — убогие домишки бедняков. Только само море на горизонте — такое, как было всегда: голубое, манящее, вечное, полное света и искр под лучами полуденного солнца.

Они начали спускаться с холма. Впереди им перегораживали путь патрульные машины. Их голубые сигнальные огни мигали как-то несинхронно. На тротуаре слева расположилась бронированная машина с коротким стволом, направленным в их сторону.

— Ну, все, ты конченный человек, — тихо, почти с сожалением сказала она. — Я тоже умру?

— Остановись в пятидесяти метрах от заграждения и делай, что я тебе прикажу, — сказал Ричардс и съехал вниз на кресле. Его щека нервно подергивалась.

Она остановила машину, открыла дверцу, но не высовывалась. Стояла полная тишина.

— Я боюсь. Поверь, пожалуйста, мне очень страшно.

— Они не будут стрелять в тебя. Слишком много народа вокруг, — сказал Ричардс. — Они не убивают заложников при свидетелях. Тут свои правила игры.

Она смотрела на него какое-то время, и ему вдруг захотелось оказаться с ней где-нибудь в уютном ресторанчике за чашкой кофе. Он бы слушал ее интеллигент-

ную речь и размешивал бы настоящие сливки в крепком, хорошо сваренном кофе — за ее счет, разумеется. Потом они поговорили бы о социальном неравенстве, о том, как закатываются носки в резиновых сапогах и о том, “как важно быть серьезным”.

— Прошу вас, миссис Уильямс, — сказал он с легкой издевкой, — глаза всего мира устремлены на вас.

Она высунулась из двери. Шесть полицейских машин и еще один бронированный фургон подъехали сзади и заблокировали дорогу, перекрывая им путь к отступлению.

“Ну, теперь только одна дорога: прямо на небеса”, — подумал Ричардс.

Отсчет: 039

— Меня зовут Амелия Уильямс. Бенджамен Ричардс держит меня заложницей. Если вы не предоставите нам свободу действий, он сказал, что убьет меня.

На мгновение наступила полная тишина, Ричардс даже услышал, как далеко-далеко прозвучал гудок на корабле. И вдруг вблизи десятикратно усиленное:

— **МЫ ХОТИМ ПОГОВОРИТЬ С БЕНОМ РИЧАРДСОМ!**

— Нет, — не раздумывая ответил Ричардс.

— Он говорит, что не хочет с вами разговаривать.

— **ЭЙ, ЛЕДИ, ВЫХОДИТЕ ИЗ МАШИНЫ!**

— Он убьет меня! — закричала она в отчаянии. — Вы что, не слышите? Какие-то люди чуть не убили нас там. Он говорит, вам все равно, кого убивать. О, Господи, неужели он прав?

Хриплый голос из толпы прокричал:

— Пропустите ее!

— **ВЫХОДИТЕ ИЗ МАШИНЫ, ИНАЧЕ МЫ БУДЕМ СТРЕЛЯТЬ!**

— Пропустите ее! Пропустите! — подхватила толпа и начала скандировать эти слова, как на матче.

— **ВЫХОДИТЕ...**

Толпа заглушила мегафон. Откуда-то полетел камень. Переднее стекло одной из полицейских машин покрылось сетью мелких трещин.

Вдруг послышался рев моторов и две патрульные машины разъехали в стороны, оставив узкое пространство на дороге. Толпа всколыхнулась в восторге, но потом замерла в ожидании следующего шага.

— ВСЕМ ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ ПОКИНУТЬ ЗОНУ! — закричали в мегафон. — МЕСТНОСТЬ МОЖЕТ ПРОСТРЕЛИВАТЬСЯ. ВСЕ ГРАЖДАНСКИЕ ЛИЦА ДОЛЖНЫ УДАЛИТЬСЯ ИЗ ЗОНЫ ИЛИ БУДУТ ПРИВЛЕЧЕНЫ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПОВИНОВАНИЕ И ЗА НЕЗАКОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ. НАКАЗАНИЕ ЗА НЕПОВИНОВАНИЕ ВЛАСТЯМ И НЕЗАКОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ — ДЕСЯТЬ ЛЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЮРЬМЫ ИЛИ ШТРАФ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ, ИЛИ ТО И ДРУГОЕ. ОСВОБОДИТЕ ЗОНУ! ОСВОБОДИТЕ ЗОНУ!

— Ага, чтобы никто не видел, как вы расстреляете девчонку, — вскричал кто-то истеричным голосом. — Все полицейские — свиньи!

Толпа не двигалась. Желтый с черным автомобиль службы новостей со скрежетом остановился у тротуара. Двое мужчин выскочили из него и начали устанавливать камеру.

К ним бросились двое полицейских, последовала короткая борьба за обладание камерой. Затем одному из полицейских все-таки удалось перехватить ее. Он высоко поднял камеру за треножник и со всего размаха грохнул ее об землю. Один из корреспондентов попытался вмазать ему, но был оглушен дубинкой.

Какой-то мальчишка из толпы швырнул камень в полицейского и попал ему в голову. Полицейский упал, кровь брызнула из раны на дорогу. На парня сразу наслало с полдюжины полицейских, оттащив его в сторону. В разных местах в толпе начались рукопашные схватки между прилично одетыми горожанами и грязными бродягами. Женщина в потрепанном домашнем платье вдруг начала таскать за волосы степенную тучную матрону.

Сцепившись, они обе грохнулись на землю и начали кататься по щебенке, визжа и мутузя друг друга.

— О, Господи,— пробормотала Амелия, глядя на них.

— Что происходит?— спросил Ричардс. Он не решался выглянуть и держал голову на уровне передней панели.

— Дерутся. Полиция калечит людей. Кто-то разбил камеру журналистам.

— РИЧАРДС! СДАВАЙТЕСЬ! ВЫХОДИТЕ!

— Поехали,— спокойно сказал Ричардс. Воздушная машина дернулась и двинулась вперед.

— Они будут стрелять в воздушные баллоны, а потом подождут, когда ты выйдешь.

— Не будут,— сказал Ричардс.

— Почему?

— Они не додумаются...

И, действительно, не додумались.

Воздушная машина продолжала медленно двигаться мимо двух рядов полицейских машин и мимо зевак с выпученными глазами. Эти праздные наблюдатели неосознанно разделились на две группы: по одну сторону дороги оказались представители средних и высших слоев, дамы, причесанные в парикмахерских, мужчины в рубашках фирмы “Эрроу” и дорогих мокасинах. Парни в комбинезонах с названием компании на спине и с их собственным именем, вышитым золотыми нитками на нагрудном кармане. Женщины, похожие на Амелию Уильямс, одетые для праздного шатания по городу. Их лица — все разные — были схожи в одном: была какая-то странная незавершенность, как будто картины на ярмарке с дырами вместо лиц. “Они слишком благоразумны,— подумал Ричардс.— В головах никаких безумных желаний или надежд”.

Эти люди стояли по правую сторону дороги и представляли собой добропорядочных завсегдатаев яхт-клубов и дорогих ресторанов.

По другую сторону расположились бедняки с красными распухшими носами. Женщины с плоской, отвисшей грудью, тусклыми волосами, с лихорадкой на губах. Прыщавые идиоты с полуоткрытыми ртами.

Полицейские развернули свою мощь основательно, и силы все прибывали. Ричардс не удивился, как быстро и уверенно они действовали, даже несмотря на неожиданность его появления. Даже здесь, в Бундоке, дубинка и пистолет всегда были под рукой. А собак держали голодными. Нищие забирались в коттеджи, заколоченные на зиму, громили супермаркеты, писали на стеклах витрин грязные ругательства. У бродяг всегда чесались руки на хромированные автомобили и двухсотдолларовые костюмы, прикрывавшие толстые животы, при виде которых хотелось плевать от злости. У нищих тоже должен быть свой Джек Джонсон, Мухаммед Али или Клайд Бэрроу. Поэтому они стояли и смотрели.

“Итак, справа от вас, друзья, дачники,— подумал Ричардс,— толстые, небрежно одетые, но при всех доспехах. А слева — тощие ряды голодных бродяг со злыми, вытаращенными глазами. Они приучены к постоянному недоеданию и продадут самого Христа за полкило колбасы.” В Западном Стиксвиле чувствовалась поляризация сил. И нужно было опасаться и тех, и других. Медленно, со скоростью около пятидесяти километров в час, Бен Ричардс двигался мимо них.

Отсчет: 038

Прошел час. Было уже четыре. По дороге поползли тени. Ричардс еще ниже опустился в кресле, так что ему вообще ничего не было видно. Он то впадал в забытие, то возвращался в сознание. Он неуклюже вытащил рубашку из брюк, чтобы рассмотреть свою новую рану. Пуля пропахала глубокую, безобразную колею в боку, которая здорово кровоточила. Кровь свертывалась, но очень медленно. Когда ему пришлось рвануться вперед, рана опять вскрылась и кровь снова пошла обильно. Да черт с ней! Они хотят его взорвать! Перед такой армией его план — чепуха. Ну, ничего, он все равно не остановится, пока не произойдет “несчастный случай” и воздушная машина не разлетится на мелкие кусочки. (“Ах, какая ужасная слу-

чайность! Конечно, этот полицейский временно отстранен от своих обязанностей до полного выяснения обстоятельств... очень сожалеем о трагической гибели невинной жертвы..." — все это будет похоронено в вечерних сообщениях где-нибудь между биржевыми новостями и официальным заявлением Папы Римского).

Но это лишь промелькнуло в его сознании. Он безумно волновался за Амелию Уильямс, чьей самой большой ошибкой стало то, что она выбрала утро среды для покупок.

— Там танки,— вдруг сказала она. И в ее слабом голосе послышались истерические нотки.— Ты представляешь? Танки...

Она заплакала.

Ричардс немного помолчал, потом спросил:

— В каком мы городе?

— В-в-винтерпорт, так там н-н-написано. Ох, я не могу, не могу дождаться, пока они ... не сделают этого! Не могу!

— Ну, ладно,— буркнул он.

Она заморгала, едва заметно встряхнув головой, как будто пытаясь прийти в себя.

— Что?

— Стой! Выходи!

— Но они убьют те-е -...

— Да, но крови-то не будет, по крайней мере ты ее не увидишь. У них достаточно снарядов, чтобы испепелить меня вместе с машиной.

— Ты врешь! Ту убьешь меня!

Пистолет болтался у него между колен. Он бросил его на пол, пистолет мягко брякнулся на резиновый коврик.

— Сейчас бы хорошую затяжечку! — сказала она с отсутствующим взглядом.— О, Господи, как хочется отключиться. Почему ты не дождался следующей машины? Боже мой!

Ричард рассмеялся. Он смеялся мелкими, неглубокими смешками, потому что бок все еще болел. Он закрыл глаза и смеялся, пока слезы не выступили у него из-под ресниц.

— Здесь холодно... Окно ведь разбито, — сказала она совсем некстати. — Включи обогрев.

В сумерках наступающего вечера его лицо казалось белым пятном.

Отсчет: 037

— Мы в Дерри, — сказала она.

На улице было полно людей. Как муравьев в муравейнике. Они свешивались с пожарных лестниц, сидели на балконах и верандах, с которых убрали летнюю мебель. Они ели сэндвичи и жареных цыплят из промасленных пакетов.

— Там есть указатели аэропорта?

— Да, я как раз еду по ним. Но они сейчас закроют ворота.

— Ну, если они это сделают, я точно тебя прикончу.

— Ты собираешься захватить самолет?

— Попробую.

— Не выйдет!

— Думаю, ты права.

Они свернули направо, потом налево. Толпа медленно расступалась при звуке гудков.

— Та женщина на фотографии правда твоя жена?

— Да, ее зовут Шейла. Нашей дочке Кэти всего полтора года. У нее простуда, но может быть, сейчас она поправилась. Вот так я вляпался в это дело.

Над ними зажужжал вертолет, отбрасывая огромную паукообразную тень на дорогу впереди. Резкий голос в мегафоне потребовал, чтобы Ричардс отпустил женщину. Когда он улетел, и они снова смогли разговаривать, она сказала:

— Твоя жена похожа на потаскушку. Она бы могла последить за собой.

— Фотография подделана.

— Не могли же они...

— Могли.

— Там, посмотри, аэропорт. Мы подъезжаем.

— Ворота закрыты?

— Не видно... подожди... открыты, но чем-то заблокированы. А-а, там танк и пушка направлена на нас.

— Подъезжай и остановись в ста метрах от него.

Машина медленно проползла по дороге между полицейскими автомобилями через завывающую и рычащую толпу. Над ними проплыла надпись: "Аэродром Войт". Амелия разглядела забор с электропроводкой, который загораживал болотистую, бесполезную часть поля по обеим сторонам дороги. Прямо впереди находился контрольно-пропускной пункт. А за ним — главные ворота, которые были заблокированы танком А-62. Этот танк был способен разнести все на свете своими снарядами в четверть мегатонны. Дальше — путаница дорог и парковок, которые окружали комплекс аэровокзала, вздымающегося далеко впереди и загораживающего взлетную полосу. Огромная диспетчерская башня возвышалась над всем этим, как марсианин из романа Г.Уэллса, и заходящее солнце полыхало пожаром в ее окнах.

И сотрудники, и пассажиры столпились на ближайшей стоянке автомашин, где их задержала полиция.

В ушах забился тяжелый вой. Амелия увидела, как в воздух медленно со взлетной полосы позади основного здания аэровокзала поднялся мощный серо-голубой "Локхид" компании "Дженерал Атомикс".

— РИЧАРДС!

Она подскочила и испуганно посмотрела на него. Он бесстрастно отмахнулся. "Ничего, мама, я всего лишь умираю".

— ВАМ ЗАПРЕЩЕНО ВНУТРЬ! — взревел мощный динамик. — ОТПУСТИТЕ ЖЕНЩИНУ! ВЫХОДИТЕ!

— И что дальше? — спросила она. — Это обман. Они только ждут, чтобы...

— Давай поддадимся, — сказал Ричардс. — Они еще немножко поблефуют. Высунься из окна. Крикни им, что я ранен и не понимаю, что делаю. Скажи, что я сдаюсь полиции в аэропорту.

— Ты в своем уме?

— Полиция аэропорта не подчиняется ни штату, ни федеральным властям. Они имеют международный ста-

тус с тех пор, как был подписан договор с ООН в 1995 году. Говорят, если сдать их, можно получить помилование. Как будто играешь в "Монополию" и попадаешь на клетку "бесплатная парковка". Дерьмо все это, конечно! Все равно они сдадут меня Охотникам.

Она поморщилась.

— Но может быть, они подумают, что я верю в это. Давай, крикни им.

Она высунулась из окна. Ричардс весь напрягся. Если вдруг произойдет несчастный случай, который уберет Амелию с дороги, это, вероятно, случится сейчас. Ее голова и верхняя часть тела представляли собой прекрасную мишень для тысяч стволов оружия. Одно нажатие на курок — и весь фарс окончится.

— Бен Ричардс желает сдать полиции аэропорта, — прокричала она, — он ранен в двух местах.

Она бросила испуганный взгляд через плечо, и ее голос вдруг прозвучал удивительно звонко в затухающем грохоте мотора удаляющегося "Локхиды".

— Он не в себе... Почти все время. О, Боже!.. Я так боюсь. Пожалуйста, прошу вас...

Камеры фиксировали эту сцену и в считанные минуты транслировали ее по всей Северной Америке и в добрую половину стран земного шара. Отлично! Просто прекрасно! Ричардс почувствовал, как напряглись его мышцы. Он опять начал надеяться.

Какое-то время стояла тишина. На контрольном пункте совещались.

— Очень хорошо, — прошептал Ричардс.

Она взглянула на него.

— Думаешь, трудно притвориться испуганной. Но не считай, что я с тобой заодно. Я просто хочу, чтобы ты убрался.

Ричардс впервые заметил, как совершенна ее грудь под заляпанной кровью черно-зеленой блузкой. Совершенна и бесценна.

Вдруг раздался скрежет, и она громко вскрикнула.

— Все в порядке, это всего лишь танк, — сказал он.

— Он отъезжает, они решили нас впустить.

— РИЧАРДС! ПРОЕЗЖАЙ НА СТОЯНКУ НОМЕР

16. ТАМ ТЕБЯ ЖДЕТ АВИАЦИОННАЯ ПОЛИЦИЯ. ОНА ВОЗЬМЕТ ТЕБЯ ПОД СТРАЖУ.

— Хорошо,— сказал он слабым голосом,— поезжай. Когда проедешь ворота, остановись через семьсот метров.

— Ты хочешь, чтобы меня убили,— сказала она безнадежно.— Мне всего-то и надо было в туалет, а теперь меня убьют.

Воздушная машина поднялась на десять сантиметров и тихо двинулась вперед. Ричардс пригнулся, ожидая нападения, когда они проезжали через ворота. Но напрасно. Гладкий черный автомобиль степенно двигался к главному зданию. На указателе было написано, где были необходимые номера стоянок. Они двигались правильно, к стоянкам 16-20.

Как раз там и расположилась полиция, согнувшись за желтыми баррикадами.

Ричардс сознавал, что при любом подозрительном движении, они в куски разнесут воздушную машину.

— Остановись здесь,— сказал Ричардс. Она повиновалась.

Реакция последовала незамедлительно.

— РИЧАРДС! НЕМЕДЛЕННО ПРОЕЗЖАЙ НА СТОЯНКУ 16.

— Скажи им, что мне нужен мегафон,— тихо сказал ей Ричардс.— Пусть они оставят его на дороге в двадцати метрах. Я хочу поговорить с ними.

Она прокричала его просьбу, и они стали ждать. Минуту спустя человек в голубой форме пробежал рысцой и положил на дорогу электромегафон. Он остановился там на мгновение, видимо, осознавая, что на него смотрят сейчас сотни миллионов людей, а затем снова удалился в забаррикадированную безвестность.

— Поехали,— сказал он ей.

Они медленно подъехали к мегафону, и, когда передняя дверца поравнялась с ним, она открыла ее и втащила мегафон в машину.

Он был бело-красный с буквами “Дж.А.” над прочерченной молнией.

— Отлично, сказал он,— как далеко мы находимся от главного здания?

Она прищурилась.

— Пожалуй, метрах в четырехстах.

— А от стоянки номер 16?

— В половине этого расстояния.

— Хорошо, просто отлично, — он почувствовал, что кусает себе губы и попытался остановиться. У него разболелась голова, и все тело стонало от избытка адреналина.

— Поезжай дальше и становись на стоянку 16.

— А потом?

Он натянуто и горько усмехнулся.

— Это место будет последней стоянкой Ричардса.

Отсчет: 036

Она остановила машину у въезда на стоянку 16.

— НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ! — заорал мегафон. — АВИАЦИОННАЯ ПОЛИЦИЯ ЗДЕСЬ! ПОВТОРЯЕМ ЕЩЕ РАЗ!

Ричардс впервые поднял свой мегафон.

— МНЕ НУЖНО ПОДУМАТЬ. ДЕСЯТЬ МИНУТ.

Последовала пауза.

— Неужели ты не понимаешь, что сам толкаешь их на это? — спросила она странным сдержанным голосом.

Он ответил коротким сдавленным смешком, как будто выпустил пар из чайника:

— Они понимают, что я собираюсь провести их, но не знают, как я это сделаю.

— Ничего у тебя не выйдет, неужели ты до сих пор этого не понял?

— Может, и выйдет...

Отсчет: 035

“Помнишь, когда Игры только начинались, люди счи-

тали, что это самое лучшее развлечение в мире, потому что никогда ничего подобного не было. Но, собственно, и они не были уж совсем чем-то оригинальным. Нечто подобное еще делали гладиаторы в Древнем Риме. И еще ведь есть покер. В покере высшая карта — флеш-рояль в пиках, а самая сложная игра в покере — это когда приходят четыре карты в цвет или в подбор, а одна — на сброс. Вот тогда и думай.

За мелкую монету ты можешь оставаться в игре, и может тебе обойдется всего в полдоллара посмотреть карты партнера, но, когда ставки растут, прикупная карта становится все дороже. После нескольких кругов торговли, когда на кону уже машина, дом и все твои сбережения, карта в прикупе стоит больше, чем Эверест. Точно также и в “Бегущем Человеке”. Только у меня нет денег, чтобы делать ставки. У них есть все: люди, оружие и время. Мы играем их картами, на их чипы и в их казино. Когда меня поймают, я просто загнусь. Но, может, мне удастся немного подтасовать карты? Я позвонил в программу новостей в Рокленде — это моя десятка пик. Они должны мне обеспечить нормальный ход событий, потому что за мной все наблюдают. После первого заграждения на дороге у них уже не было возможности тихо от меня избавиться.

Смешно, но именно “Свободное вещание” дает всей Системе такой успех. Если ты видишь это на экране “Свободного вещания”, значит это — взаправду. Так что, если вся страна видела, что полиция убила мою заложницу — благополучную представительницу среднего класса — они должны в это поверить. Они не должны рисковать. Система действует в очень жестких рамках доверия. Ну, не смешно ли? Мои люди уже здесь. На дороге уже и так были беспорядки. Если полиция или Охотники направят против нас свое оружие, может случиться что-то ужасное. Мне посоветовали держаться своих. Что же, Киллиан был прав, даже больше чем мог предположить. Одна из причин, почему они мягко со мной обошлись, была в том, что мои люди были здесь.

— Мои люди — это валет пик. Дама пик — это ты,

хозяйка положения. Я — король пик, мрачный тип с мечом.

Это мои карты на руке. Пресса, возможность столкновений, ты, я... Вместе они ничего не значат — четыре карты в масти! Любая пара побьет их. Без туза пик это все — дерьмо! Но с тузом — это высшая карта!"

Он взял ее маленькую сумочку из искусственной крокодиловой кожи на тонкой серебряной цепочке и сунул в карман, который заметно оттопырился.

— У меня нет туза, — задумчиво сказал он, — может, если бы поднапрячься, я бы его имел. Но у меня есть прикуп, который они не знают. Так что попробую блефнуть.

— У тебя нет никаких шансов, — сказала она глухим голосом. — Что ты можешь сделать с моей сумкой? Расстрелять их губной помадой?

— Я думаю, что они слишком долго вели нечестную игру, так что теперь им придется сворачиваться...

— РИЧАРДС! ДЕСЯТЬ МИНУТ ИСТЕКЛИ!

Ричардс поднес мегафон ко рту.

Отсчет: 034

— СЛУШАЙТЕ МЕНЯ ВНИМАТЕЛЬНО! — его голос гремел и перекатывался над просторами аэродрома. Полицейские напряженно ждали. Толпа застыла в замешательстве. — У МЕНЯ В КАРМАНЕ ДВЕНАДЦАТИФУНТОВАЯ ПЛАСТИКОВАЯ БОМБА — ТО, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ "ЧЕРНЫЙ ИРЛАНДЕЦ". ДВЕНАДЦАТЬ ФУНТОВ ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ РАЗНЕСТИ ВСЕХ И ВСЯ В РАДИУСЕ ПЯТЬСОТ МЕТРОВ И, НАВЕРНОЕ, ДАЖЕ ВЗОРВАТЬ СКЛАД ГОРЮЧЕГО АЭРОПОРТА. ЕСЛИ ВЫ НЕ ВЫПОЛНИТЕ ТОЧНО ВСЕ МОИ ИНСТРУКЦИИ, Я ВЗОРВУ ВАС ВСЕХ К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ! ВЗРЫВНЫЕ УСТРОЙСТВА ВСЕЙ СИСТЕМЫ "ДЖЕНЕРАЛ АТОМИКС" ЗАДЕЙСТВОВАНЫ. ОДИН ТОЛЧОК — И ВЫ ВСЕ МОЖЕТЕ

ЗАСУНУТЬ ГОЛОВУ МЕЖДУ НОГ И ПОЦЕЛОВАТЬ СЕБЕ ЗАДНИЦУ НА ПРОЩАНИЕ!

В толпе раздались крики, и она отхлынула в едином движении. Полицейским на баррикадах вдруг некого стало сдерживать. Мужчины и женщины в панике бросились через дорогу и поле к воротам, перелезали через заграждения вокруг аэропорта.

Полицейские застыли в нерешительности: они не сомневались, что Ричардс говорит правду.

— **РИЧАРДС!** — прогремел голос из мегафона. — **ЭТО ЛОЖЬ! ВЫХОДИ!**

— **ХОРОШО, Я ВЫХОЖУ,** — прогремел он в ответ. — **НО ПРЕЖДЕ ПОЗВОЛЬТЕ ДАТЬ ВАМ УКАЗАНИЯ. МНЕ НУЖЕН ПОЛНОСТЬЮ ЗАПРАВЛЕННЫЙ САМОЛЕТ И ЭКИПАЖ. САМОЛЕТ ЛУЧШЕ — “ЛОКХИД” “Дж.А.” ИЛИ “ДЕЛЬТА-СУПЕРСОНИК”. ЗАПРАВКА, КАК МИНИМУМ НА ТРИ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ, ДАЮ ВАМ ПОЛТОРА ЧАСА НА ЭТО.**

Жужжали камеры, сверкали вспышки. Журналисты выглядели озабоченными. Но прямо-таки чувствовалось физическое давление пятисот миллионов зрителей. Они-то были настоящие. Значит и работа эта — не шутка. А этот “Черный ирландец” в кармане Ричардса мог быть просто игрой большого воображения преступника.

— **ЭЙ, РИЧАРДС!** — от кучки автомашин в пятидесяти ярдах от стоянки номер 16 отделился человек. Несмотря на прохладную осеннюю погоду на нем были лишь черные брюки и белая рубашка с закатанными рукавами. В руках у него был огромный мегафон, даже больше, чем у Ричардса. Издалека Амелия смогла различить лишь, что на нем были маленькие очки — в их стеклах отражался закат.

— **Я, ЭВАН МАККОУН**

Ну, конечно, он знал это имя. И, видимо, оно должно было вызывать страх. И он не удивился, когда действительно почувствовал страх. Эван Маккоун был главным Охотником. “Прямой потомок Эдгара Гувена и Генриха Гиммлера, — подумал он. — Чудовище, которым можно пугать детей (Если ты не перестанешь играть спичками, Джонни, я выпущу мистера Маккоуна из кладовки)”.

Вдруг из закоулков памяти выплыло: а ты как раз тот, кто мне нужен, братишка!

— ТЫ ВРЕШЬ, РИЧАРДС! ЕСЛИ У ТЕБЯ НЕТ КЛАССИФИКАЦИИ “ДЖЕНЕРАЛ АТОМИКС”, ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПОЛУЧИТЬ ВЗРЫВЧАТКУ.

ОТПУСТИ ЖЕНЩИНУ И ВЫХОДИ! МЫ НЕ ХОТИМ, ЧТОБЫ И ОНА ПОЛУЧИЛА ПУЛЮ!

Амелия издала какой-то слабый шипящий звук.

Ричардс проревел в ответ:

— МОЖЕТ БЫТЬ, ВСЕ ТАК И ЕСТЬ В МЕСТЕЧКЕ ШЕЙКЕРХЕЙТС, МАЛЫШ. А НА УЛИЦЕ ТЫ МОЖЕШЬ КУПИТЬ “ДИНАКОР” НА КАЖДОМ УГЛУ, ЕСЛИ, КОНЕЧНО, У ТЕБЯ ЕСТЬ НАЛИЧНЫЕ. Я ПОЛУЧИЛ ДОСТАТОЧНО, ПРИЧЕМ ИМЕННО ОТ ФЕДЕРАЦИИ ИГР. ДАВАЙ-ДАВАЙ, У ТЕБЯ ОСТАЛОСЬ ВСЕГО ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ МИНУТ.

— НИЧЕГО НЕ ВЫЙДЕТ!

— ЭЙ, МАККОУН!

— НУ, ЧТО?

— СМОТРИ, Я ОТПУСКАЮ ЖЕНЩИНУ, ОНА ВИДЕЛА “ИРЛАНДЦА”, — Амелия смотрела на него, оцепенев от ужаса. — А ТЫ ДАВАЙ-КА ЗАПРАВЛЯЙ САМОЛЕТ, ОСТАЛОСЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ МИНУТ. Я НЕ ШУЧУ, ЗАСРАНЕЦ! ОДНА ПУЛЯ — И ВСЕ МЫ ВЗЛЕТИМ НА ЛУНУ!

— Нет, — прошептала она. На ее лице было написано недоверие. — Не думаешь же ты, что я буду врать для твоей же пользы?

— Если не будешь, значит меня прикончат. Я возможно сейчас плохо соображаю, что говорю, из-за ран и потери крови, но я уверен, что это самое лучшее, что я могу предпринять. Слушай: динакор — это белое плотное вещество, немного жирное на ощупь. Оно...

— Нет, нет и еще раз нет! — она зажала уши ладонями.

— Он выглядит, как кусок мыла “айвори”, хотя еще плотнее. Теперь о взрывателе...

Она заплакала.

— Я не могу. Ты не понимаешь, что ли? У меня есть гражданский долг. Моя совесть... Я должна...

— Ах, да. И еще, если они поймут, что ты врешь... — добавил он сухо. — Да, только они не поймут. Потому что, если ты прикроешь меня, они клюнут на это... и я буду свободен, как птичка...

— Я не могу.

— РИЧАРДС! ОТПУСТИ ЖЕНЩИНУ!

— Взрыватель золотистого цвета, — продолжал он, — около пяти сантиметров в диаметре. Похож на колечко от ключей, но без ключей, конечно. К нему приделан тоненький стержень — как карандаш — и пусковой механизм с буквами “Дж.А.” А он похож на ластик на карандаше.

Она начала раскачиваться взад и вперед, держа лицо обеими ладонями и разминая его как тесто.

— Я сказал им, что вытащил его наполовину. Это значит, что ты могла разглядеть только маленький зазор на поверхности “ирландца”. Поняла?

Она не ответила, лишь застонала и продолжала раскачиваться.

— Ну, конечно, поняла. Ты ведь умница, правда?

— Я не буду врать.

— Если они спросят тебя о чем-нибудь еще, ты больше ничего не знаешь. Ты ничего не видела, потому что была очень напугана. Заметила только, что все время с первого ограждения на дороге я держался за кольцо. Ты не знаешь, что это такое, но оно было у меня в руке.

— Лучше убей меня сразу!

— Давай, выходи! — сказал он.

Она смотрела на него с ужасом, рот скривился, глаза, как угли. Куда делась неприступная самоуверенная, красавица? Он подумал, а сможет ли она когда-нибудь снова стать такой? Нет, навряд ли. Полностью, никогда.

— Давай! Давай, иди! — сказал Ричардс.

— Я... Я... О, Господи!

Она толкнула в дверь, и то ли выпрыгнула, то ли выпала из машины. Но тут же вскочила на ноги и побежала. Ее волосы развевались на бегу. Она казалась очень красивой, просто божественной, когда неслась в свете сотен вспышек фотокамер.

Карабины поднялись наизготовку, потом опустились

— и толпа поглотила ее. Ричардс рискнул выглянуть в окно со стороны водителя, но ничего не заметил.

Он снова съехал вниз на кресле, посмотрел на часы и стал ждать конца.

Отсчет: 033

Красная секундная стрелка на его часах сделала два оборота, еще два. И еще.

— РИЧАРДС!

Он поднял мегафон ко рту:

— СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ МИНУТ, МАККОУН.

Нужно все сыграть до конца. Это — единственный способ действий. Как раз до того момента, когда Маккоун отдаст приказ стрелять. Все произойдет мгновенно. Да и вообще, какое к черту, это имеет значение?

И тут после долгой, казалось, бесконечной паузы вдруг прозвучало сдержанно:

— НАМ НЕОБХОДИМО ВРЕМЯ! ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ТРИ ЧАСА. СЕЙЧАС НА СТОЯНКАХ НЕТ НИ "ЛОКХИДА", НИ "ДЕЛЬТЫ". НАДО ПОДОЖДАТЬ, ПОКА ОНИ ПРИЛЕТЯТ.

Молодец, она все-таки сказала! О, Боже всемогущий! Женщина, бывшая, казалось, на краю пропасти, переступила через все страхи. И ведь ничем не связана! Никто ее обратно не притащит. Поразительно.

И конечно же, они ей поверили. В этом-то и заключаются их обязанности — никому не доверять. Наверняка, они затащили ее в какую-нибудь комнатку в здании аэропорта, и с полдюжины маккоуновских сыщиков ее сейчас допрашивают. *"Ну, конечно, вы сейчас расстроены, миссис Уильямс. Но это все формальности. Не повторите ли еще раз для протокола?.. Нас смущает кое-что... Вы уверены, что все было именно так, а не наоборот? Откуда вы знаете?.. Почему? И что он тогда сказал?.."*

Итак, самый верный шаг для них — потянуть время. Подсунуть Ричардсу сначала одну отговорку, потом дру-

гую. “У нас проблемы с топливом, нужно время. Нет свободных экипажей, нужно время. Над взлетной полосой 07 летающая тарелка, нужно время. И потом, мы ее еще не до конца раскололи. Она еще не призналась, что ваше взрывное устройство — всего лишь сумочка из поддельной крокодиловой кожи, набитая бумажными салфетками, мелочью, косметикой и кредитками. И нам опять же нужно время. Мы пока не можем рискнуть застрелить вас. Нам нужно время”.

— РИЧАРДС!

— СЛУШАЙТЕ,— проревел он в ответ.— У ВАС СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ МИНУТ, А ПОТОМ ВСЕ ВЗЛЕТИТ НА ВОЗДУХ!

Молчание.

Любопытные зрители потянулись обратно, несмотря на нависшую тень Армагеддона. В их глазах помимо страха сквозило что-то сексуальное. Кто-то притащил переносные прожекторы, и лучи света сфокусировались на маленькой воздушной машине, вырывая ее из темноты и освещая все мельчайшие детали.

Ричардс тщетно пытался представить себе комнату, где они держали ее, пытаясь вытянуть правду. Прессу, конечно, не допустили. Люди Маккоуна, наверняка, попытаются запугать ее до смерти и, возможно, даже преуспеют в этом. Но как далеко они смогут зайти в обращении с женщиной, которая не является представительницей гетто, где люди не имеют собственного лица? Наркотики! Конечно. Ричардс был уверен, что они воспользуются наркотиками. Маккоун обязательно даст такую команду. Эти наркотики заставят даже мрачного индейца выболтать все о своей жизни, как школьника. Эти наркотики даже и священника заставят рассказать все, что он услышал от исповедующихся так складно, как будто он диктует на диктофон.

А может, немного насилия? Современные электрические дубинки, которые хорошо зарекомендовали себя во время бунтов в Сиэтле в 2005 году. Или они просто будут долбить ее своими вопросами?

Эти мысли были бесполезными, но он не мог отбросить их и не думать о ней. Позади основного здания аэропорта

послышался очень четкий звук — так ревет “Локхид”, когда прогревают его двигатели. Его “птичка”! Звук то нарастал, то падал. Когда внезапно рев прекратился, он понял, что началась заправка. Если он поторопится, это займет двадцать минут. “Но вряд ли они будут торопиться?” — подумал Ричардс.

Так-так! Все карты на столе, кроме одной.

Ну, что, Маккоун, ты все еще надеешься просверлить ее мозг своим взглядом?

На летное поле легли длинные тени. Все напряженно ждали.

Отсчет: 032

Ричардс понял, что все это вранье — когда говорят, что время остановилось. А иногда хорошо бы было, если бы так случилось. Тогда по крайней мере, не на что было надеяться.

Дважды голос в мегафоне орал ему, что он врет. И тогда он им отвечал, что, если это так, пусть стреляют. Пять минут спустя тот же голос сообщил, что крышки люка у “Локхида” замерзли и что заправлять придется другой самолет. Ричардс сказал им, что согласен на это, если только самолет взлетит в указанное время.

Минуты текли невыносимо медленно. Осталось двадцать шесть, двадцать пять, двадцать две, двадцать (О, Господи, может быть, она еще не раскололась!) восемнадцать, пятнадцать (двигатели опять взвыли, видимо экипаж проверял систему зажигания и осуществлял контрольные операции), десять минут, восемь...

— РИЧАРДС!

— НА МЕСТЕ.

— НАМ ПРОСТО НЕОБХОДИМО ЕЩЕ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ. КРЫШКИ ЛЮКОВ ЗАМЕРЗЛИ НАМЕРТВО, МЫ ХОТИМ РАЗМОЧИТЬ ЛОПАСТИ ТУРБИНЫ ЖИДКИМ ВОДОРОДОМ, НО НАМ НА ЭТО НУЖНО ВРЕМЯ.

— У ВАС ЕГО ДОСТАТОЧНО. ЦЕЛЫХ СЕМЬ МИ-

НУТ. А ПОТОМ Я ОТПРАВЛЯЮСЬ НА ПОЛЕ ПО СПЕЦДОРОЖКЕ. Я БУДУ ВЕСТИ МАШИНУ ОДНОЙ РУКОЙ. А ДРУГОЙ БУДУ ДЕРЖАТЬ КОЛЕЧКО, САМИ ЗНАЕТЕ КАКОЕ. ВСЕ ВОРОТА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТКРЫТЫ. И ЗАПОМНИТЕ, Я ВСЕ ВРЕМЯ БУДУ ПОБЛИЗОСТИ ОТ СКЛАДОВ С ГОРЮЧИМ.

— ТЫ, КАЖЕТСЯ, НЕ ПОНИМАЕШЬ, МЫ...

— ВСЕ, РАЗГОВОР ОКОНЧЕН, РЕБЯТА, ШЕСТЬ МИНУТ..

Секундная стрелка совершила свои неумолимые круги. Осталось три минуты, две, одна...

Они попытаются доконать ее там, в маленькой комнатке, в аэровокзале. Он уже не мог представить себе эту картину, да и образ Амелии уже не был четким. Другие перекрывали его. Одно какое-то сборное лицо маячило перед ним, в нем были и Стейси, и Брэдли, и Элтон и Вирджиния Парракис, и мальчишка с собакой. Он помнил только, что она была гладкой и хорошенькой, благодаря, вероятно, чудесам косметики фирм "Макс Фактор" и "Ревлон", а также пластической хирургии, которая подправляла, подтягивала, разглаживала и выравнивала. Гладкая, нежная, но кое в чем, очень твердая. В чем твоя твердость, а, англо-саксонская женщина? И достаточно ли ты тверда? Или ты как раз сейчас сломаешь всю игру?

Он почувствовал, как что-то теплое потекло по подбородку. Оказывается, он прокусил губу, и не в одном, а в нескольких местах. Он вытер рот в задумчивости — на руке остались кровавые полосы — завел мотор. Машина послушно поднялась, гремя соплами.

— РИЧАРДС! ЕСЛИ ТЫ ТРОНЕШЬСЯ С МЕСТА, МЫ БУДЕМ СТРЕЛЯТЬ! ДЕВУШКА ВСЕ РАССКАЗАЛА. МЫ ВСЕ ЗНАЕМ!

Но выстрелов не последовало.

Ну, что же, уже легче!

Спецдорожка представляла собой довольно крутой виадук вокруг закругленного футуристического западного здания. По обеим сторонам ее расположились полицейские, полностью оснащенные всем, от слезоточивого газа до тяжелого оружия. Лица их ничего не выражали — служебная маска. Ричардс сидел очень прямо за рулем и медленно продвигался по этому живому коридору, а они смотрели на него отсутствующими тупыми взорами. Видимо, подобным образом должны смотреть коровы на взбесившегося фермера, который разлегся на полу хлева и орет благим матом.

Ворота в специальную зону (*Внимание! Предъявляйте пропуск. Не курить! Посторонним вход воспрещен*) были открыты настежь, и Ричардс важно проследовал через них мимо рядов бензозаправщиков с высокооктановым топливом и маленьких частных самолетов, закрепленных “костылями” на своих стоянках. За ними была широкая, темная от масла рулевая дорожка и несколько боковых ответвлений. Вот тут-то и ждала его “птичка” — огромный белый реактивный лайнер с дюжиной мягко урчащих турбин. А дальше до горизонта протянулась взлетная полоса, отчетливо различимая в наступающих сумерках. Четверо служащих в комбинезонах подкатили к самолету трап. Ричардсу он показался лестницей на эшафот. И как бы для полноты картины из тени, отбрасываемой брюхом самолета, уверенными шагами вышел палач — Эван Маккоун.

Ричардс поглядел на него, как смотрят на знаменитость, когда ее видят впервые, независимо от того, сколько раз ты его видел по трехмерному ТВ, ты поверишь в его реальность, когда увидишь во плоти. Но потом происходит нечто странное, что-то типа галлюцинации: кажется, что объективная реальность не может существовать отдельно от образа на экране.

Маккоун был маленьким человечком, в очках без оправы с намеком на брюшко под хорошо скроенным костюмом. Ходили даже сплетни, что Маккоун носит туфли со

специальными набойками, чтобы выглядеть выше, но если даже и так, то по крайней мере это было незаметно. На лацкане его пиджака был виден маленький серебряный значок в виде флажка. В целом он совсем не был похож на монстра, этот наследник таких организаций с мешаниной букв в аббревиатуре, как ЦРУ и ФБР.

Он не был похож на человека, создавшего целую па-литру страха.

— Бен Ричардс, — он говорил без мегафона, и поэтому его голос казался мягким и интеллигентным, но ни чуть не женственным.

— Ну, что?

— У меня с собой подписанный указ Федерации Игр, которая является аккредитованной компанией Главной комиссии по коммуникациям, о твоём аресте и казни. Ты готов подчиниться?

— Мчусь на всех парусах!

— Ну, что ж... — казалось, Маккоун был доволен таким ответом. — Все формальности соблюдены. Я подчиняюсь формальностям, а ты? Ах, нет. Ты, конечно, нет. Ты был очень необычный участник Игры. И благодаря этому ты до сих пор жив, а ты знаешь, что ты превысил рекорд “Бегущего Человека” в восемь дней и пять часов два часа назад? Ну, конечно, ты этого не знаешь. Но это так! Да-да! А твой побег из ХСМЛ в Бостоне просто безупречен! А полагаю, что рейтинг Нильсена в программе поднялся на двенадцать пунктов.

— Прекрасно.

— Конечно, мы чуть тебя не схватили во время портлендской интерлюдии. Но тут не повезло. Этот человек, Парракис, поклялся на последнем вздохе, что ты сел на корабль в Оберне. Мы поверили ему. Он был такой запуганный. Ему, наверное, было очень страшно.

— Наверное, — тихо отозвался Ричардс.

— Но это последнее представление просто великолепно. Поздравляю! В каком-то смысле мне даже жаль, что Игра окончена. Я полагаю, что мне никогда больше не придется соревноваться с таким изобретательным противником.

— Очень жаль, — сказал Ричардс.

— Так что, это — конец, — сказал Маккоун. — Женщина раскололась. Мы ввели ей содиум пенотал. Старое средство, но верное.

Он вытащил маленький револьвер.

— Итак, выходите, мистер Ричардс. Я скажу вам последнюю любезность. Я сделаю это здесь, где нас не смогут заснять на пленку. Ваша смерть произойдет в отнositельном уединении.

— Ну, что ж, тогда приготовьтесь, — ухмыльнулся Ричардс.

Он открыл дверь и вышел из машины. Двое мужчин смотрели друг на друга, стоя на пустынной бетонной площадке.

Отсчет: 030

Первым нарушил молчание Маккоун. Он откинул голову назад и засмеялся. Его смех был очень интеллигентным, мягким, просто бархатным.

— Ох, мистер Ричардс, ну ты и молодец! Поднимаешь ставки? Я от всего сердца поздравляю тебя: женщина не призналась. Она все время упрямо твердит, что сверток у тебя в кармане — на самом деле “черный ирландец”. Мы не можем ввести ей пенотал, так как он оставляет следы. Один только укол — и наш секрет будет рас-

крыт. Мы запросили три ампулы каногена из Нью-Йорка. Не оставляет никаких следов. Мы ждем его через сорок минут. Но, к сожалению, не успеваем. Конечно, она врет, это очевидно. Если ты разрешишь мне воспользоваться тем, что вы, ребята, называете элитарностью, я позволю себе заметить, что средний класс врет хорошо

только по поводу секса. Можно я сделаю еще одно замечание? Ну, конечно, можно. И я это сделаю,— Маккоун засмеялся.— Я подозреваю, что у тебя в кармане ее сумочка. У нее пустые руки, а она ехала за покупками. Мы очень наблюдательны. Что же случилось с ее сумочкой, Ричардс, если она не у тебя в кармане?

Он не поддался на эту уловку.

— Застрели меня, если ты так уверен.

Маккоун печально развел руками:

— Как бы мне этого не хотелось, но с человеческой жизнью нельзя шутить, даже если шансы пятьдесят к одному в твою пользу. Это очень похоже на “русскую рулетку”. Человеческая жизнь — это святое. И Правительство — *наше правительство* — это осознает. Мы — гуманисты.

— Да, это точно,— сказал Ричардс и мрачно улыбнулся.

Маккоун заморгал:

— Ну вот, видишь?..

Ричардс поежился. Этот человек его завораживал. Минуты летели, и уже из Бостона летел вертолет с тремя ампулами на борту. И, если Маккоун сказал “через сорок минут”, это значит через двадцать. А он все стоял и слушал, как этот человек своим звенящим голосом поет свои гимны. О, Боже, он, действительно, чудовище!

— Короче, слушая меня,— резко оборвал его Ричардс,— когда вы ей впрыснете эту дрянь, она вам будет петь ту же самую песню. Так что запомни: у меня в кармане именно это, понял?

Он уперся взглядом в Маккоуна и пошел прямо на него. Ну все, пока, дерьмо собачье!

Маккоун отступил. Ричардс прошел, задев его рукавом, но даже не потрудился взглянуть в его сторону.

— Между прочим, палец-то у меня все время на взрывателе. Хочешь верь, хочешь — нет,— он с удовольствием отметил, что Маккоун задышал чаще.

— Ричардс!

Он взглянул на него со ступенек, а Маккоун глядел на него снизу, и дужки его очков блестили и переливались.

— Когда ты взлетишь, мы собьем тебя ракетой “зем-

ля-воздух". А публике объявим, что Ричардс, мол, случайно дернул за колечко.

— Да, нет, вы этого не сделаете.

— Почему же?

Ричардс улыбнулся и резонно заметил:

— Мы будем лететь очень низко над густо населенными районами. Добавь еще двенадцать баков горючего и три килограмма в "черном ирландце" — и в перспективе ты будешь иметь большой "бум". Даже слишком большой. Ты, вероятно, сделал бы это, если бы тебе все сошло с рук, но, увы, ты так просто не вывернешься. — Он замолчал на секунду. — И потом, если ты такой умник, неужели ты не можешь представить меня под парашютом?

— Да-да, — спокойно сказал Маккоун. — Парашют в первом салоне. Старый трюк, мистер Ричардс. Или у вас еще что-нибудь припасено?

— Я полагаю, что ты не такой дурак, чтобы что-то намухлевать с парашютом?

— Нет. Это было бы слишком очевидно. И потом, я думаю, ты ведь все равно дернешь за это несуществующее кольцо взрывателя перед тем, как упасть. Эффектный взрыв в воздухе!

— Пока коротышка!

— До свидания, мистер Ричардс. И счастливого путешествия, — он ухмыльнулся. — Да, ты заслуживаешь откровенности. Поэтому я открою еще одну карту, но только одну. Мы подождем, когда привезут каноген, прежде чем начнем действовать. Ты абсолютно прав насчет ракеты. Это просто блеф. Ну что ж, опять поднимем ставки и посмотрим карты, а? Но я могу и подождать. Ты знаешь, я никогда не ошибаюсь. Никогда. И я знаю, что блефуешь. Поэтому мы и подождем. Но будем внимательно следить за полетом. До встречи, мистер Ричардс, — он помахал рукой.

— До скорой встречи, — сказал Ричардс, но настолько тихо, что Маккоун не расслышал. И улыбнулся.

Салон первого класса был довольно длинный, с тремя рядами кресел, отделанный настоящей секвойей. Толстый бордовый ковер покрывал пол. Экран трехмерного ТВ свисал с потолка и занимал половину стены между первым классом и кухней. В кресле номер 100 лежал громоздкий куль с парашютом. Ричардс пошлепал его, проходя на кухню. Кто-то даже заправил кофеварку.

Он вошел в другую дверь и остановился в узком проходе, ведущем в пилотскую кабину. Справа сидел радист, человек лет тридцати с глубокими мимическими морщинами на лице. Он с горечью взглянул на Ричардса, а затем снова перевел взгляд на приборы. Немного впереди слева сидел штурман, обложившись планшетами, маршрутными схемами и картами в пластиковых обложках.

— А вот и парень, который собирается всех нас угробить, ребята, — сказал он в микрофон, висевший на шее. Он смерил Ричардса холодным взглядом.

Ричардс промолчал. В конце концов этот человек мог оказаться прав. Хромая, он пошел дальше в нос самолета.

Командиру корабля было за пятьдесят — старая рабочая лошадка с красным носом отменного пьяницы. Но глаза — удивительно ясные, таких у алкоголиков не бывает. Второй пилот был лет на десять моложе с шикарнейшей копной рыжих волос, выбивавшихся из-под форменной фуражки.

— Приветствую вас, мистер Ричардс, — сказал командир. Он взглянул сперва на оттопыренный карман и только потом в лицо Ричардса. — Простите, что я не подаю вам руки. Я — командир корабля Дон Холлуэй. А это мой второй пилот Уэйн Данингер.

— Учитывая сложившиеся обстоятельства, я-то не очень рад приветствовать вас, — сказал Данингер.

Ричардс скривил рот.

— Тогда в том же духе позвольте мне сказать, что мне очень жаль, что я оказался здесь. Капитан Холлуэй, у вас есть связь с Маккоуном?

— Конечно. Через Киппи Фридмана, нашего радиста.

— Дайте-ка мне что-нибудь, через что я бы смог сказать пару слов.

Холлуэй небрежным жестом протянул ему микрофон.

— А вы давайте готовьтесь к взлету,— сказал Ричардс,— у вас есть пять минут.

— Не хотите ли, чтобы мы еще раз проверили противозрывные задвижки на дверях?— спросил с явным рвением Данингер.

— Занимайтесь своим делом,— отрезал Ричардс. Пора было делать последнюю ставку. Ему показалось, что его мозг вскипает и может взорваться в любую минут. Давай, поднимай ставку и смотри карты — вот и все. Ну, что ж, попробую взвинтить их до предела, Маккоун.

— Мистер Фридман!

— Да!

— На связи Ричардс. Он хочет поговорить с Маккоуном.

Тишина в эфире с полминуты. Холлуэй и Данингер больше не наблюдали за ним; они занимались подготовкой к взлету: проверяли показания приборов, указатели давления, систему герметичности и так далее. Двигатели снова взревели, и когда голос Маккоуна раздался в наушниках, его можно было с трудом услышать из-за ужасного шума.

— Говорит Маккоун.

— Давай-ка, гнида, собирайся. Бери женщину. Полетите с нами. Чтобы был у грузового люка через три минуты. Иначе я дерну за колечко.

Данингер застыл в своем кресле, как будто его парализовало. Когда он снова пришел в себя и начал говорить с диспетчерской, называя какие-то цифры, его голос звучал глухо и испуганно.

Ну, хватит у него духу? То, что он потребовал вернуть женщину, выдает его с головой. Хватит ли духу.

Ричардс ждал.

Часы тикали в его голове.

Когда снова прорезался голос Маккоуна, в нем была какая-то иная, неистовая нота. Он боялся? Вероятно. Ричардс почувствовал, как сердце сжалось у него в груди. Может быть, все и получится... Может быть.

— Ты сбрендил, Ричардс, я не...

— Слушай, ты,— рявкнул Ричардс, перекрывая голос Маккоуна.— И пока слушаешь, имей ввиду, что нашу беседу слышит каждый диспетчер в радиусе ста километров. Об этом разговоре сразу станет известно. Ты же работаешь не в пустом пространстве, коротышка. Ты на большой сцене. И ты обязательно придешь ко мне, потому что у тебя кишка тонка, чтобы подставить меня, потому что ты знаешь, что тогда ты сдохнешь. А женщину возьмешь, потому что я ей сказал, куда собираюсь лететь.

Слабовато. А ну, поддай-ка ему сильней. Не давай ему опомниться!

— Даже если ты и выживешь, когда я дерну за кольцо, ты не сможешь наняться даже продавцом яблок,— Ричардс сжимал сумочку в кармане с каким-то маниакальным остервенением.— Вот так! Три минуты и все! Передача окончена.

— Ричардс, подожди!..

Ричардс действительно выключил микрофон, прервав Маккоуна на полуслове. Он передал микрофон Холлуэй. Тот взял его слегка дрожащими пальцами.

— Ну ты и крут,— медленно произнес Холлуэй.— Это уж точно. Я таких крутых еще не видел.

— Да уж. Но представляю, как он всех крутанет, если потянет за это колечко,— сказал Данингер.

— Пожалуйста, готовьтесь к взлету,— сказал Ричардс.— Я пойду встречу наших гостей. Мы взлетаем через пять минут.

Он прошел по салону, перебросил парашют на кресло около окна. Потом сел и уставился на дверь, соединявшую салоны первого и второго класса. Скоро все станет ясно. Очень скоро.

Его рука нетерпеливо сжимала и поглаживала сумочку Амелии.

Снаружи почти совсем стемнело.

Отсчет: 027

Оставалось еще сорок пять секунд, когда они поднялись по трапу. Амелия запыхалась и была здорово напугана. Ее волосы развевались, как грива на ветру, который постоянно носился по этому двухмерному пространству, созданному руками человека.

Маккоун был все тот же: подчеркнуто аккуратный, даже, казалось, безмятежный, но глаза его горели безумным гневом.

— Ты ничего не выиграл,— сказал он тихо,— мы еще не выложили все козыри.

— Очень рад снова вас видеть, миссис Уильямс,— проворковал Ричардс и как будто подал ей сигнал, потянув за какую-то невидимую ниточку. Она заплакала. Это не было похоже на истерику. Это был какой-то странный утробный звук, исходивший из глубины ее тела. Она уже не могла себя контролировать, согнулась в диком приступе отчаяния и упала на плюшевый ковер в салоне первого класса, схватившись за лицо руками, как будто пытаясь удержать его на месте. Кровь Ричардса на ее блузке уже засохла и превратилась в безобразное коричневое пятно. Ее широкая юбка, прикрывшая ноги, делала ее похожей на увядший цветок.

Ричардсу стало жаль ее. Конечно, жалость унижительна, но это все, что он мог сейчас чувствовать.

— Мистер Ричардс! — в микрофоне раздался голос Холлуэя.

— Да.

— Разрешите... то есть мы можем взлетать?

— Да.

— Тогда я даю распоряжение команде наземной службы отогнать трапы и задраить двери. Не беспокойтесь об этом.

— Хорошо, капитан, спасибо.

— Ты себя выдал, когда потребовал привести женщину. Ты понимаешь это?— казалось, Маккоун улыбался и злился одновременно, при этом он сжимал и разжимал кулаки, и в этом зрелище было что-то параноидальное.

— И что?— спокойно спросил Ричардс.— Поскольку ты всегда прав, ты несомненно заставишь меня прыгнуть до того, как мы взлетим. Таким образом, ты будешь вне опасности и будешь цвести и пахнуть, точно?

Маккоун издал слабый звук, похожий на рычание, и затем сжал губы так, что они побелели. Но не пошевелился. Вибрация в кабине усиливалась по мере того, как самолет набирал обороты.

Звук вдруг затих — дверь в салоне второго класса закрыли.

Ричардс нагнулся к иллюминатору и увидел, как наземники откатывали трап.

“Теперь мы все на эшафоте”, — подумал Ричардс.

Отсчет: 026

Справа от трехмерного экрана загорелось табло: “Не курить! Застегнуть ремни!” Самолет начал медленно и степенно разворачиваться. Все сведения о реактивных самолетах Ричардс почерпнул из фильмов или книг — в основном, конечно, приключенческих. Но в самом лайнере ему приходилось находиться только второй раз. Аэроплан, на котором он летал из Хардинга в Нью-Йорк, казался корытом по сравнению с этой махиной. Его завораживало движение мощных шасси где-то внизу.

— Амелия.

Она не сразу подняла глаза. Потом взглянула на него отсутствующим взглядом. Слезы все еще текли по щекам.

— Угу, — голос был какой-то надтреснутый, отдаленный, как будто она не соображала, где находится.

— Иди поближе. Мы взлетаем. А ты, коротышка, гуляй, где хочешь, только не беспокой экипаж.

Маккоун промолчал и уселся возле шторки, отделявшей салон первого класса от второго. Потом, видимо переудав, он прошел в другой салон.

Ричардс передвинулся поближе к женщине, держась за спинки кресел.

— Я бы хотел сесть возле окна, я летал всего один раз,— он попытался улыбнуться, но она смотрела на него отрешенно.

Он протиснулся мимо нее к окну, она села рядом и застегнула на нем ремень, чтобы ему не пришлось вытаскивать руку из кармана.

— Ты — как кошмарный сон, который никак не закончится,— сказала она.

— Прости.

— Я не...— начала, но он быстро прикрыл ей рот рукой и покачал головой. Он только губами показал:— Молчи!

Самолет бесконечно медленно развернулся, ревя турбинами, и тяжело двинулся к взлетной полосе, как будто большая неуклюжая утка собиралась сойти на воду. Он был таким громадным, что Ричардсу казалось, будто движется не самолет, а земля под ним.

А вдруг это все иллюзия. Может быть, они выставили за окнами трехмерные прожекторы и...

Он прервал свои размышления.

Вот они достигли конца рулевой дорожки, и самолет неуклюже повернул направо. Они проругили мимо взлетной полосы номер три, затем номер два и номер один, повернули налево, и самолет на секунду притормозил.

Холлуэй сказал в микрофон:

— Взлетаем, мистер Ричардс.

Вначале самолет двигался медленно, не быстрее воздушной машины, а затем вдруг так быстро стал набирать скорость, что Ричардс чуть на закричал от ужаса.

Он был вдавлен в мягкую спинку кресла, сигнальные огни на поле мелькали с бешеной скоростью. Двигатели

продолжали накручивать обороты. Пол опять начал вибрировать.

Он вдруг почувствовал, что Амелия с искаженным лицом от ужаса держится за его плечо обеими руками.

О, Господи, она тоже никогда не летала!

— Мы летим! — сказал он. И бессознательно повторил несколько раз: — Мы летим. Летим. Летим!

— Куда? — спросила она шепотом.

Он не ответил. Только сейчас он попытался задуматьсь над этим.

Отсчет: 025

Двое полицейских на восточном контрольном пункте при въезде в аэропорт следили за тем, как огромный лайнер на взлетной дорожке набирал скорость. Оранжевые и зеленые бортовые огни мигали в наступающей темноте, вой турбин отдавался в ушах.

— Улетает! Надо же, он улетает!

— Куда? — спросил другой.

Они наблюдали, как черная тень удалилась от земли. Двигатели издавали глухой монотонный гул, как будто во время артиллерийской канонады морозным утром. Он резко поднимался ввысь — такой обычный, реальный и осязаемый, как кусок масла на тарелке, и в то же время, такой неправдоподобный в воздухе.

— Ты думаешь, у него все получится?

— Черт его знает!

Рев моторов доносился до них ниспадающими волнами.

— Знаешь, что я тебе скажу? — первый полицейский оторвал глаза от удаляющихся огней и поднял воротник. — Я очень рад, что он прихватил с собой этого подонка Маккоуна.

— Можно задать тебе личный вопрос?

— Только при условии, что я не должен буду на него отвечать.

— А тебе хотелось бы увидеть, как он потянет за колечко?

Первый полицейский долго молчал, прислушиваясь к затухающему звуку моторов. И только когда наступила полная тишина, он ответил:

— Да.

— Думаешь, он смог бы?

Луна скатилась на небе.

— Эх, приятель, думаю, еще будет большой “бум”.

Отсчет: 024

Земля провалилась под ними. Ричардс в восторге уставился в окно, забыв про свою чашку. Первый свой полет он проспал, как будто для того, чтобы во всей полноте ощутить именно этот. Небо приобрело более глубокий оттенок между темно-синим и черным. Звезды неуверенно мигали. На западе горизонт был окрашен в ярко-оранжевые тона — единственное напоминание о закатившемся светиле — но на черной земле этот свет не отражался. Кучка огней внизу — должно быть, это Дерри.

— Мистер Ричардс!

— Что,— подпрыгнул на месте, словно его толкнули.

— Мы набрали высоту и делаем большой круг над аэродромом Войт. Какие будут указания?

Ричардс задумался. Выдавать всю информацию не стоит.

— На какой предельно малой высоте вы можете лететь?

Последовала долгая пауза, они совещались.

— Я думаю, мы могли бы спуститься до семисот метров,— осторожно начал Холлуэй,— но это против правил Национальной авиаслужбы.

— Не беспокойтесь об этом,— сказал Ричардс,— мне придется до некоторой степени положиться на вас, мистер Холлуэй. Я мало разбираюсь в летном деле, думаю, вас на этот счет предупредили. Но только я прошу вас запомнить, что люди, которых распирает от всяких

идей, как со мной рассчитаться, сейчас в полной безопасности на земле. Если вы попытаетесь меня провести, я это пойму и...

— Здесь никто не собирался вас обманывать,— сказал Холлуэй.— Мы хотим только, чтобы эта машина опустилась на землю без всяких неожиданностей.

— Ну, что же, хорошо,— он позволил себе поразмышлять. Амелия сидела рядом, не двигаясь, сложив руки на коленях.

— Направление — на запад,— отрывисто сказал он.— Высота семьсот метров. Информируйте о пунктах по мере продвижения.

— Пунктах?

— Ну, над чем мы будем пролетать,— пояснил Ричардс.— Не знаю, как вы там это называете, я летал только один раз.

— Ах, так...,— в голосе Холлуэя послышалось облегчение.

Самолет сделал крутой вираж, и яркая линия горизонта отразилась на его крыле. Ричардс смотрел заворожено, как закатные краски играли в иллюминатора. “Мы догоним солнце,— подумал он.— Это поразительно!”

Часы показывали 18:35

Отсчет: 023

Ричардс был в восторге от полета. Его заинтересовало даже кресло перед ним. Он обшарил карман и обнаружил там руководство при аварии или катастрофе. В случае повышения турбулентности следовало застегнуть ремни. Если падало давление в кабине, было необходимо вытянуть кислородную маску из отделения над головой. При обнаружении неполадок с двигателем стюардесса должны были объяснить пассажирам, как себя вести. А в случае катастрофы и взрыва хорошо бы иметь достаточно запломбированных зубов, чтобы вас смогли опознать.

В спинку переднего кресла на уровне глаз был вмонтирован маленький экран “Свободного вещания”. Метал-

лическая табличка под ним напоминала зрителям, что каналы будут меняться достаточно быстро, но для нетерпеливых был продуман селектор для самостоятельного переключения.

Внизу, справа от экрана, находилась стопка бумаги и ручка на цепочке с буквами "Дж.А." Ричардс вытянул один листочек, положил его на колени и коряво написал:

"Шансы 99 к 100, что у тебя где-то спрятан микрофон — в туфле, волосах, или даже в рукаве. Держу пари, что Маккоун слушает и ждет, когда ты проболтаешься. Через минуту устрой истерику. Проси меня не взрывать пакет. Это наверняка поможет. Согласна?"

Она кивнула. Ричардс с сомнением посмотрел на нее, потом написал:

"Почему ты все-таки согласилась соврать?"

Она выхватила у него ручку и, задержав ее на мгновение над его коленом, написала:

"Не знаю. Ты заставил меня подумать, что я — убийца. А ты казался таким... — Она задержала ручку в воздухе, как бы раздумывая, затем нацарапала: — Несчастливым".

Ричардс поднял брови и слегка ухмыльнулся, хотя это было и обидно. Протянул ей ручку, но она замотала головой. Тогда он написал: "Начинай представление через пять минут".

Она кивнула. Ричардс скомкал бумагу, сунул ее в пепельницу, вмонтированную в ручку кресла, и поджег. Бумага моментально занялась и полыхнула на минуту ярким пламенем, отразившись в темном окне. А потом превратилась в пепел, который Ричардс предусмотрительно растолок.

Пять минут спустя Амелия Уильямс начала стонать, да так естественно, что Ричардс на мгновение застыл. Потом поймал себя на мысли, что может быть, она стонет взаправду.

— Пожалуйста, пожалуйста, не заставляй этого человека испытывать тебя. Я тебе ничего не сделала. Я хочу домой к мужу. У нас есть дочка, ей шесть лет. Она волнуется, где ее мамочка.

Брови Ричардса дважды взлетали вверх. Он не ожи-

дал, что она так естественно сыграет. Просто на удивление!

— Он тупой, конечно, но не настолько,— Ричардс пытался не играть на невидимого слушателя.— Все будет в порядке, миссис Уильямс.

— Легко сказать! Вам-то терять нечего.

Он ничего не ответил. Она была абсолютно права: нечего. Нечего из того, что еще осталось.

— Покажи ему это! — умоляла она.— Ради Бога, почему ты ему не покажешь? Тогда он поверит тебе... и отменит приказ, который получили те люди на земле. Они собьют нас ракетой. Я слышала, он так сказал.

— Я не могу показать ему бомбу,— сказал Ричардс,— чтобы вынуть ее из кармана, я должен буду поставить взрыватель на предохранитель, но случайно могу дернуть за кольцо... и мы все взлетим на воздух. И вообще,— продолжал он, добавив издевку в голос,— я не стал бы ему показывать бомбу, даже если бы и смог. Он — трусливый подонок! Пусть себе попотеет!

— Боюсь, я не выдержу,— сказала она мрачно.— Мне даже кажется, что я бы уж лучше тряхнула тебя и покончила с этим. Все равно, так все и закончится, правда?

— Неужели ты...— начал он, но вдруг дверь распахнулась и Маккоун стремительно вбежал в салон первого класса. Его лицо казалось спокойным, но в этом спокойствии Ричардс моментально разглядел нечто фальшивое. Там был страх, неподдельный липкий страх.

— Миссис Уильямс, пожалуйста, приготовьте кофе на семь человек. Боюсь, вам придется выполнять здесь роль стюардессы.

Она поднялась с кресла, не глядя ни на одного из мужчин.

— Где мне его приготовить?

— Идите вперед на запах, нос вас выведет,— спокойно произнес Маккоун. Он был чертовски мягок, но готов броситься на Амелию, если бы она посмела сделать шаг назад к Ричардсу.

Она не оглядываясь прошла вперед между кресел.

Маккоун уставился на Ричардса, потом спросил:

— Ну что, парень, ты готов отказаться от своей затеи, если я обещаю, что тебя помилют?

— "Парень?!" У тебя это звучит как-то приторно, — растягивая слова, сказал Ричардс. Он вытянул свободную руку и посмотрел на нее. На ней были полоски запекшейся крови, царапины и порезы, после его путешествия на попутных машинах со сломанной ногой через леса южной части штата Мэн. — Так приторно, как будто ешь огромный жирный гамбургер, пожаренный на сковороде. Такой именно подают в общественных столовых в Кооп-сити.

Он посмотрел на Маккоуна, пытаясь понять, какова его высшая ставка.

— Ну, а сейчас это уже больше похоже на бифштекс. Из вырезки. На таком — никакого жира, только тоненькая полоска вокруг, точно?

— А как для тебя звучит слово "помиловать"? — повторил свой вопрос Маккоун.

— Как вранье! — ответил Ричардс с улыбкой. — Как вонючее, дерьмовое вранье. Думаешь, я не понимаю, что тебя подослали?

Маккоун покраснел. Но это был не просто легкий румянец. Он стал красным как кирпич.

— Ну, что ж. Я буду судить тебя собственным судом. У нас есть разрывные пули, от которых твоя голова станет похожей на тыкву, свалившуюся на асфальт с верхушки небоскреба. Пули эти — газовые. Взрываются при прикосновении. Но, с другой стороны, если попасть в живот...

И тут Ричардс закричал:

— Ну все! Я дергаю кольцо!

Маккоун взвизгнул и, отскочив на два шага назад, стукнулся о ручку кресла номер 95, пошатнулся, и не удержавшись, плюхнулся в него, словно отбивался от невидимого противника.

Потом его руки замерли над головой, похожие на застывших птиц, и в этом обрамлении его лицо казалось гипсовой посмертной маской, на которую кто-то в шутку нацепил очки в золотой оправе.

Ричардс захохотал. Этот звук показался непривыч-

ным даже для его собственных ушей. Столько времени прошло с тех пор, когда он смеялся по-настоящему? Когда смех выходит из тебя естественно и свободно, из самой глубины живота... Кажется, ему никогда и не приходилось так смеяться за всю свою серую, суровую, скучную жизнь.

Но сейчас он смеялся именно так.

— Подонок,— попытался сказать Маккоун, но не смог выдать из себя ни звука, а только пошевелил губами. Его лицо было искажено, перекошено, как у старого, потрепанного игрушечного медведя.

А Ричардс все смеялся. Он держался свободной рукой за подлокотник и смеялся.

Отсчет: 022

Когда Холлуэй по внутреннему радио сообщил Ричардсу, что самолет пересек границу между Канадой и штатом Вермонт (Ричардс полагал, что командир корабля знает о чем говорит. А сам он не мог разглядеть ничего внизу, кроме редких огней), он осторожно поставил чашку с кофе на столик и сказал:

— Не могли бы вы дать мне карту Северной Америки, капитан Холлуэй?

— Физическую или политическую,— вмешался чей-то голос. “Видимо, это штурман”,— подумал Ричардс. Таким образом, предполагалось выставить его дураком, потому что он якобы не знал разницы. А он, действительно, не знал.

— Давайте обе,— отрезал он.

— Вы пришлете за ними даму?

— Как тебя зовут, парень?

Последовала неуверенная пауза. Человек вдруг с беспокойством осознал, что его выделили из остальных.

— Донахью.

— Ну, а ноги у тебя есть, Донахью? А ну-ка, давай протопай сюда сам.

Донахью протопал и принес карты. У него были длин-

ные прилизанные волосы, а штаны так заужены, что, казалось, в кармане лежит целая упаковка шаров для гольфа. Карты были вложены в прочную пластиковую обложку, а вот во что был вложен мужской прибор Донахью, это был вопрос.

— Я не хотел вмешиваться, — сказал он неохотно.

Ричардс был готов прибить его. Состоятельный юнец; масса свободного времени, которое можно убивать, шатаясь по значным местам большого города. И шататься-то можно хорошо упакованными, иногда пешком, но чаще на вертолетах. Он был похож на “голубого”, а “голубых” нужно травить, как тараканов. Наши туалеты должны быть свободными для нужд демократии! Они редко выходят за границу зон для развлечений, в темноту гетто. А если такое случается, то им несдобровать.

Донахью переступил с ноги на ногу под долгим взглядом Ричардса.

— Что-нибудь еще нужно?

— Эй, парень, а ты “голубой”?

— Что?

— Ничего, давай шагай. Помоги им справиться с самолетом.

Донахью удалился, чуть ли не бегом. Ричардс быстро разобрался, что карта с нанесенными на ней городами, поселками и дорогами и была политической. Он провел пальцем прямую линию от Дерри до канадско-вермонтской границы в западном направлении и приблизительно определил их местонахождение.

— Капитан Холлуэй?

— Слушаю.

— Поверните направо.

— Что? — в голосе Холлуэя слышался неподдельный испуг.

— На юг! Слышите? Прямо на юг. И помните...

— Я все помню, не волнуйтесь.

Самолет пошел на вираж. Маккоун сидел, сгорбившись в кресле, куда он плюхнулся, и смотрел на Ричардса выжидающим взглядом.

Ричардс внезапно почувствовал приступы дурноты. Это никуда не годилось. Ровное гудение двигателей действовало на него коварно, гипнотически. Маккоун почувствовал это, и выражение его лица стало еще хитрее. Амелия тоже это поняла и наблюдала за ними, скорчившись на кресле ближе к кухне.

Ричардс выпил еще две чашки кофе. Это не очень помогло. Он с трудом мог сосредоточить свое внимание на карте и монотонных комментариях Холлуэя о маршруте.

Тогда он двинул себя кулаком по тому месту, где его задела пуля. Острая боль окатила его, как ушат холодной воды. Свистящий хрип вырвался из уголков его плотно сжатых губ, как из стереодинамиков. Из раны снова пошла кровь и, просочившись сквозь рубашку, запачкала ему руку.

Амелия застонала.

— Через шесть минут мы будем пролетать над Олбани,— сказал в микрофон Холлуэй,— вы сможете увидеть его слева за бортом.

— Расслабься,— сказал Ричардс вроде бы самому себе,— давай-ка расслабься!

Боже, скоро это все кончится? Да очень скоро.

Часы показывали 19:45.

Это было похоже на жуткий сон, на ночной кошмар, который вполз из темноты в его воспаленный мозг, забывшийся в полудреме. Скорее даже не сон, а видение или галлюцинация. Его сознание на одном уровне концентрировалось на полете и постоянной опасности, исходившей от Маккоуна, а на другом — происходило что-то странное: какие-то тени двигались перед ним.

Что же это такое?

Грузовики, колесящие по проселочным дорогам... На треугольной подставке в сотне километров отсюда тарелки для микроволновой печи висят на фоне ночного неба... Бесконечный поток электронов несется невидимый для глаз... Сначала четкая картина, потом как бы ее затухающее отображение, и снова четкие контуры...

Что же это?

Да-а, это, видимо, Ньюарк.

Ньюарк — в красной зоне, хотя это южная окраина Нью-Йорка.

Правительственные установки здесь все еще действуют?

Точно!

Мы его превратим в пыль над Олбани.

Спокойно, парень!

Грузовики, рыча как доисторические животные в ночи, с грохотом проносятся через закрытые города, где люди с ужасом смотрят на них через окошки с наличниками.

Открывайте все карты!

Огромные тяжелые составы плавно сдвигают в сторону

бетонные конические чурки, толкая их по блестящим стальным рельсам.

Круглые отверстия хранилищ, похожие на вход в преисподнюю и вырывающиеся оттуда испарения жидкого водорода.

— Ньюарк, как слышите нас? Мы его засекли.

— Вас понял, Спрингфилд, держите связь.

Пьяницы спят на скамейках, стоящих вдоль аллеи, и просыпаются от грохота проносящихся мимо грузовиков затуманенным взором — смотрят на кусочки неба между плотно стоящими зданиями. Их глаза потускнели, а щеки обвисли. Их дряхлые, старые руки тянутся к обычным экранам, по которым передавали новости... Но таких программ больше нет. Канал “Свободного вещания” закончил со всеми компаниями. Этот канал правит миром. Аллилуя! (Богачи курят “Дукс”). Поблекшими глазами они следят за непонятным мерцающим свечением в небе. Вспышка, еще вспышка. Красный и зеленый, красный и зеленый. Грохот грузовиков затухает, прокатываясь эхом по каньонам, как будто гуляет кулак вандала...

Пьяницы опять засыпают, ругаясь, на чем свет стоит.

— Видим его западнее Спрингфилда.

— Инструкции через пять минут.

— Из Хардинга?

— Да.

— Он в поле зрения. Мы за ним следим.

По ночному небу летали невидимые электроны, рисуя сверкающую сетку в северо-восточном углу Америки. Сервомеханизм, контролируемый компьютерами “Дженерал Атомикс” действовал безупречно. Ракеты, похожие на кобр со смертоносным ядом, послушно поворачивались в тысячах точек и следили за мерцающими зелеными и красными огнями, которые перемещались по небу.

Ричардс представил все это себе и действовал так, как если бы видел это на самом деле. Способность его мозга к двойному зрению, как ни странно, его успокаивала. И даже вызывала отрешенность, близкую к помешательству. Запахканными кровью пальцами он проследил по карте

их продвижение на юг. Так, южнее Спрингфилда... теперь западнее Хартфорда... и вот...

Мы следим за ним.

Отсчет: 019

— Мистер Ричардс!

— Что?

— Мы над Ньюарком, штат Нью-Джерси.

— Да, я слежу по карте. Эй, Холлуэй!

Холлуэй не ответил, но Ричардс был уверен, что он слушал.

— Они все время держат нас на мушке, точно?

— Да, — сказал Холлуэй.

Ричардс посмотрел на Маккоуна.

— Я полагаю, они пытаются решить, могут ли они покончить здесь с профессиональной ищейкой. Представляю, если они решат положительно этот вопрос. В конце концов им ничего не стоит обучить следующую.

Маккоун, злобно оскалившись, взглянул на него, но Ричардс подумал, что этот оскал у него инстинктивный. Такие инстинкты можно было проследить еще у давних предков Маккоуна — неандертальцев, которые предпочитали подкрадываться к врагу сзади, нежели биться до смерти в честной схватке.

— Когда мы снова будем над незаселенными районами, капитан?

— Мы не будем пролетать над незаселенными районами... По крайней мере, пока мы летим на юг. Хотя, когда мы пролетим буровые вышки в шельфе Северной Каролины, то окажемся над открытым морем...

— Все, что южнее этого места, пригороды Нью-Йорка?

— Да, приблизительно так.

— Спасибо.

Ньюарк крестообразно распластался под ними, похожий на горстку грязных драгоценных камней, небрежно брошенных в черный бархат шкатулки.

— Капитан!

— Слушаю,— скучным голосом ответил Холлуэй.

— Поворачивайте прямо на запад.

Маккоун подскочил, как будто его толкнули. Амелия от удивления поперхнулась и закашлялась.

— На запад?— переспросил Холлуэй. В первый раз его голос звучал расстроено, даже испуганно.— Вы сами спрашиваете на это. На западе много незаселенных мест. Пенсильвания между Харрисбургом и Питтсбургом — сплошные фермерские земли. И восточнее Кливленда больших городов нет.

— Вы за меня пытаетесь планировать, капитан?

— Нет, я...

— Прямо на запад! — отрывисто повторил Ричардс.

Ньюарк стал резко уходить в сторону под ними.

— Ты сошел с ума! — сказал Маккоун.— Они разнесут нас в куски!

— С тобой и еще пятью ни в чем неповинными людьми на борту? В этой благородной стране?

— Ты делаешь ошибку,— резко бросил Маккоуну, — **и специально!**

— Разве ты не смотришь программу “Национальный отчет”?— спросил Ричардс с улыбкой.— Мы не делаем ошибок. Мы не сделали ни одной ошибки с 1950 года.

Ньюарк уходил вдаль из-под крыла, на его место наплывала темнота.

— Ну как, уже больше не смеешься?— спросил Ричардс.

Отсчет: 018

Полчаса спустя голос Холлуэя снова зазвучал в микрофоне. Он казался взволнованным.

— Ричардс, нам сообщили из Хардинга, что они хотят провести специально остро направленную на нас передачу. Из Федерации Игр. Мне сказали, что ты не пожалеешь, если включишь канал “Свободного вещания”.

— Спасибо.

Он посмотрел на темный экран "Свободного вещания" и уже был готов включить его, но вдруг отдернул руку, словно спинка переднего кресла с вмонтированным в нее экраном была раскалена. Его охватило странное, жуткое чувство, что с ним уже это происходило. Было очень похоже на то время, когда все это только начиналось. Шейла с худым, изможденным лицом, запах тушеной капусты из коридора. Увлечение новыми Играми. "Ручная мельница", "Гонки с крокодилом"... и крики Кэти. Больше никаких детей! Даже, если бы пришлось начать с самого начала... И одного не нужно было иметь в таких условиях.

— Включи экран, — сказал Маккоун, — может быть, они предложат нам... тебе какой-то вариант соглашения.

— Заткнись! — рявкнул Ричардс.

Он дал возможность неосознанному страху наполнить его до краев. Какое-то странное предчувствие охватило его. Да и рана все еще беспокоила его и очень кровоточила, ноги ослабели и плохо слушались. Он не был уверен, что сможет подняться, когда настанет время разрешить эту шараду до конца.

Издав непонятный звук — полустон — полурык — Ричардс опять протянул руку и нажал кнопку "Вкл". Экран озарился ярким светом, и четкое лицо, появившееся на нем в терпеливом ожидании, было очень черным и очень знакомым. Дэн Киллиан! Он сидел за фасолевидным столом красного дерева с изображенной на нем эмблемой Федерации Игр.

— Привет! — тихо сказал Ричардс. Он чуть не упал с кресла, когда Киллиан распрямился, ухмыльнулся и сказал:

— Приветствую вас, мистер Ричардс.

Отсчет: 017

— Я не могу тебя видеть, но слышу отлично, — сказал Киллиан. — Звук передается по радиотелефону через кабину пилота. Мне сказали, что ты ранен.

— Ничего страшного, гораздо лучше, чем кажется. Я напоролся на что-то в лесу, — ответил Ричардс.

— Ах, да. Знаменитый “Побег через лес”. Бобби Томпсон как раз сегодня осветил его по всем программам ТВ. Ну, конечно, вместе с твоим теперешним подвигом. Завтра в этом лесу будет полно народа, будут искать лоскуток твоей рубашки или гильзу.

— Очень жаль, — сказал Ричардс, — я там видел кролика.

— Ричардс, ты был самым лучшим из всех, кто когда-либо участвовал в этой Игре. Благодаря сочетанию удачи и способностей ты точно был самым лучшим. Поэтому мы хотим предложить тебе сделку.

— Какую сделку? Передать по национальному телевидению, как действует боевой взвод, расстреливая меня?

— Этот угон самолета, безусловно, был самым впечатляющим зрелищем, но это было и ужасной глупостью. И знаешь, почему? Потому что ты в первый раз оторвался от своих. Ты оторвался от них, когда оторвался от земли. Даже та женщина, которая защищает тебя... Может, ты думаешь, что она на твоей стороне? Даже она, может быть, так думает. Но это не так! Все равно мы все решаем наверху, только мы, Ричардс. Все равно в финале ты — конченный человек!

— Да, мне все время это твердят, но мне удастся перевести дыхание.

— В последние два часа тебе удастся перевести дыхание только благодаря Федерации Игр. По моему указанию. И я пробил разрешение на то, чтобы предложить тебе эту сделку. Со стороны “старой гвардии” было оказано сильное сопротивление, поскольку таких вещей просто никогда не случалось, но я добился этого. Ты меня спрашивал, кого ты можешь убить, если пробьешься на самый верх с автоматом? Один из тех был я, Ричардс. Это тебя не удивляет?

— Думаю, да. Я тебя держал за посыльного.

Киллиан откинул голову назад и захохотал, но смех Ричардсу показался несколько натянутым. Это был смех

человека, сделавшего большую ставку и теперь из всех сил старающегося выиграть.

— Вот суть сделки: ты летишь в Хардинг. Там в аэропорту тебя будет ждать лимузин Федерации. Будет приведен в исполнение смертный приговор, но... это будет фальсификация. А потом ты вступаешь в нашу команду.

— Ты, черномазый ублюдок! — с безумной злостью вскричал Маккоун.

Амелия Уильямс была ошеломлена.

— Отлично, — сказал Ричардс, — я знал, что ты молодец. Но тут ты просто великолепен. Из тебя вышел бы превосходный торговец поддержанными автомобилями, Киллиан.

— А по выкрику Маккоуна ты не понял, что я не вру?

— Маккоун — прекрасный актер. Он так приплясывал и распевал в аэропорту, что мог бы получить приз Академии.

И все же он был обеспокоен. Маккоун отослал Амелию готовить кофе, когда она, казалось, могла случайно задеть "ирландца". Постоянный упорный антагонизм Маккоуна. Как-то все не сходилось.

А, может, так и было задумано?.. Голова пошла кругом.

— Может быть, ты полагаешься на него без его ведома? Принимаешь в расчет его реакцию, чтобы все выглядело правдоподобно.

— Плясали-то и пели под угрозой пластиковой бомбы, мистер Ричардс. А мы знаем — и наверняка, — что ты врешь. Но вот тут на столе есть маленькая красная кнопка, и это уже не блеф. Я нажимаю ее и через двадцать секунд вас всех разнесет ракетой "земля-воздух". "Даймондбек" с ядерной боеголовкой.

— Ну и "ирландец" — тоже не шутка, — но во рту он ощутил вкус свернувшегося молока. Обман прокис.

— Да ну? А по-моему, я как раз прав. Ты никогда не смог бы пробраться на самолет компании "Дж.А." "Локхид" с пластиковой бомбой, чтобы это не зафиксировали контрольные механизмы. На борту есть четыре отдельных детектора для перехвата угонщиков, а пятый был в парашюте, который ты потребовал. И могу тебе сооб-

щить, что в диспетчерской службе аэропорта Войт с огромным интересом и беспокойством следили за приборами, когда ты поднялся на борт. Вообще-то все считали, что “ирландец” у тебя есть. Ты был настолько убедителен во время всей этой операции, что другого не могли и предположить. И когда ни один из сигнальных приборов не сработал, все вздохнули с облегчением. Я полагаю, у тебя никогда и не было возможности достать пластиковую бомбу. Может, ты даже и не задумывался об этом, кроме как в самый последний момент. Да, это уже не важно. Это усугубляет твое положение, но...

Внезапно Ричардс почувствовал, что Маккоун стоит возле него.

— Смотри-ка, вот теперь-то я разнесу твою башку, крестин, — сказал он.

И он приставил пистолет к виску Ричардса.

Отсчет: 016

— Если ты это сделаешь, ты сдохнешь, — сказал Киллиан.

Маккоун засомневавшись, отступил на шаг и уставился на экран в изумлении. Его лицо опять перекосилось, а губы шевелились в безуспешной попытке произнести что-то. Когда он снова обрел дар речи, то смог выдать из себя лишь злобный шепот:

— Я с ним рассчитаюсь. Прямо здесь! Прямо сейчас! И мы все будем в безопасности. Мы...

Киллиан устало произнес:

— Ты и так в безопасности, безмозглый дурак! И Донахью мог бы его скрутить, если бы мы этого хотели.

— Он — преступник! — Маккоун повысил голос. — Он убил полицейских. Совершил акт беззакония и воздушного пиратства. Он... Он публично оскорбил меня и мой департамент.

— А ну, сядь! — сказал Киллиан ледяным тоном, и от его голоса повеяло бесконечным космосом и колючими

звездами.— Пора бы вспомнить, кто платит тебе жалованье, господин Главный Охотник.

— Я доложу об этом президенту Совета,— неистовствовал Маккоун. С его губ летела слюна.— Когда все это закончится, ты пойдешь на хлопковые плантации, чертов негритос! Ты — проклятый, дерьмовый сукин сын...

— Пожалуйста, бросьте ваш пистолет на пол,— раздался еще один голос. Ричардс с удивлением посмотрел по сторонам. Это был штурман Донахью, и выглядел он довольно устрашающе. Его напояженные волосы блестели в рассеянном свете салона. В руках он держал автоматический пистолет “магнум-спрингстон”, и дуло его было направлено на Маккоуна.

— Я — Роберт С. Донахью, представляю контроль Совета Федерации. Брось пистолет на пол!

Отсчет: 015

Маккоун смотрел на него одну долгую секунду, а потом пистолет упал на толстый ковер.

— Ты...

— Я полагаю, мы тут наслушались достаточно болтовни,— сказал Донахью.— Иди-ка во второй салон и будь пай-мальчиком.

Маккоун подчинился, он направился в другой салон в бессильной злобе. Проходя мимо Ричардса, он взглянул на него так, как смотрит вампир в старых фильмах ужасов, когда ему показывают крест.

Когда он исчез, Донахью с ухмылкой отсалютовал Ричардсу дулом пистолета и улыбнулся.

— Он не будет вас больше беспокоить.

— А ты все равно выглядишь, как “голубой”,— сказал Ричардс.

Улыбка исчезла с лица Донахью. Он посмотрел на Ричардса с внезапной неприязнью, повернулся и пошел в начало салона.

Ричардс снова обернулся к экрану. Он с удовольствием отметил, что при всех событиях частота его пульса не

изменилась. Не было ни одышки, ни ватных ног. Перспектива смерти стала нормой.

— Мистер Ричардс, вы меня слышите?

— Да, слышу.

— Все в порядке? Проблем нет?

— Все нормально.

— Отлично! Позвольте мне вернуться к моему предложению.

— Валяй!

Киллиан вздохнул, услышав такой тон.

— Итак, я сказал, что твое положение усугубляется, так как мы знаем, что ты врешь, но тогда наше предположение становится более правдоподобным. Понимаешь, почему?

— Конечно,— ответил Ричардс бесстрастно,— это значит, что вы могли бы взорвать эту птичку в небесах в любое время. Или дали бы указание Холлуэю посадить самолет. Маккоун мог бы пристукнуть меня.

— Абсолютно верно. Ну, теперь-то ты знаешь, что мы знаем о твоём блефе?

— Нет. Но вы лучше, чем Маккоун. Использовать вашего тепличного мальчика — прекрасный ход.

Киллиан рассмеялся.

— Ну, Ричардс, ты молодец! Редкая колоритная птичка! — однако это опять прозвучало натянуто, неестественно. Ричардс понял, что у Киллиана была какая-то информация, которую он очень не хотел бы сообщать.

— Если бы у тебя действительно, была бы бомба, то ты бы потянул за кольцо, когда Маккоун приставил пистолет к твоей голове. Ты знал, что он убьет тебя. Тем не менее, ты продолжал спокойно сидеть на месте.

Ричардс понял, что игра окончена, понял, что они все знают. Улыбка промелькнула на его губах. Киллиану это понравится. Он — человек с неожиданными и резкими поворотами в настроении. Ну, что ж, пусть платят и они увидят прикупную карту.

— Не надо мне пудрить мозги! Если вы будете давить, все взлетит на воздух. Бум!

— А ты не будешь тем, за кого себя выдаешь, если не прокрутишь до самого конца, не так ли? Донахью!

— Да, сэр,— бесстрастно-официальный голос Донахью раздался почти одновременно из микрофона в салоне и с экрана.

— Пожалуйста, вернитесь в салон и достаньте из кармана мистера Ричардса записную книжку миссис Уильямс. Только осторожнее, пожалуйста!

— Слушаю, сэр.

Ричардс, охваченный мрачным предчувствием, вдруг вспомнил звук, с которым был пробит его постоянный пропуск в здании Федерации Игр. *Плим-плим-плим.*

Снова появился Донахью и направился к Ричардсу. Его лицо было холодной, ничего не выражающей маской. “Ну, прямо как запрограммированный”,— пронеслось в голове Ричардса.

— Оставайся на месте, мальчуган,— приказал Ричардс, слегка двинув рукой в кармане.— Этот человек там, на экране, в безопасности. А вот ты сейчас взлетишь еще выше.

Он увидел, как четкая походка Донахью на мгновение дала осечку и в глазах промелькнула неуверенность, но он все-таки не остановился, а медленно продвигался между рядами, как будто прогуливаясь по лазурному берегу, или приближаясь к группе “голубых”, расположившихся в темной аллее.

Ричардс подумал было, что надо бы схватить парашют и бежать. Безнадежно! Куда? Мужской туалет в конце третьего салона — это предел.

— Увидимся в преисподней,— тихо сказал он и сделал вид, что вытаскивает что-то из кармана. На этот раз реакция была адекватной. Донахью издал какой-то хрюкающий звук и закрыл лицо руками — инстинктивный жест, старый как мир. Потом опустил их в смущении и злобе, поняв, что он еще жив.

Ричардс вынул сумочку Амелии Уильямс из кармана своей грязной порванной куртки и швырнул ее в Донахью. Она попала ему в грудь и упала у ног, как подстреленная птица. Рука Ричардса была влажной от пота. Она снова лежала у него на колене и выглядела странно белой и чужой.

Донахью поднял сумку, едва взглянув в нее, и отдал

Амелии. Ричардс даже почувствовал некую грусть, расставшись с ней, словно потерял старого друга.

— Бум,— тихо сказал он.

Отсчет: 014

— Твой парень — молодец,— устало сказал Ричардс, когда Донахью снова удалился,— я его немножко попугал, но, честно говоря, ожидал, что он наложит в штаны.

Он вдруг заметил, что изображение начало как-то странно двоиться. Он пощупал бок, рана опять затянулась, но лишь чуть-чуть.

— И что теперь?— спросил он.— Ты уже готовишь камеры в аэропорту, чтобы все могли видеть, как расправятся с головорезом?

— Теперь о сделке,— мягко проговорил Киллиан. Его темное лицо было непроницаемым. Но что бы он ни скрывал, сейчас выйдет на поверхность. Ричардс знал это. Внезапно его опять охватил страх. Ему очень хотелось протянуть руку и выключить экран. И не слышать больше ничего. Он с ужасом почувствовал, как все его внутренности буквально тряслись. Но он не мог отключиться от этого канала. В конце концов он же был “свободным”.

— Изуди, сатана,— сказал он заплетающимся языком.

— Что?— не понял Киллиан.

— Ничего, давай к делу.

Киллиан молчал. Он посмотрел на свои руки, потом опять взглянул прямо в камеру. Ричардс почувствовал, как какая-то неизвестная часть его мозга взвыла от жуткого предчувствия. Ему показалось, что души всех бедных и безымянных, всех пьяниц в темных аллеях выкрикнули его имя.

— Маккоун отыграл свое,— тихо сказал Киллиан.— И все это из-за тебя. Ты расколол его как орех. Мы хотим взять тебя на его место.

Ричардс думал, что он уже прошел все стадии шока,

но при этих словах он застыл с открытым ртом. Это ложь! Не может быть такого! Однако, сумочка-то опять у Амелии. Им не было никакого смысла врать или обнадеживать его. У него все болело, и он чувствовал себя жутко одиноким. Так, Маккоун и Донахью вооружены. Значит, одна пуля, пущенная чуть повыше левого уха покончит со всей суетой.

Вывод: Киллиан говорит святую правду.

— Ну, ты даешь! Ты с ума сошел! — пробормотал он.

— Ничего подобного. Ты самый лучший бегун из всех, кто принимал участие в Игре. А лучший бегун должен хорошо знать, где надо искать. Раскрой глаза и поймешь, что “Бегущий Человек” придуман не только для того, чтобы доставить удовольствия толпе или избавиться от опасных личностей. Пойми, Ричардс, Система всегда искала новые таланты. Иначе и не может быть.

Ричардс попытался что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова. Страх в нем разрастался. Наконец, он выдал из себя:

— Но ведь Главный Охотник не должен иметь семью, возможность шантажа...

— Бен,— мягко прервал его Киллиан. Твоя жена и дочь мертвы. Они умерли более десяти дней назад.

Отсчет: 013

Дэн Киллиан продолжал говорить некоторое время, но голос его шел как бы издалека и эхом отдавался в голове Ричардса. Как будто сидишь в глубоком колодце, а тебя кто-то зовет сверху. Перед глазами была полная темнота. И на фоне этой темноты мелькали картинки, словно прокручивались слайды. Старая фотография Шейлы в зале Торгового Центра с папкой для бумаг под мышкой. Тогда как раз вошли в моду микро-юбки. А вот в рамке они вдвоем сидят на берегу в Бейпир (вход свободный) спинами к камере и глядят на воду, рука в руке. Коричневатое фото молодого человека в плохо сидящем костюме и девушки в лучшем мамином платье, специально

подобранным для этого случая, перед мировым судьей с большой бородавкой на носу. Они хохотали над этой бородавкой в брачную ночь. А вот черно-белое фото обнаженного по пояс портного мужчины в свинцовом фартуке рядом с мощным подъемником в огромной сводчатой подземной камере, слабо освещенный лампочкой под самым потолком. Слегка тонированное цветное фото женщины (тонируемое, чтобы не было видно голых стен с отклеивающимися обоями) с большим животом, стоящей у окна. Она отдернула ветхую занавеску и смотрит на улицу в ожидании мужа. Свет бликует на ее лице. И последнее фото — “кодак” старых времен: на ней худой парень держит над головой сверток с новорожденным младенцем, его лицо, озаренное улыбкой, полно любви и торжества. Эти картинки прокручиваются все быстрее и быстрее, не принося успокоения, не вызывая печали или любви — только холодное новокаиновое бесчувствие.

Киллиан убеждает его, что Система не причастна к их смерти, все это — чудовищный несчастный случай. Ричардс, пожалуй, был готов поверить ему, не только потому, что вся эта история слишком была похожа на вымысел, чтобы не быть правдоподобной, но и потому, что Киллиан знал: если Ричардс согласится на это предложение, его первой остановкой будет Кооп-сити, где всего лишь час, проведенный на улицах, даст ему исчерпывающий ответ на все вопросы.

Мародеры! Их было трое. Или мелкие воришки? Ричардс вдруг мучительно представил себе все это. По телефону ее голос звучал, как будто она что-то скрывала... Они, вероятно, накачались наркотиками... Может быть, хотели что-то сделать с Кэти, а Шейла пыталась защитить дочь... Обе они умерли от колотых ран.

Эта картина вывела его из состояния прострации.

— Не морочьте мне голову, — закричал он.

Амелия прижалась к спинке кресла и закрыла лицо руками.

— Что случилось? Говори немедленно!

— Мне больше нечего добавить. У твоей жены было более шестидесяти ножевых ран.

— А Кэти? — опустошенно спросил Ричардс. Киллиан скривился.

— Бен, может быть, тебе нужно обо всем этом подумать некоторое время?

— Да-да, конечно.

— Мне очень-очень жаль, парень. Клянусь своей матерью, мы тут ни при чем. Мы бы просто устроили все так, чтобы они жили отдельно и иногда тебя навещали, если бы ты согласился. Никто не будет добровольно работать на фирму, которая уничтожила его семью. Мы это хорошо понимаем.

— Мне нужно подумать.

— Если ты станешь Главным Охотником, — тихо сказал Киллиан, — ты сможешь поймать этих подонков и рассчитаться с ними. И со многими им подобными.

— Я хочу все обдумать. До свидания.

— Но мне...

Большим пальцем Ричардс надавил на кнопку, экран погас. Он сидел, словно окаменев в своем кресле, руки бессильно опущены, а самолет все жужжал в полной темноте.

“Ну вот и все, — подумал он, — все стало на свои места. Абсолютно все”.

Отсчет: 012

Прошел час.

Пора пришла, — промолвил морж,

— поговорить, ей-ей,

О кораблях, и островах,

и крыльях у свиней...

Перед его мысленным взором опять побежали картинки...

Стейси, Брэдли, Элтон Парракис с детским лицом. Ужас погони. Последняя спичка, чтобы разжечь газеты в подвале ХСМЛ. Скрежет колес газовых машин, огнемёт “Стен”, выбрасывающий пламя. Недовольный голос Лафлина, фотографии двух детишек, юных агентов Гестапо.

А почему бы и нет?

Никаких связей, никаких угрызений совести. Какая совесть может быть у человека, оторванного от своего прошлого? Ну и хитер же Киллиан! Он все это трезво рассчитал и продумал так, чтобы Ричардс почувствовал, насколько он одинок. Брэдли, охваченный азартом проверки уровня загрязнения воздуха, казался чем-то далеким, нереальным и незначительным. Респираторы? Когда-то эта проблема казалась очень важной. А сейчас?

Бедняки всегда будут с тобой.

Это верно. Постепенно бедняки приспособятся, мутируют. В их легких образуется новая система фильтрации, правда, через десять тысяч лет, а может, через пятьдесят тысяч они поднимутся, вырвут искусственные фильтры и респираторы и будут наблюдать, как владельцы этих приспособлений бьются в агонии, утопая в атмосфере, где кислород будет составлять только малую часть. Да подумаешь! Что Бену Ричардсу до будущего! Это все дерьмо!

Да, настанет тоскливое время. Это неизбежно, предсказуемо. Даже наверняка последуют восстания и мятежи. Конечно, со стороны Системы будут предприниматься несмелые попытки довести до сведения общественности данные об уровне загрязнения воздуха. Наверняка. Они об этом позаботятся. Они и о нем позаботятся и не будут ждать того времени, когда он сможет “позаботиться” о них. Инстинктивно он чувствовал, что сможет это сделать. Он даже был уверен, что гениально сыграет эту роль. Но они будут очень стараться вылечить его. Лекарства, доктора... и мнение изменится.

И потом — покой.

Горькие семена сомнения разрастались в нем. Он жаждал мира, как в пустыне жаждет воды путешественник.

Амелия Уильямс все еще продолжала плакать в своем кресле, хотя уже прошло достаточно времени и слезы должны были высохнуть. Он с каким-то безразличием думал о том, что с ней будет. В таком состоянии ей нельзя возвращаться к мужу и семье. Она уже была не той женщиной, которая остановилась у знака “Стоп”; голова у нее была тогда забита разными приемами, встречами, клубами и покупками. А теперь — темпера-

турка-то подскочила! Он подумал, что ей, вероятно нужны лекарства и терапия и потом полная проверка. Да, видимо, серое вещество сработало в тот день не так, и развилка на дороге стала Поворотным пунктом всей жизни. Только выбран был не тот поворот!

Ему вдруг захотелось подойти к ней, успокоить, сказать, что еще не все в ней сломано. Что стоит только наложить две полоски психологического пластыря крест-накрест, и она станет даже лучше, чем была.

И тут снова сработала память: Шейла, Кэти.

Их имена гудели непрерывным колоколом в его голове, как слова, когда их произносишь много раз и они превращаются в бессмыслицу. Скажи-ка свое имя двести раз, и поймешь, что ты — никто. Тосковать больше уже было невозможно. Он чувствовал только слабое раздражение и замешательство. Они взяли его след, загнали до одури, и теперь выходит, что он — дерьмо. Он вспомнил, как еще в школе парень из его класса встал, чтобы принести присягу флагу, и у него свалились штаны...

А самолет все летел и летел. Ричардс опять погрузился в забытие, но не до конца, где-то на три четверти. Картинки уже лениво проплывали перед ним и лишь в черно-белом исполнении.

Вот последнее фото из альбома, восемь на десять дюймов. Снимал его наверняка измученный фотограф в полиции, да еще, видимо, жевал при этом резинку. Вещественное доказательство под грифом "К", дамы и господа! Разрезанное на куски тело ребенка в залитой кровью кровати. Брызги и потеки на дешевых обоях. И маленькая сломанная машинка, купленная за десять центов. И большое липкое пятно на старом одноглазом медвежонке...

Он вдруг вздрогнул, очнулся полностью, выпрямился в кресле и тут его рот разверзся в ужасающем крике. Сила, вырывавшаяся из его легких, была настолько велика, что его язык, казалось, полощется как парус. Все, абсолютно все в салоне вдруг приобрело отчетливые очертания и мозг его прояснился. Как на экране, где идет передача новостей. Вот, например, Лафлина вытаскивают из его укрытия в Топеке. Все было абсолютно реальным и в цвете.

Амелия от страха закричала ему в унисон, откинувшись в кресле. Ее глаза были похожи на фарфоровые шары.

Донахью выскочил в салон с пистолетом в руке. Его маленькие глазки как угольки горели энтузиазмом.

— Что такое? Что случилось? Это Маккоун?

— Нет,— ответил Ричардс, успокаивая пульс и стараясь, чтобы в его словах не слышалось отчаяния или безысходности,— просто дурной сон. Мне приснилась дочка.

— Ах так,— глаза Донахью потеплели притворным сочувствием. Он не очень умел это делать. Он так и останется на всю жизнь болваном. А может, и научится чему-нибудь. Он повернулся, собираясь вернуться в пилотскую кабину.

— Донахью!

Тот обернулся, ожидая подвоха.

— Здорово я тебя напугал, а?

— Нет,— бросил тот коротко и отвернулся. Его зад в обтягивающих форменных брюках выглядел так же привлекательно, как и у молоденькой девочки.

— Я могу тебя еще больше напугать,— заметил Ричардс.— Я могу пригрозить отнять у тебя респираторы.

Донахью гордо удалился.

Ричардс устало закрыл глаза. Опять перед ним эта глянцевая фотография, восемь на десять дюймов. Надо открыть глаза, потом опять закрыть. Вот хорошо, теперь фотография исчезла. Он подождал, и, когда удостоверился, что она больше не появляется, открыл глаза, и нажал на кнопку.

Экран засветился, и он опять увидел Киллиана.

Отсчет: 011

— Ричардс,— Киллиан наклонился вперед, даже не пытаясь скрыть напряжения.

— Я решил согласиться,— сказал Ричардс.

Киллиан откинулся назад, смех застыл в его глазах. Он лишь сказал:

— Я очень рад.

Отсчет: 010

— О, Господи,— вздохнул Ричардс. Он стоял на пороге пилотской кабины.

Холлуэй повернулся к нему.

— Привет.

Он говорил с кем-то, кого называл “Детройт — ВОР”. Данингер пил кофе. Два штурвала оставались без присмотра. Однако они отклонялись и поворачивались, как будто ими управляли чьи-то невидимые руки. Циферблаты светились, огоньки мигали. Казалось, информация входила и выходила сама по себе, независимо от людей.

— Кто ведет автобус?— спросил Ричардс в восхищении.

— Отто,— ответил Данингер.

— Кто этот Отто?

— Отто — автопилот. Понял, засранец?— Данингер рассмеялся.— Рад, что ты теперь в нашей команде, парень? Ты не поверишь, но кое-кто из нас здорово болел за тебя.

Ричардс уклончиво кивнул.

Холлуэй поспешил поддержать беседу:

— Отто иногда меня тоже поражает. Даже после двадцати лет работы здесь. Но он абсолютно надежен. Изощренный, как черт. Старые автоматы на его фоне выглядят как апельсиновая корка на чиппендейлском бюро.

— Да ну?— сказал Ричардс, уставившись в темноту.

— Точно. Ты наводишь стрелку на ПН — пункт назначения, и Отто берет на себя управление, все время согласовывая курс со звуковым радаром. Так что пилот вроде бы и не нужен. Только при взлете и посадке, ну и в случае всяких неожиданностей.

— А что вы можете сделать, если случится нечто непредвиденное?— спросил Ричардс.

— Будем молиться Богу,— сказал Холлуэй. Это должно было прозвучать как шутка, но вышло очень откровенно.

— А эти рули на самом деле управляют самолетом?— спросил Ричардс.

— Только подъемом и спуском, а педали контролируют боковое движение, повороты.

— Похоже на игру в автоматах.

— Немножко сложнее,— сказал Холлуэй.— Есть еще кое-какие кнопки...

— Что случится, если Отто свихнется?

— Такого не может быть,— ответил Данингер с ухмылкой.— Если и случится вдруг, ты его выключишь. Но компьютер никогда не ломается, парень.

Ричардс собирался уже уйти, но вид вращавшихся штурвалов, слабое движение педалей и мигание лампочек удерживали его. Холлуэй и Данингер вернулись к своим делам — непонятным цифрам и переговорам, прерываемым атмосферными помехами.

Один раз Холлуэй оглянулся и удивился, увидев, что Ричардс еще в кабине. Он улыбнулся и показал куда-то в темноту:

— Вон оттуда скоро появится Хардинг.

— Через сколько минут?

— Через пять-шесть минут увидишь зарево на горизонте.

Когда Холлуэй обернулся еще раз, Ричардса уже не было. Он сказал Данингеру:

— Я успокоюсь, когда высажу этого парня. Он — шпион.

Данингер мрачно посмотрел на его лицо, освещенное люминесцирующим светом приборов.

— Ему не понравилось Отто. Тебе так не показалось?

— Показалось.

Отсчет: 009

Ричардс пошел назад по узкому проходу, задевая кресла. Фридман, бортрадист, даже не взглянул на него. И Донахью тоже. Ричардс прошел на кухню и там остановился.

Маняще вкусно пахло кофе. Он налил себе чашку, добавил сухих сливок из пакетика и уселся на одно из откидных сидений, где обычно отдыхают стюардессы. Кофеварка пыхтела паром.

Через прозрачную дверцу морозильника был виден полный набор питания — шикарные замороженные обе-ды, а в буфете было полно маленьких бутылочек с разными напитками.

“Можно было бы хорошо выпить”, — подумал он.

Он потягивал кофе, вкусный и крепкий, а кофеварка все пыхтела.

“Надо же, куда меня занесло”, — подумал он и отхлебнул из чашки. Да, никакого сомнения. Он сидел здесь, в кухне самолета, и маленькими глоточками пил замечательный кофе.

Кастрюльки и сковородки аккуратно расставлены и развешены. Мойка из нержавеющей стали блестит чистотой. И, конечно кофеварка фирмы “Сайлекс” — колба на горячей подставке, а в ней булькает ароматный напиток. Шейла всегда хотела такую. “Сайлекс” — надежная фирма”, — говорила она.

Он заплакал.

Рядом был туалет, такой маленький, что только узкие бедра стюардесс могли в него протиснуться. Дверь была полуоткрыта, и ему все было хорошо видно: да-да, даже

голубую воду с дезинфицирующим раствором в унитазе. Справлять нужду тоже надо со вкусом, даже на высоте десяти тысяч метров.

Он пил кофе и плакал, а кофеварка все булькала и пыхтела. Он плакал спокойно и беззвучно. Не стало кофе в чашке, прекратился и плач.

Он встал и поставил чашку в стальную мойку. Потом поднял кофейник за коричневую пластмассовую ручку и осторожно вылил кофе в раковину. Маленькие капельки конденсата остались на толстом стекле.

Он вытер глаза рукавом куртки и вышел в узкий коридор, потом, все еще держа кофейник в руке, зашел в отделение, где сидел Донахью.

— Хочешь кофе?

— Нет, — коротко ответил Донахью, не поднимая на него глаз.

— Да, наверняка, хочешь, — сказал Ричардс и со всей силы опустил тяжелый стеклянный кофейник на его склоненную голову.

Отсчет: 008

От такого рывка рана на боку опять открылась, уже в третий раз, зато кофейник не разбился. Ричардс подумал, что его, вероятно, чем-то укрепили (может, витамином В-12?), чтобы он не треснул на большой высоте и при высокой турбулентности. На кофейнике осталось большое пятно крови. Донахью упал на столик, где лежали карты и схемы. Кровь красным ручейком сбегала по пластиковой обложке и капала на пол.

— Понял вас, пять, С-один, девять-восемь-четыре, — отчетливо сказал голос по радио.

Ричардс все еще держал кофейник. На нем остались пряди волос Донахью. Он уронил кофейник, но тот не разбился. Даже здесь ковровые покрытия. Из крышки кофейника выпал стеклянный шарик, похожий на красный глаз. Глянцевое изображение Кэти в кровати, во-

семь на десять, опять появилось перед глазами. Ричардс содрогнулся.

Он поднял Донахью за волосы и пошарил в кармане его форменного пиджака. Пистолет был на месте. Он уже был готов снова уронить голову Донахью на столик с картами, но задержался на мгновение а потом с силой оттолкнул ее. Рот Донахью распахнулся в идиотской ухмылке, кровь из раны потекла прямо туда.

Ричардс стер кровь с одной ноздри и посмотрел внутрь. Вот он, респиратор. Маленькая блестящая сеточка.

— Подтвердите время прибытия. С-один, девять-восемь-четыре, — запросил голос по радио.

— Эй, это тебя, Донахью, — крикнул Фридман с другого конца кабины.

Ричардс вышел в коридор. Он чувствовал слабость, Фридман взглянул на него.

— Скажи, пожалуйста, Донахью, чтобы он оторвал свой зад и подтвердил...

Ричардс попал ему в верхнюю губу. Зубы разлетелись, как разорванное варварское ожерелье. Волосы, кровь и мозг размазались по стене за стулом, где на трехметровом экране девица раздвигала немеренные ноги на кровати красного дерева.

Из пилотской кабины послышался сдавленный крик. Холлуэй отчаянно пытался закрыть дверь. Ричардс заметил у него на лбу маленький шрам в форме вопросительного знака. Такой шрам мог заработать любопытный мальчишка, когда упал с дерева, где он играл в летчика.

Он выстрелил Холлуэю в живот. Тот издал какой-то дикий звук: "Бу-у-уу". Ноги его подкосились, и он упал лицом вперед.

Данингер повернулся в своем кресле, лицо — как вялая дыня.

— Не стреляй в меня, — сказал он. Но ему не хватило дыхания, чтобы это прозвучало убедительно.

— Вот, — мягко сказал Ричардс и нажал на курок. Данингер упал, что-то треснуло и засветилось позади него.

Тишина.

— Подтвердите время прибытия! С-один, девять-восемь, четыре.

Вдруг Ричардс всхлипнул и изверг из себя целый поток кофе, смешанного с желчью. Такой мышечный спазм еще больше раскрыл рану, и дикая боль пронизала его.

Хромая, он подвинулся к контрольной панели, где мигали бесконечные огоньки. Сколько приборов — просто жуть!

Неужели у них нет постоянной связи на таком важном рейсе? Должна быть!

— Подтверждаю,— сказал Ричардс обычным тоном.

— У вас включен экран “Свободного вещания”? С-один, девять-восемь-четыре? Что-то плохо вас слышно. Все в порядке?

— В порядке.

— Скажи Данингеру, что он проиграл мне пиво,— загадочно произнес голос, и потом были слышны лишь помехи.

Отто вел автобус.

Ричардс пошел обратно закончить свою работу.

Отсчет: 007

— О, Боже мой,— простионала Амелия Уильямс.

Ричардс взглянул на себя: весь его правый бок, грудь и рука были ярко-красного цвета.

— Кто бы подумал, что в старике столько много крови?— сказал Ричардс.

В салон первого класса стремительно влетел Маккоун. В руке у него был пистолет и он сразу прицелился в Ричардса. Два выстрела прозвучали одновременно. Маккоун исчез за занавеской, разделявшей салон и кухню. Ричардс тяжело опустился на пол. Он вдруг почувствовал смертельную усталость. В животе у него было большое отверстие и сквозь него виднелись внутренности.

Амелия непрерывно кричала, оттягивая руками щеки, что делало ее лицо похожим на маску колдуньи.

В салон, шатаясь, вернулся Маккоун. Он ухмылялся.

Половина его головы, казалось, была разнесена выстрелом, но он все равно ухмылялся.

Он дважды выстрелил. Первая пуля пролетела над головой Ричардса, вторая попала ему немного ниже ключицы.

Ричардс тоже выстрелил. Маккоун дважды перевернулся вокруг себя, как волчок. Пистолет выпал из его пальцев. Теперь казалось, что он внимательно рассматривает белый пластиковый потолок салона первого класса и сравнивает его с тем, что был у него во втором. Он упал. Запах пороха и жженого мяса повис в воздухе. Это была удивительно четкая, реальная картина.

Амелия продолжала кричать. Ричардс подумал, что так может кричать только очень здоровый человек.

Отсчет: 006

Ричардс медленно встал, поддерживая вываливающиеся кишки. Ему казалось, что кто-то зажигает спички прямо у него в желудке. Он медленно прошел между рядами кресел, нагнулся, одной рукой держась за диафрагму, словно кланяясь невидимым зрителям. Другой рукой он поднял парашют и потянул за собой. Серая колбаска кишки выскочила из его пальцев, он затолкал ее на место. Это было очень больно. И еще ему показалось, что его прямая кишка уже не функционирует так, как надо, и все штаны у него испачканы.

— Ох-ох-ох,— стонала Амелия,— Боже милосердный...

— Одень его,— приказал Ричардс.

Она продолжала раскачиваться и стонать, не слыша его. Он бросил парашют и ударил ее по лицу, хотя сил у него совсем не было. Он медленно сжал руку в кулак и двинул ей еще раз. Она замолчала, глядя на него отсутствующим взглядом.

— Надень это,— повторил он,— как рюкзак. Видишь, как?

Она кивнула, потом сказала раздельно:

- Я... не... могу... прыгать. Боюсь.
- Мы падаем. Тебе придется прыгать.
- Не могу.

— Ну, хорошо, тогда я тебя пристрелю.

Она вскочила с кресла, чуть не сбив его с ног, и, выпучив глаза, начала натягивать на себя парашют.

— Нет, этот ремень должен быть здесь, ниже.

Она быстро поправила ремни и отступила к телу Маккоуна, когда Ричардс попытался приблизиться к ней. У него изо рта шла кровь.

— Теперь застегни крючок на этом кольце. Да, вот так! Затяни вокруг живота.

Она сделала все, как он велел. Пальцы ее дрожали и плохо слушались. Она даже заплакала, когда с первого раза у нее не получилось. Потом, случайно наступив в лужу крови около Маккоуна, она безумным взглядом посмотрела на него, но затем переступила через труп.

Они пошли в конец самолета через два салона. Горящие спички в его животе сменились хорошей зажигалкой.

Аварийный выход был заперт специальной задвижной и замком, который автоматически контролировался из пилотской кабины.

Ричардс дал ей пистолет.

— Стреляй в замок... Я не выдержу отдачу.

Закрыв глаза и отвернув голову в сторону, она дважды нажала на курок пистолета Донахью. Больше пуль не было, а дверь все еще была заперта. Ричардс почувствовал поднимавшееся отчаяние. Амелия нервно терсбила трос парашюта.

— Может быть... — начала она, но тут дверь внезапно вывалилась наружу во мрак ночи, вытягивая ее туда же.

Отсчет: 005

Согнувшись, как старая ведьма, и держась за спинки кресел, Ричардс пытался отойти от двери, чтобы воздушный поток не вытолкнул его вслед за Амелией. Если бы они летели выше, при большой разнице в давлении его

бы тоже вытянуло наружу. А сейчас его так потрепало, что бедные, сложенные в гармошку кишки вывалились из живота и тянулись за ним по полу. Прохладный ночной ветер на высоте семисот метров становился резким и ледяным. Зажигалка в животе превратилась в факел, который просто испепелял его внутренности.

Так, надо пройти через второй салон. Хорошо! Уже не так тянет назад. Теперь через распростертое тело Маккоуна (переступите, пожалуйста) и через салон первого класса. Кровь текла струйкой у него изо рта. Он остановился у входа на кухню и попытался собрать с пола кишки и затолкнуть их обратно в живот. Он понимал, что им совсем не нравится тут, снаружи. Они все перепачкались. Ему хотелось поплакать над несчастной участью внутренностей, которые не ожидали ничего такого.

Ему никак не удавалось сложить их и запихнуть внутрь. Что-то он делал не так. Они все перепутались. Страшные картины школьных уроков биологии пронеслись перед глазами. Он осознал каким-то закатным чувством, что это, действительно, конец, и заплакал, всхлипывая полным ртом крови.

На самолете не было никакого движения. Ни одной живой души. Никого. Только он и Отто...

Мир начал блекнуть, терять краски по мере того, как его собственная яркая влага вытекала из него. Прислонившись к двери кухни, весь скрючившийся, как пьяница у фонарного столба, он видел все вокруг себя в каком-то пульсирующем, призрачном сером свете.

Вот и все. Я ухожу.

Он опять закричал, мучительно пытаясь сфокусировать сознание. Нет, еще не пора. Я пока не могу.

Он оторвался от двери кухни, обвитый кишками как веревками. Удивительно, как много их там помещается, таких кругленьких, плотненьких, гладеньких... Он наступил на какую-то из кишок и что-то внутри оторвалось. Вспышка боли была ослепительной, выше всяких сил, он взвыл, мотая головой и разбрызгивая кровь по стенам. Потеряв равновесие, он упал бы, если бы не ударился о стену, и поэтому удержался под углом в 60 градусов.

Я ранен в живот.

Как в бреду его мозг отреагировал: *плим-плим-плим.*

Нужно доделать одно дело.

Рана в живот считается одной из самых страшных. Как-то, однажды, во время их полночного перерыва на ленч, они обсуждали, как страшнее всего погибнуть. Это было тогда, когда он работал уборщиком. Крепкие и здоровые, полные крови и спермы, все они тогда набивали рты сэндвичами и сравнивали относительные преимущества смерти от лучевой болезни, переохлаждения, падения. "А может быть, лучше всего было просто уснуть?". И кто-то тогда вспомнил о ранении в живот. Наверное, Харрис. Толстяк, который наливался дармовым пивом на работе.

"Очень болит живот, — сказал тогда Харрис, — и очень уж долго все это тянется". И все они важно закивали и согласились с этим, не имея ни малейшего представления о БОЛИ.

Ричардса шатало в узком коридоре, и он держался попеременно то за одну, то за другую стенку. Мимо Донахью, мимо Фридмана, вытерпевшего радикальное хирургическое вмешательство в полость рта. У него начали немсть руки, а боль в животе (вернее, там, где был живот) все усиливалась. И все же он еще передвигался, и его изорванное, истерзанное тело пыталось выполнять приказы безумного Наполеона, сидевшего в его черепе.

О, Господи, неужели это конец?

Трудно поверить, но у него оказалось столько предсмертных клише. Казалось, что его мозг выворачивался наизнанку, поедая себя в последние лихорадочные секунды.

Только. Одно. Дело.

Он споткнулся о распростертое на полу тело Холлуэя. Упал и не хотел вставать. Почувствовал сонливость. Очень трудно встать. А Отто что-то мурлычет, напевает колыбельную песенку. *Тс-тс, тише. Овечки на лугу, коровки в поле.*

Он с огромным усилием поднял голову — она была чугунной, железной, свинцовой — и посмотрел на два

танцующих штурвала. Внизу под ним через окно пилотской кабины он увидел Хардинг. Слишком далеко.

Он в стогу сена и крепко спит.

Отсчет: 004

Радио вдруг прокрикало:

— Эй, С-один, девять-восемь-четыре, вы слишком снизилось, как поняли? Ответьте! Нужно перейти на автоконтроль! Ответьте!

— Да, подавись ты!— прошептал Ричардс.

Он пополз к двигавшемуся штурвалу. Педали ходили вверх-вниз. Вдруг он снова закричал в агонии. Его кишки петлей зацепились за подбородок Холлуэя. Он пополз назад. Снял их с подбородка и пополз снова вперед. Руки его ослабли, и он, уткнувшись носом в мягкий ковер, поплыл, стал невесомым, но последним усилием заставил себя подняться на колени и пополз опять.

Теперь вскарабкаться в кресло Холлуэя было так же трудно, как взойти на Эверест.

Отсчет: 003

Вот наконец впереди появился огромный квадратный силуэт, высоко вздымавшийся над всем остальным. В лунном свете он казался алебастровым.

Ричардс немножко повернул штурвал, пол пополз влево. Он накренился в кресле Холлуэя и чуть не выпал из него. Он вернул штурвал в прежнее положение, и пол пошел вправо. Горизонт качался как ненормальный.

Теперь педали. Да, это легче.

Он осторожно двинул штурвал вперед. Стрелка на шкале перед его глазами продвинулась с деления 700 на 500 в мгновение ока. Он слегка потянул штурвал на себя. Поле его зрения было очень ограничено. Правый глаз

почти ничего не видел. Странно, почему они должны отключаться по очереди.

Он опять отодвинул штурвал от себя. Ему почудилось, что самолет плывет в невесомости. Стрелка сползла с отметки 500 на 400, а потом на 300.

— С-один, девять-восемь-четыре, что случилось? Прием, — голос в динамике звучал встревожено.

— Говори, говори, парень, — проворчал Ричардс. — Гав-гав!

Отсчет: 002

Огромный лайнер плыл в ночном небе как серебряная льдина, и Кооп-сити распластался под ним подобно гигантской поваленной мишени.

Он летел прямо на город, на здание Федерации Игр.

Отсчет: 001

И вот уже самолет с ревом летел над Каналом, казалось, его поддерживала Божья десница. Сутенер около входа в гостиницу уставился в небо, но подумал, что у него “глюк”, последний наркотический сон, и его сейчас заберут на небеса “Дженерал Атомикс”, где вся еда бесплатная и все деньги отмыты.

На яростный звук двигателей люди выскакивали на порог, поднимали лица к небу. Стекла витрин дребезжали и падали внутрь. Мусор из сточных канав разлетался по улицам. Какой-то полицейский, опустив резиновую дубинку, закрыл голову руками и закричал, но не услышал собственного крика.

Самолет все снижался и уже летел практически над крышами, как серебряная бита. Правое крыло прошло в двенадцати футах от супермаркета “Глэмор Колон”.

По всему Хардингу с экранов “Свободного вещания”

исчезло изображение из-за помех, и люди смотрели на светящиеся квадраты в полном недоумении и страхе.

Мир наполнился грохотом.

Киллиан поднял глаза от стола и уставился в окно, которое занимало всю противоположную стену. Мерцающая панорама города, от Саут-сити до Кресцент, исчезла. Все окно загораживал приближающийся реактивный самолет "Локхид Тристар". Его бортовые огни мигали, и на один момент — безумный, невероятный, ужасный момент — он увидел Ричардса, глядящего на него. Лицо его было покрыто кровью. Глаза горели демоническим огнем.

Ричардс ухмылялся, отставив в неприличном жесте средний палец.

— Боже! — только и успел сказать Киллиан.

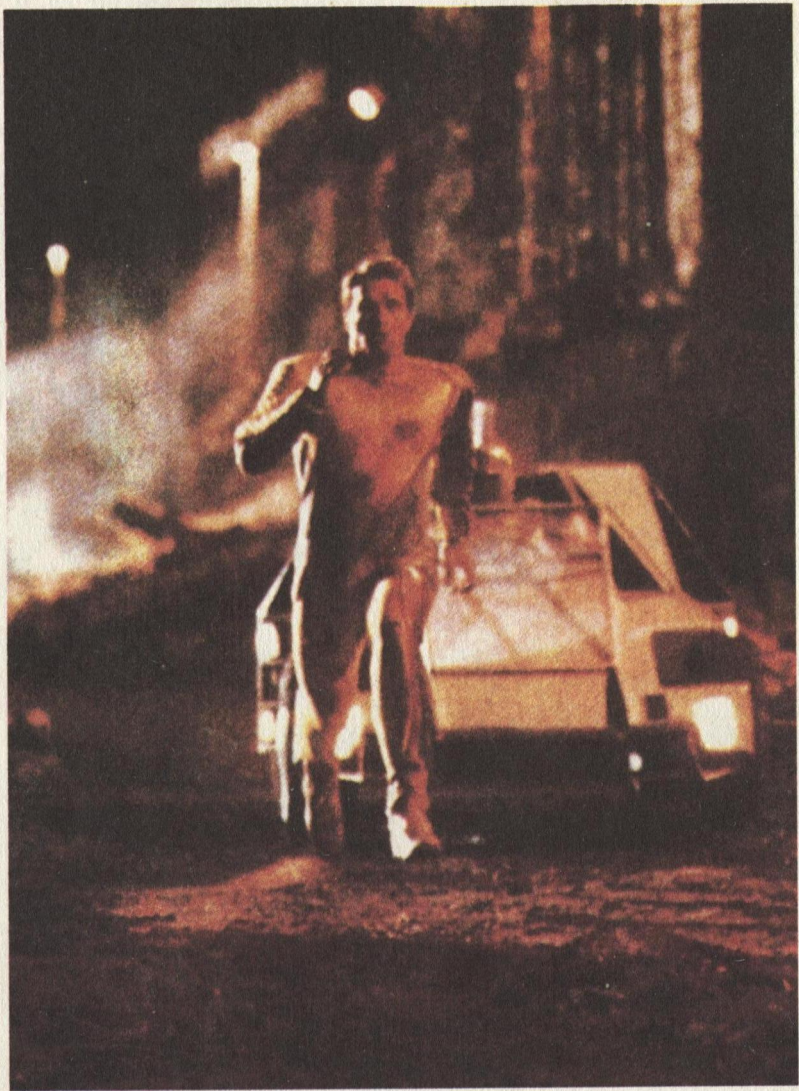
000 — отсчет закончен.

Под небольшим наклоном "Локхид" точно вошел в здание Федерации Игр и снес три четверти его этажей. В баках было еще полно горючего, а скорость немногим превышала восемьсот километров в час.

И произошел взрыв огромной силы, осветив ночь Божьим гневом, а потом на двадцать кварталов пролился огненный дождь...

Почему я стал Ричардом Бахманом

В период с 1977 по 1984 год вышли в свет пять моих романов под псевдонимом Ричард Бахман: «Ярость», «Долгая прогулка», «Дорожные работы», «Бегущий человек» и «Худышка». Я окончательно связал себя с именем Бахман по двум причинам. Во-первых, все эти книги, кроме последней, вышли сразу в мягкой обложке и были посвящены людям, тесно связанным со мной. А во-вторых, на первой книге стоял знак авторского права на придуманное имя, и так пошло дальше... Теперь же, когда меня спрашивают, зачем я это сделал, я не нахожу ни одного достаточно убедительного ответа. Хорошо еще, что я сам никого не убил, ведь так?

Стивен Кинг

Об авторе.

Стивен Кинг родился в Портленде в 1946 году. Окончив Университет штата Мэн, он некоторое время преподавал английский язык.

В конце 1960-х годов Стивен передал журналу «Истории поразительные и таинственные» свои первые рассказы. Но выход в печать романа «Кэрри» — первого крупного произведения Кинга, и последующая экранизация книги послужили началом его потрясающей известности как автора: и по сей день он остается лучшим в мире автором книг в жанрах мистики и ужасов.

Стивен Кинг живет со своей женой и двумя детьми в небольшом городишке на берегу озера в штате Мэн — на земле, где он родился и которой принадлежит всей душой.

В фантастическом романе «Бегущий Человек» Стивена Кинга, писавшего под псевдонимом Ричард Бахман, читатель столкнется с жестокой реальностью нашего ближайшего будущего, где даже в игре ставка — жизнь:

Население всего мира — от бедняков и бомжей, до богачей в надежно охраняемых квартирах — следит за этой игрой.

«Продержись 30 дней, и ты заработаешь миллиард долларов!» Но шансы малы и игра ведется нечестно. Лучший результат пока — всего восемь дней. И вот теперь есть новый участник, поставивший свою жизнь на карту. Вся нация следит за ним...

Художник — В. Зорин

**Популярнейший европейский молодежный журнал
«BRAVO»
в России!**

Русское издание популярнейшего европейского молодежного журнала «BRAVO» выходит в России с марта 1993 года, объемом в 32 красочно иллюстрированные страницы отличного полиграфического качества, тиражом 500.000 экз.

Журнал охватывает весь спектр интересов современной молодежи: поп- и рок-музыка, кино, сексуальное воспитание и т.д.

По вопросам приобретения журнала обращайтесь по тел:
(095) 971-55-25, 971-55-71. Факс: (095) 975-36-58

Подписано в печать 04.10.93г. Формат 84х108/32

Гарнитура «Таймс», 14,0 п.л. Тираж 150.000 экз.

Заказ 1798. С04.

Издательство «Лиесма системс» О.О.О.: ЛВ-1082.

г. Рига, ул. Сахарова, отд. св. 82. а/я 20.

Издание осуществлено при участии издательства «Индекс», г. Самара, Ярмарочная, 31.

Отпечатано с оригинал-макета на полиграфическом предприятии «Современник»,
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30.

Слава Сталину!

